ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

В. А. КРЫЛОВ

ОБЫКНОВЕННЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ





Валериан Андреевич
КРЫЛОВ



ПОДПОЛКОВНИК
В. А. КРЫЛОВ

ОБЫКНОВЕННЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ



Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1971

9(С)27
К85

Солдатам и офицерам 23-го гвардейского Браиловского ордена Александра Невского артиллерийского полка посвящается

НА ТИХВИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Метет поземка. Порывистый ветер гонит мелкую сухую крупу, пригибая до самой земли тонкие ветви тальника. Этот ветер подгоняет и меня, словно бы торопя получить новое назначение.

13 декабря 1941 года я вернулся из госпиталя в свой 542-й стрелковый полк, к бойцам 8-й роты. Немного пришлось быть вместе с ними, всего полмесяца, с 24 октября по 8 ноября. В это время шли упорные бои в районе населенных пунктов Петровское, Холмы, Воробицы. Под Воробицами меня ранило. Вот эти пятнадцать фронтовых дней стали дороже многих месяцев обычной мирной жизни, а дружба с бойцами роты была спаяна кровью.

— Товарищ старший политрук, после госпиталя обязательно возвращайтесь к нам, — говорили они, когда вынесли меня с поля боя.

— Постараюсь, — пообещал я.

Но после выздоровления меня, к сожалению, направили в другой полк. И вот я шагаю по тропинке к деревне Красницы, где находится сейчас политотдел дивизии. Прикидываю, какую же работу предложит мне начальник политотдела батальонный комиссар Николай Васильевич Ляпунов.

Резкий выстрел, раздавшийся совсем рядом, прервал мои размышления. От неожиданности я даже немного оторопел. Осмотревшись, метрах в пятидесяти от дороги, в елочках, увидел орудие. Оно показалось мне неуклюжим: короткий ствол и под ним какое-то длинное корыто. Возле орудия пять бойцов. Подхожу к ним.

— Кто такой? — строго спросил меня старший сержант в расстегнутом ватнике. Выглядел он очень молодо.

Я объяснил. Затем спросил, далеко ли Красницы.

— Видите большие деревья? За ними, — показал рукой старший сержант.

Политотдел дивизии разместился в одном из больших

домов на самом краю деревни. Вхожу. В дальнем углу за колченогим столом сидит политрук и старательно выстукивает что-то на машинке.

— Все в полках, — ответил он, когда я спросил о начальстве. — Вернутся только вечером. Идет бой за Ситомлю. Тихвин-то, говорят, освободили еще девятого декабря, гитлеровцы бегут к Будогощи. Вот наша дивизия и должна устроить им «баню». И устроит...

Вскоре пришел инструктор по оргпартработе старший политрук Чистяков. Он поздоровался со мной так, будто расстался только вчера. Молодой, жизнерадостный парень сегодня был особенно весел.

— Ну, браток, стукнули гадов! Показали им, что такое советская гвардия! — Чистяков окинул меня быстрым взглядом. — Обедал?

Я мотнул головой.

— Ясно. Сейчас устроим на двоих. Я тоже проголодался.

Взяв два солдатских котелка, он ушел.

Через несколько минут мы уже сидим за столом, с аппетитом едим гороховый суп из концентрата. Чистяков знакомит меня с обстановкой, рассказывает о боях, которые провела дивизия, пока я лежал в госпитале.

— Заваруха была сильная, — говорит он. — Фронт дивизии растянулся на сорок километров: Петровское — Красницы — Ново-Никольское. И соседей нет. Была двадцать седьмая кавдивизия, так ее еще второго ноября отправили на переформирование. Вот и метались мы туда-сюда. Везде надо поспеть...

Ляпунов пришел поздно вечером. Сбросив с себя шинель, он весело объявил:

— Все! Ситомля полностью очищена от фашистов. Соединились с частями северной группы нашей армии. Много гитлеровцев попало в окружение. Чайку бы горячего теперь...

Чистяков вышел.

— Прибыл из госпиталя для прохождения дальнейшей службы, — доложил я.

— Подлечился? Здоров? — Ляпунов внимательно посмотрел на меня. — Вот и замечательно. Пойдешь в артполк. Комиссаром второго дивизиона.

Я растерялся — для меня это назначение было неожиданным.

— Что, не ожидал? — улыбнулся начальник политотдела. Моя растерянность не ускользнула от его внимательного взгляда.

— Нет. Я плохо знаком с артиллерией. Да и опыта работы комиссаром у меня нет. Не справлюсь, — ответил я и, словно бы набравшись духу, выпалил: — Пошлите меня в стрелковый полк пропагандистом. До войны я был преподавателем истории в средней школе. Пропагандистская работа мне более подходит.

— Справишься и с работой комиссара дивизиона. Главное для политработника — всегда быть с бойцами, воспитывать у них ненависть к немецко-фашистским захватчикам. А опыт — дело наживное.

— Ясно, товарищ батальонный комиссар!

Начальник политотдела ознакомил меня с положением в артполку, рассказал о командирах.

По его словам, в боях под Тихвином особенно отличилась 1-я батарея. Артиллеристы дрались в окружении возле села Ново-Никольское, подбили три немецких танка, уничтожили около полусотни гитлеровцев. Во время боя командный состав батареи погиб. Командовать ею стал комиссар дивизиона Виктор Ардальонович Соколов. Ночью 5 ноября он повел бойцов в атаку на немецкие позиции. Гитлеровцы не выдержали удара и отступили. Батарея вышла из окружения, вывезла даже пушки, подбитые в бою.

— Вот пример, как должен действовать комиссар. — Ляпунов встал из-за стола. Лицо его вдруг стало хмурым, черные глаза сузились. — А во втором дивизионе дела неважные. Пришлось заменить кое-кого...

Ляпунов в упор посмотрел на меня, словно я был косвенным виновником этих неприятностей.

— Командиром дивизиона назначен старший лейтенант Васильев. Твоя задача — вместе с ним сделать подразделение боеспособным. В самый короткий срок.

Видимо, пока я слушал рассказ о положении во втором дивизионе, мой вид стал таким унылым, что Ляпунов невольно засмеялся.

— Не падай духом, товарищ старший политрук! Хотя в дивизионе и маленькая парторганизация, всего девять человек, но народ боевой. Опирайся на коммунистов, советуйся с ними.

Сам батальонный комиссар выполнял это правило не-

укоснительно. Однако при всей своей общительности он был весьма требовательным политработником, а в трудные минуты показывал подчиненным примеры мужества и самоотверженности.

В одном из боев за Тихвин, рассказывал мне Чистяков, большая группа наших воинов, в числе которых было немало раненых, оказалась в окружении. Н. В. Ляпунов с несколькими бойцами проскочил к ним на паровозе. Раненых поместили в теплушку, и тихвинский машинист Украинцев на всех парах повел паровоз вперед, пробиваясь сквозь гитлеровские заслоны. Враг открыл беглый огонь по смельчакам, но те во главе с начальником политотдела дружно отстреливались и все-таки сумели прорваться к своим.

На прощание Ляпунов сказал, что из Москвы поступают хорошие вести.

— Надо, Крылов, рассказать об этом бойцам. Бьют гитлеровцев в Подмосковье. Так бьют, что любо-дорого!

— Ясно! — козырнул я, обрадованный добрыми вестями. — Разрешите идти в артполк?

— Куда же сейчас? На дворе ночь. Да ты и не знаешь, где это Степкино, возле которого находится штаб артполка. Ночуй в политотделе. Утром придет связной, вот с ним и отправишься. — Он подал мне руку. — Ну, будь здоров, старший политрук. Надеюсь, плохого о тебе не услышу.

Утром связной помог мне разыскать штаб 632-го артиллерийского полка. В небольшом сосновом лесу в землянке сидели два очень похожих друг на друга командира. Оба бритоголовые, круглолицые, курносые. А может, в этой схожести виновато скудное освещение лампы, сделанной из снарядной гильзы.

— Прибыл на должность комиссара второго дивизиона! — доложил я.

— Документы? — спрашивает один из «близнецов».

Догадываюсь, что это батальонный комиссар Барсток Павел Семенович. Подаю удостоверение личности и предписание политотдела. Барсток, мельком просмотрев документы, просит рассказать о прежней службе.

Рассказываю. Признаюсь, что никогда не служил в артиллерии и пушки знаю больше по книгам и картинкам. Комиссар полка внимательно смотрит на меня, както неопределенно гмыкает и монотонно повторяет:

— Так... так... так.

Это неопределенное «так» сбивает с толку. Зачем, думаю, сказал, что не знаю артиллерии? Мною овладевает какая-то неуверенность. Обрываю свой рассказ на полуслове.

— Ничего, справишься. Не боги горшки обжигают, — ободряюще улыбнулся Барсток. Эта улыбка, открытая и доброжелательная, сняла мою неуверенность.

— Разрешите приступить к исполнению обязанностей?

Барсток повернулся к своему товарищу, молчаливо слушавшему мой рассказ:

— Что ж, разрешим, товарищ майор?

Я понял, что майор — командир полка Архип Артемович Квак. Он добродушно усмехнулся и спросил:

— Есть хочешь? Говори, не стесняйся.

— Спасибо, товарищ майор. В политотделе накормили.

— О втором дивизионе все рассказали? — поинтересовался комиссар. В его глазах блеснула какая-то лукавинка.

Политотдельцы говорили мне о его строгости и требовательности, я же видел перед собой человека добродушного, удивительно простого. Павлу Семеновичу в то время было лет сорок, но выглядел он гораздо моложе. Я уже знал, что он служит в артиллерийском полку с августа сорокового года. Однажды, когда часть оказалась в очень трудном положении, батальонный комиссар с группой бойцов спас Знамя полка. За этот подвиг он награжден орденом Красного Знамени.

— Старший лейтенант Васильев, как артиллерийский командир, дело знает хорошо. В дивизионе почти с первого дня войны. Надеюсь, что сработаетесь, — сказал командир.

Вскоре пришел Васильев. Когда мы знакомились, он чуть заметно улыбнулся. Улыбка была мягкой, сердечной. Выше среднего роста, голубоглазый, с красиво очерченными губами, Иван Андреевич полюбился мне с первого взгляда.

— В целом люди у нас хорошие, — говорит он мне по дороге в дивизион. — Многие дрались под Минском и Смоленском, на Синявинских высотах, бились с врагом по-гвардейски. Но есть и недостатки. Особенно, как тебе

уже известно, в шестой батарее... Впрочем, давать кому-либо характеристику, навязывать свое мнение не буду. Познакомишься — сам составишь мнение о каждом.

Несколько минут идем молча. Под ногами поскрипывает снег. Небо на востоке стало темнеть. Оттуда разливалось какое-то тихое спокойствие. Зато на западе по небу тревожно бегали отблески пожаров, глухо урчала артиллерийская канонада. Бой шел на подступах к Будогощи.

— Жгут деревни, мерзавцы! Отступая за Волхов, разрушают буквально все, что могут.— Васильев вздохнул.— А работы в дивизионе много. Но думаю, что сообща сумеем выправить положение.

Васильев остановился, положил мне руки на плечи и с подкупающей доверительностью спросил:

— Так будем дружить, товарищ комиссар?

— Будем, Иван Андреевич! — Я крепко пожал сильную руку бывшего ленинградского рабочего. Это рукопожатие положило начало нашей фронтовой дружбе, дружбе самой чистой и бескорыстной. Эта дружба определила потом и мое отношение к командирам, с которыми пришлось мне работать на протяжении всей войны...

Наша 161-я дивизия в числе первых четырех стрелковых соединений получила наименование гвардейской. Это обязывало каждого бойца и командира показывать образцы воинского умения, стойкости и храбрости.

Первая встреча с противником произошла под Минском (местечко Заценъ, Остращицкий городок, Волма). Трое суток шел ожесточенный бой. Рвались вперед танки врага, напролом лезли пьяные гитлеровские головорезы. Но части и подразделения дивизии стояли крепко. Два дня и две ночи 632-й артиллерийский полк дрался в окружении в Зацени. Уничтожив 16 фашистских танков, он вырвался из вражеского кольца. В районе Волмы, поддерживая, 477-й стрелковый полк дивизии разбил неприятельскую переправу, подбил еще 8 танков. На яростные атаки гитлеровцев бойцы 447 сп отвечали контратаками. дрались врукопашную. Они уничтожили несколько сот неприятельских солдат.

И все же пришлось отходить на восток. Но, отступая, дивизия упорно дралась на каждом рубеже. Больше суток

шел бой в горящем Шклове. Гитлеровцы считали, что, разрушив переправу через Днепр, они заставят наших бойцов сложить оружие. Но соединение пробилось к местечку Копысь, севернее Шклова, и организованно переправилось на восточный берег Днепра. Артиллеристы, прикрывая отход соединения, сожгли около двух десятков немецких танков.

Васильев был участником ночного боя у местечка Горки. В этой схватке артиллеристы подбили еще до десятка танков, сожгли больше 40 автомашин, уничтожили большую группу гитлеровцев.

Вот как это было. По шоссе из местечка Дрибин к Горкам с зажженными подфарниками двигалась колонна автомашин врага, ее охраняли танки. И вдруг с опушки леса, что возле деревушки Тимоховка, метнулись в колонну огненные мечи сорокапяток и дивизионок. Рявкнули гаубицы. Раздались взрывы в голове и в хвосте колонны. Снаряд гаубицы разворотил штабную автомашину, оставил от нее только обгорелые обломки.

А через день, 16 июля, в районе деревни Шуплы (по дороге на Мстиславль) артиллеристы дивизии, в том числе и 632-го артполка, снова отличились. Они уничтожили 9 танков, 5 бронемашин, 2 цистерны с горючим, 22 автомашины с боеприпасами. Здесь же, кстати, нашел свою смерть и генерал-майор танковых войск немецкой армии. Васильев был тогда старшим адъютантом 2-го дивизиона. Он и подписывал донесение об этом бое в штаб полка.

Потом — встреча с врагом под Ельней в августе 1941 года. Наша первая наступательная операция, за которую дивизия получила наименование 4-й гвардейской. Гвардейцы шли вперед не вслепую, не очертя голову, а лишь после тщательной разведки, после серьезной подготовки, после того, как они прощупали слабые места противника и обеспечили охранение своих флангов.

В боях на Синявинских высотах под Ленинградом в октябре 1941 года и здесь, на тихвинском направлении, бойцы дивизии подтвердили высокое звание гвардейцев. Особенно в бою за железнодорожную станцию Ситомля. Заняв Ситомлю 14 декабря 1941 года, дивизия отрезала тихвинской группировке гитлеровцев основные пути отхода. Еще два дня боев, и остатки разгромленной армей-

ской группы генерала Шмидта бросились бежать за реку Волхов.

Ночью пришел приказ на марш. Чуть свет дивизион двинулся вперед.

Первая остановка в деревне Заполье. Внимательно наблюдаю за действиями батарейцев. Для меня все внове, всему надо учиться. Хожу вместе с Васильевым, смотрю на конные упряжки, на пушки, а у самого такой вид, что командир не удержался и спросил:

— Что, комиссар, кони не нравятся? Думал, у каждой батареи они одной масти, сильны, как львы, на огневые выезжают галопом, командир батареи на лихом скакуне, только шашкой помахивает. Прошло, комиссар, то время. Теперь все иначе...

Я промолчал. Да и что сказать? Конечно, красиво, когда одномастные и сильные, как львы, кони вылетают на огневые позиции. Но теперь не до этого. Были бы люди сильны в бою.

— Ничего, — продолжал Васильев, словно угадав мои мысли, — бойцы умеют воевать и ведут себя под огнем мужественно.

И тут же подтвердил это примером: командир отделения связи 4-й батареи сержант Баев в рукопашной схватке под Заозерьем уничтожил четверых гитлеровцев. Был и такой случай. Одно из орудий 5-й батареи попало в беду. Расчет отстреливался до последнего снаряда. Командир погиб. Командовал наводчик младший сержант Золотарев. Пока расчет отбивался от гитлеровцев, ездовые подогнали к орудию лошадей. На полном скаку они вытащили пушку из окружения...

В Заполье мы стояли часа два. Когда бойцы готовились к завтраку, Васильев, заметив, что надо помнить золотое суворовское правило, проверил кухни, снял пробу. Замечание Ивана Андреевича я принял в свой адрес.

— Что ж, с сегодняшнего дня заботу о питании личного состава беру на себя.

И вот я обхожу батареи, наблюдаю, как раздают пищу. Позавтракал с разведчиками управления дивизиона, остался доволен.

Спустя некоторое время Васильев вызвал командиров батарей.

— В нашем распоряжении целый час. Займемся?

Он вытащил из своей сумки записную книжку. И пошел разговор для меня совсем непонятный: шаг угломера, синус... Сижу как на иголках. В голове бьется только одна мысль: «А вдруг Васильев спросит: как, мол, твое мнение, комиссар? Пожалуй, не найдусь, что ответить».

Командиры батарей решают задачи довольно быстро. Это видно по довольному, улыбающемуся лицу Ивана Андреевича. Впрочем, после занятий он все же сказал:

— Вот, комиссар, учти на будущее. Командир батареи обязан быть прежде всего отличным огневиком. Подготовку данных должен знать безупречно. А у нас не все хорошо. Командир шестой Андрей Селезнев — довольно опытный артиллерист, командует батареей с начала войны, однако он иногда допускает небрежность в подготовке и ведении огня. Командир четвертой Александр Коваль только что принял батарею от него. — Васильев кивнул на сидящего в стороне от нас начальника штаба дивизиона Алексея Ивановича Мартынова. — Но Коваль — прирожденный математик. Этот будет настоящим мастером артиллерийского огня.

— Из него получится толковый командир дивизиона, — заметил начальник штаба Мартынов.

— Труднее командиру пятой — Василию Запарованному, — продолжал Васильев. — Горяч. Может и торопливое решение принять. Этого надо еще учить да учить.

— Василий старательный парень, научится, — сказал старший лейтенант Мартынов. — С первого дня войны вместе. Мне ли не знать.

Учеба. Это еще в большей степени относится ко мне, комиссару дивизиона. Не могу же я все время быть среди артиллеристов вот таким незнайкой. И я говорю Васильеву:

— Иван Андреевич, не выкроишь ли время и для меня. Ведь все эти премудрости, о которых ты только что говорил, я пока не постиг.

— Всегда готов помочь, комиссар. Раз есть желание — научишься. Да и сама обстановка многому научит. Будь только наблюдательным.

Впоследствии командир действительно постоянно учил меня. Подойдет к орудию, будто проверяет знания орудийного расчета, а сам ведет дело так, чтобы все было понятно и мне. Сам он артиллерийскую науку знал очень хорошо. Это видно было даже по тому, как слушал его Мартынов, тоже очень грамотный артиллерист...

Проходим Петровское. Здесь в ноябре велись упорные бои. Несколько раз село переходило из рук в руки. Для меня же этот населенный пункт особенно памятен — здесь я принял первое боевое крещение. Перед глазами сразу же возникла картина недавнего прошлого.

Первый бой... В голове одна тревожная мысль: как я поведу себя? Сумею ли идти не только вместе с ребятами, но и впереди их? Ведь политработнику положено быть впереди. Или окажусь малодушным, струшу помимо своей воли?

Перед началом атаки хотел было произнести небольшую речь, но из головы вылетели все нужные слова. После команды «Вперед!» только и сказал бойцам:

— Ну, пошли, ребята!

Оказывается, страшен лишь первый шаг — пока выходили из леса. Идем по полю, а на сердце вроде бы и спокойнее стало. Окидываю взглядом всю роту. Бойцы продвигаются вперед, как на учении, — короткими перебежками. Только вот с маскировкой плохо. На белом снегу в черных ватниках уж очень четко видны все.

В центре идет лейтенант Степан Шашков, молодой парень. Для него это не первая атака. Всегда спокойный, он и сейчас ведет себя так, словно ничто ему не угрожает.

Я иду на левом фланге. Рядом со мной широченными шагами отмахивает Павел Почтенный. В его руках «дегтярев» кажется игрушкой. На правом боку сумка с пулеметными дисками. Почтенный — опытный пулеметчик. На его счету уже два десятка уничтоженных гитлеровцев. Справа от меня какой-то беззаботной походкой шагает старший сержант Березкин, тоже бывалый воин.

Фашисты открывают огонь из минометов. С левого фланга бьют пулеметы. Возле самого уха проносятся трассирующие пули.

Бойцы все больше и больше рассредоточиваются, растекаются по всему полю.

Открывает огонь вражеская артиллерия. В боевых порядках роты сразу вспыхивает несколько больших фонтанов пыли и дыма.

Шашков кричит:

— Вперед, ребята, вперед!

Петровское уже недалеко. Еще один рывок — и мы в селе. А там...

Но впереди — река. Тусклая свинцово-серая гладь ее как будто угрожает нам глубиной. Березкин с разбегу прыгает в воду. Через мгновение он кричит:

— Тащи обратно, здесь глубоко!

Собираемся под крутым берегом. Здесь мертвое пространство, можно передохнуть. И приходится ждать — нас тут всего полтора десятка. Березкин промеряет реку, ищет брод.

К нам ползком пробирается санинструктор роты Егоров.

— Давай обратно! — кричит он так, словно мы оглохли. — Командир батальона приказал отходить снова в лес. Девятая рота понесла большие потери, отошла на исходные позиции.

Отход хуже наступления. Один за другим падают бойцы. А гитлеровцы неистовствуют. По всему полю мечутся разрывы мин и снарядов.

Кое-как доползаем до стога сена, стоящего посреди поля. Стог — наше спасение. Останавливаемся передохнуть. Отсюда позиции гитлеровцев видны как на ладони. На том берегу, у сосен, одна группа ведет огонь из минометов, вторая, человек сорок,— быстрым шагом идет по дороге из Воробиц в Петровское.

— К черту! — Павел ругается на чем свет стоит и чуть ли не плачет от обиды и злости. Потерять столько бойцов и не выполнить задачу! — Отсюда никуда не пойду. Буду бить фашистскую шваль.

Через полминуты пулемет Почтенного заговорил длинными очередями. Нам хорошо видно, как валятся немецкие минометчики.

— Вот так! Я еще не то пропишу вам! — кричит Павел и быстро меняет диск.

— Бери вправо! Там группа фашистов бежит к селу.

И снова бьет пулемет. Мы помогаем — стреляем из винтовок.

Спустя несколько минут на нас обрушивается неприятельская артиллерия. Вокруг стога вздыбилась земля. Стог вспыхнул огнем.

— Скорей к лесу! — кричу я Павлу и Березкину.

Ползком добираемся до леса.

Под вечер немцы атакуют нашу оборону. Из деревни Холмы большая группа гитлеровцев скрытно подобралась к 7-й роте, занявшей оборону на правом фланге батальона. Вторая группа, в белых маскировочных халатах,

так же скрытно подползла к обороне 8-й роты. С этими, в балахонах, мы быстро расправились. Снова отличился Павел Почтенный — расстрелял гитлеровцев из своего «дегтярева».

Труднее 7-й. Там сильная стрельба. Шашков посылает туда на помощь первый взвод. Однако бой вскоре утихает и там. Приходит связной. Узнаем от него, что, когда немцы напали на роту, бойцы поднялись в контратаку. Гитлеровцы не выдержали штыкового удара и бросились бежать.

Ночью мы подобрали семь человек убитых и похоронили их на опушке леса. Раненых у нас было двенадцать. Немцы же потеряли более тридцати солдат. Немало убитых и раненых фашистов осталось за рекой, на огневой позиции минометной батареи, по которой стрелял из пулемета Павел Почтенный.

Все это я рассказал Васильеву и Мартынову, находясь на бывших огневых позициях вражеских минометчиков. Мартынов воскликнул:

— Товарищ комиссар, а ведь я видел, как ваша рота шла в атаку. Здорово!

— Здорово, — улыбнулся я, думая о тогдашних своих переживаниях. — Когда вышли из боя и заняли оборону на опушке леса, по Петровскому открыла огонь наша артиллерия. С первого же залпа артиллеристы подожгли школу, в которой был вражеский штаб.

— Это четвертая батарея нашего дивизиона, — перебил меня Мартынов. В его голосе прозвучала нотка гордости. Но, подавив эту нотку, он добавил с виноватым видом: — Ругать нас надо бы. Запоздали мы тогда с открытием огня — связи с огневой не было.

Я не стал обижать Мартынова, не сказал ему, что огонь его батареи был для нас бесполезен...

Тогда, 4 ноября, мы не смогли взять село. Только через три дня нам удалось выбить гитлеровцев. До нашего прихода за Петровское дрались танкисты. На окраине села мы увидели три сожженных танка и погибшие экипажи. У одного из воинов правая рука была выброшена вперед, словно он в последний момент кинул в гитлеровцев гранату, да так и застыл. В левой руке было что-то зажато. Я бережно вынул кусочек картона — остаток комсомольского билета. Прочитал часть сохранившейся надписи: «Николай Кор...»

Мы обнажили головы, простились с погибшими героями. Позже мне стало известно, что здесь сражался 21-й батальон 60-й танковой дивизии.

Мутное декабрьское небо. Крупными хлопьями валит мокрый снег. Лошади с трудом тащат орудия.

Деревня Воробицы. Делаем остановку. С любопытством осматриваю знакомые места, словно ищу что-то потерянное.

...8 ноября после взятия Петровского 3-й батальон 542-го стрелкового полка начал наступление на Воробицы. Перед северо-восточной окраиной деревни большой бугор, похожий на хребет исполинской рыбы. И как острые колючие плавники — пулеметные гнезда фашистов.

7-я рота пошла в обход деревни справа, 8-я — слева. В этом бою большую смелость и мужество показал политрук 7-й роты Василий Таскин.

Немцы открыли сильный минометный и артиллерийский огонь. 7-я залегла на открытом месте. Таскин понимал, что противник уничтожит роту, если она не устремится на врага. И он бросился вперед, увлекая за собой бойцов. Зайдя во фланг фашистам, дружно пошла в атаку и 8-я. Гитлеровцы не выдержали натиска и повернули вспять.

Трудно рассказывать о штыковом бое. В голове лишь отрывки отдельных, не связанных между собой эпизодов.

Помню здоровенного верзилу с усиками «под Гитлера». Оскаленный рот. Крупные и редкие, словно лошадиные, зубы. Фашист замахивается автоматом. Но не пропал даром опыт нашего знаменитого спортсмена Феодосия Ванина, учившего нас на курсах политсостава штыковому бою...

Два месяца — июль и август 1941 года — был я на этих курсах. Политработники, только что призванные из запаса, мало что знали о новой тактике ведения боя. Вот и наверстывали упущенное. Учились, как говорят, до седьмого пота. Феодосий Ванин, знаменитый бегун на длинные дистанции, в совершенстве владел и винтовкой. Мы только ахали, когда он показывал нам свое искусство.

— За два месяца я сделаю вас мастерами штыкового боя, — говорил он нам. — Не жалейте сил, учитесь.

И мы учились. Эта выучка очень пригодилась мне в бою за деревню Воробицы.

...Потом второй гитлеровец, маленький, толстоватый. Шпарит к деревне зигзагами. Я бегу совсем рядом, никак не догоню. А в голове только одна мысль: «Штыком его, штыком...»

Воробицы горят. По деревне бегают факельщики, поджигают дома. Помню, кричал бойцам своей роты:

— Не выпустим гадов живыми, не дадим сжечь деревню!

В этот момент меня ранило...

Вспоминая обо всем этом, спрашиваю Васильева:

— Иван Андреевич, как по-твоему, где во время боя должен находиться комиссар дивизиона?

— Судя по обстоятельствам. Если трудно на огневых позициях, то там...

— Там будут комиссары батарей. Что ж мне, над их душой стоять, что ли?

— Тогда вместе с командиром дивизиона на наблюдательном пункте. Вместе командуем, вместе и должны быть.

— Нет, Иван Андреевич, командовать дивизионом я не собираюсь. Да и не смогу. Тут уж вы полный хозяин. А моя задача — политработа. Вместе с коммунистами и комсомольцами будем помогать вам в воспитании личного состава, учить бойцов быть храбрыми, умелыми воинами. И прежде всего воспитывать у них ненависть к немецко-фашистским захватчикам.

Но все же где, комиссар, твое место в бою? Для политрука роты все ясно. Пошла рота в атаку — он впереди, своим примером увлекает других. Именно так поступил Василий Таскин в схватке под Воробицами. (Находясь в госпитале, я узнал о гибели этого отважного политработника.)

А как должен вести себя комиссар артиллерийского дивизиона? Вообще, с чего начинать? Первое знакомство состоялось, а дальше?

Политическая работа в подразделениях и частях, как учили нас на курсах политсостава, должна быть постоянной, непрерывной, будь это привал, марш или тем более бой. Уменье вести беседы, выступать с докладами, уменье убедить каждого в правоте того дела, за которое мы боремся, играет большую роль. Политработник должен хорошо знать и военное дело, иначе вся его деятельность может оказаться малоэффективной, ведь люди

составляют свое мнение о политработнике не только по тому, как он проводит беседы, делает доклады (это, конечно, тоже важно), но и по тому, как он ведет себя в бою, в любой фронтовой обстановке...

В 1966 году ко мне приехал в гости бывший разведчик 2-го дивизиона Наум Меркулович Михеев. (Долгое время он был моим ординарцем.) Стали вспоминать, как воевали. Наум Меркулович человек умный, сообразительный, со своеобразной хитринкой.

— А помните, Валериан Андреевич, как мы встретили вас? — спросил он. В его серых глазах блеснула лукавинка. Эту лукавинку я часто замечал во время наших бесед в дни войны. — Около деревни Заполье это было. На опушке леса.

Как ни напрягал я свою память, вспомнить первую встречу с Наумом Меркуловичем не мог.

— Пришел ты к разведчикам как раз во время завтрака, — продолжал мой собеседник, усмехаясь. — И решили мы проверить нового комиссара. Каков он?

— И как же вы проверили? — спрашиваю.

— Пригласили позавтракать с нами. А вы сразу: «Не откажусь. Только у меня ложки с собой нет». Я подал свою. Вы посмотрели на мои руки. Ничего не сказали, только взяли горсть снега, растерли его в ладонях и будто вымыли руки. Потом вместе с нами стали есть из одного котелка. Кузьму, повара, похвалили за хороший завтрак. Когда вы ушли, я говорю разведчикам: «А ну, покажите руки». И свои показываю. У всех они, прямо сказать, прегрязные. Пока сидели по блиндажам, не замечали этого. «Как же мы с такими руками завтракать сели? — удивляюсь. — Ну, хлопцы, время есть, грейте воду и приводите себя в порядок. И чтобы на будущее запомнили этот урок». Вот потому-то и решили тогда: свой человек наш новый комиссар.

...Снег валит и валит. Крупные влажные хлопья похожи на гигантских белых мух, назойливо танцующих перед глазами.

Рядом со мной идут разведчики управления дивизиона. Вот сержант Залесский — командир отделения топоразведки. Начальника разведки дивизиона нет, и сержант выполняет также его обязанности. По тому, как бойцы прислушиваются к каждому его слову, видно, что это авторитетный человек. А еще вернее сказать так:

любят бойцы Никиту Залесского за его храбрость, за умение вести себя в бою. По всему видно, что этот сержант наделен большой физической силой. А лицо добродушное, улыбчивое, вздернутый нос, на щеках и на подбородке ямочки. На вид ему лет двадцать пять. На фронте с первого дня войны.

Рядом с Никитой шагает второй командир отделения топоразведки — сержант Дубина, румянощекий двадцатитрехлетний крепыш.

Дорогу совсем завалило снегом. Идти трудно. Бойцы приглядываются ко мне: каким-то он будет, новый комиссар, что знает?

— С газетами плохо, товарищ старший политрук, вот уже несколько дней не получали. Что нового? — заводит разговор Залесский.

— Бьют наши фашистов, — повторяю слова начальника политотдела дивизии. — Из Подмосковья идут хорошие вести: натиск гитлеровских полчищ сдержан, началось контрнаступление. От врага освобождены многие города и села.

— Так и следовало быть, — заметил сержант Дубина.

Залесский согласился с ним и, помолчав, со вздохом добавил:

— А все ж силен, вражина. Помню, на Западном фронте навалились на нашу батарею танки. Девять штук сожгли тогда батарейцы, а они все лезли и лезли...

— Это было около деревни Шуплы, — уточнил Дубина. — Не взял нас враг танками, так решил подавить самолетами. А мы в лес. Леса там тоже большие. Одна железнодорожная станция так и называется: Темный лес. Досталось нам в этом Темном лесу... Окружили нас фашисты. Думали, все, конец. Ан нет, выбрались.

— Откуда только у них такая сила взялась, товарищ комиссар? — спросил кто-то сзади.

Я оглянулся. На меня внимательно смотрел невысокий пожилой боец.

— Михеев моя фамилия, — назвался он. — Со Смоленщины я. Жил недалеко от города Сухиничи. Сейчас там хозяйничают эти проклятые швабы. Вот ведь как обернулось дело-то. И страна-то у них много меньше нашей, а поди же, почти к самой белокаменной подошли. Как же это?

Я рассказал о гитлеровской Германии, о ее агрессивных действиях, о политике Даладье и Чемберлена перед войной.

— Выходит, французских солдат в поражении Франции винить нельзя. Виноваты буржуи, разные там вейганы, — как бы про себя произнес Михеев.

— Мы не Западная Европа — раз начали бить, теперь пойдет. Как бы ни был силен враг, все равно бока намнем, — заключил Залесский.

Останавливаюсь, пропускаю мимо себя всех управленцев. Колонну замыкает кухня. На мой вопрос, как идут дела, повар бойко отвечает:

— Нормально. Кипятим воду. Будет привал — сразу же заложим продукты.

Сержанту Кузьме Егорычеву на вид лет двадцать семь. Помнится, при первой же встрече со мной он спросил:

— Товарищ комиссар, можно обратиться к вам?

— Обращайтесь.

— Похлопочите перед командиром дивизиона. Пусть переведет меня в разведку. Ну что это за должность — повар? Пройдет война, а я... Ну что я дома скажу? Кашу, мол, варил... — В глубоко сидящих под кустистыми бровями серых глазах сержанта отражалось неподдельное душевное переживание.

В тот же день я попросил командира учесть желание Егорычева. Васильев выслушал меня и рассмеялся:

— Уже и к тебе вошел с ходатайством? Знаешь, он ведь не первый раз просит. Перевел бы я его в разведку, да повар-то он уж очень хороший. И зря прибедняется.

Командир рассказал, что Кузьма много раз под сильным огнем противника носил пищу на НП. А у села Синявино ему пришлось и за винтовку взяться, участвовать в отражении вражеской атаки.

Небольшого роста, крепко сколоченный, немного хмурый, Егорычев вечно хлопочет возле своей кухни, иногда покрикивает на ездового Ивана Николаевича Гончарова, ревниво следит за тем, как он помогает во время закладки продуктов.

У Гончарова какая-то безотчетная боязнь немецких бомбардировщиков. При артиллерийском обстреле наших позиций он и ухом не поведет. Но стоит появиться бом-

бардировщикам, как рыжеватое, веснушчатое лицо этого тридцатилетнего курского колхозника бледнеет, и он, не помня себя, бежит подальше от места бомбежки.

Вместе с тем Иван Николаевич большой балагур. Вот и сейчас он подтрунивает над Егорычевым:

— Наш Кузьма, товарищ комиссар, мастак на варево-то. Вот только одна беда у него — в разведку не берут. Говорят, ростом не вышел.

— Иди ты, курская балаболка. — Кузьма шутливо замахивается на Гончарова поленом. — Вот тресну по кумполу, будешь знать, бесструнная ты балалайка.

— А я чего? Я правду говорю. — И тут же переводит разговор на другое: — Вот, товарищ комиссар, нахлобучку фрицу дали. Теперь будет драпать. Только моя беда все равно остается: боюсь фашистских самолетов. Ума не приложу, почему так?

— А вы, Иван Николаевич, приглядывайтесь к бойцам, которые не боятся самолетов, не бегают от них. Вот и научитесь, как вести себя во время бомбежки, — говорю я.

— Другие-то тоже бегут. Только у них как-то лучше получается... Вот сейчас хорошо, снег идет, ни «мессов», ни «лаптежников» нету. Ну и мне спокойно.

Через несколько часов трудного марша лошади совсем приустали. Беспокойный Алеша Мартынов потихоньку ворчит:

— Вот непогода. Пехота вперед ушла, а ты загорай...

Делаем вынужденную остановку.

20 декабря наши войска овладели Будогощью. В освобожденном городе была создана комиссия по расследованию зверств немецко-фашистских оккупантов. В ее состав вошел и представитель от нашей части Сергей Плехов. Когда он вернулся, меня поразило его лицо, бледное и какое-то измученное.

— Насмотрелся я там, — тихо ответил он на мой вопрос, почему такой мрачный. — Хуже зверей эти фашисты. Я, пожалуй, всем расскажу, чтобы сразу...

Рассказ Сергея Плехова о двух женщинах, зверски замученных гитлеровцами, всех потряс до глубины души. Пожилую женщину и ее дочь-подростка гитлеровцы не только убили, но и надругались над ними самым зверским

образом. У обеих на груди и на спине вырезали звезды. У девочки отрезали груди.

Всегда веселый и немного бесшабашный, Алеша Мартынов не дал Плехову довести рассказ до конца, закричал:

— Слушайте, что я скажу! Я скажу... — В больших серых глазах Мартынова заблестели слезы. — Клянусь! За нашу девушку клянусь! — Алеша поднял правую руку, словно призвал нас в свидетели своей клятвы. — Доберемся мы до этой проклятой фашистской Германии. Доберемся. И я отомщу за всех! — Голос Алеши зазвенел, как туго натянутая струна.

Это был крик чистой души, потрясенной диким изуверством гитлеровцев. Но слова клятвы были явно не такими, какие следовало бы сказать в тот момент.

Мы все время говорили бойцам и командирам о ненависти к фашистским извергам. «Убей врага! День, в который ты не убил его, — потерянный даром день». Каждый из нас дал клятву быть беспощадным к врагу. Святая клятва!

Однако клятва Алеши не такая. Чем-то страшным веяло от нее. «Можем ли мы поступать так, когда придем в эту фашистскую Германию?» — спросил я сам себя. «А почему бы и нет? Око за око, кровь за кровь. Пусть в этой стране содрогается все, почувствовав наше приближение», — ответило сердце.

Но разум мой был против сердца. Мы не можем бесчинствовать так, как бесчинствуют они на нашей земле. Мы не имеем права нести горе и ужас детям, старикам и женщинам. Наша миссия — освободить всех от фашистской нечисти.

Мои сомнения кончились, и я спрашиваю Алексея Мартынова:

— Алеша, ты думал над словами своей клятвы?

— А что? — Он удивленно посмотрел на меня. — Чего тут думать-то? Сердце говорило. Оно кровью облилось, когда Плехов рассказывал.

— Значит, ты считаешь свои слова правильными?

— А почему нет? Бить врагов надо!

— Всех немцев подряд? — Я спрашиваю Мартынова тихим размеренным голосом. Чувствую, что сейчас с ним надо говорить только так. Это даст ему возможность успокоиться и быть рассудительным.

Мартынов долго не отвечал. В его глазах я прочел немой вопрос: «А ты, комиссар, как думаешь? Скажи по совести». Но я молчал, хотел, чтобы он ответил сам, чтобы сердцем понял правильно.

— Эх, комиссар, комиссар! — вздохнул Алеша. — Понимаю, что хочешь сказать мне, Алешке непутевому. — Он улыбнулся и пояснил: — Так мама моя звала меня за срывы. Знаю, комиссар, что сейчас всю политику выложишь передо мной. И то, что Красная Армия должна принести туда не ужас и насилие, а освобождение, знаю. Только вот сердце не хочет согласиться с этим. Ну, что им сделала эта девочка? За что они ее так, а? Как вспомню, зубами бы перегрыз глотку каждому фашисту!..

В Будогощи мы простояли одну ночь и снова двинулись в путь.

На много километров растянулась колонна войск. Пехота, артиллерия, обозы. Все торопятся, спешат. За рекой Волхов враг засел в оборону. Нам надо с ходу пробить эту оборону, освободить Ленинград от блокады.

Дорога разбита фугасами. Отступая, гитлеровцы не жалели взрывчатки. Глыбы вывороченной коренной породы высятся почти на каждом километре. Саперы расчищают завалы, прокладывают через огромные воронки мостики. Делают все быстро и основательно.

Морозы крепчают с каждым днем. В ночь на 25 декабря температура упала за сорок. В воздухе носятся маленькие колючие иголки. Холод пробирается сквозь полушубок и ватные брюки. Даже на ходу, в валенках, ноги стынут. Дышать трудно. Морозный воздух вызывает мучительный кашель.

Под утро проходим село Оскуй. Западнее села сворачиваем в лес. Здесь будем стоять.

Глубокий снег. Кое-как пробиваемся на двести метров в сторону от дороги, по которой медленно тянется большая колонна автомашин и повозок.

Копаем ровики. Мерзлый грунт поддается с трудом. Взвод боепитания проталкивает поглубже в лес автомашину с боеприпасами. Командует высокий плечистый боец Плаксин. Приседая в такт раскачиванию грузовика, он хрипло выкрикивает:

— И-и раз, и-и два — взяли! Нажми! Нажми! По-о-шла!

Автомашина проходит несколько метров и останавливается. Снова команда: «Раз-два — взяли!» — еще на несколько метров ближе к лесу.

Светает. Васильев и начальник штаба Мартынов уходят в штаб полка. Я стою на опушке леса, возле маленькой сосенки, смотрю на дорогу, на нескончаемую колонну войск. Рядом со мной ветфельдшер дивизиона Диваков.

— Видимость — лучше не надо. Для авиации самый подходящий день, — говорит он, беспокойным взглядом осматривая небо. — Пожалуй, налетят, стервятники. Пойду распоряжусь. Лошадей надо угнать подальше в лес.

Минут через десять, как бы в подтверждение его слов, в морозном воздухе послышалось жужжание фашистских самолетов. По лесу понеслись крики:

— Воздух! Воздух!

Жужжание растет, ширится, заполняет все небо, превращается в рев. Над нами появляются бомбардировщики Ю-88. Бойцы бегут в лес, утопая в глубоком снегу.

Недалеко от нас — зенитная батарея. Зенитчики торопливо готовят свои пушки к бою.

«Юнкерсы» разворачиваются для бомбежки. Зенитчики открывают огонь. Вокруг самолетов вспыхивают частые разрывы. Откуда-то из-за леса длинными очередями бьют счетверенные пулеметы. Кто-то из бойцов торжествующе кричит:

— Сбили! Один есть!

Три бомбардировщика скользят на крыло, делают разворот. Отчетливо видны черные с белыми обводами кресты и желтоватые концы прямо обрезанных крыльев. От самолетов косым дождем отделяются черные точки. Падаю в снег. Нарастающий вой бомб. Низкий, басистый, он врывается в уши страшным ревом. Три бомбы. Одна огромная, черная, летит прямо в мои глаза.

Позади — два гулких разрыва. «Это около нашей полуторки. Ох, беда будет, если бомба попадет в снаряды», — проносится в голове.

Рядом сотрясающий землю удар. И вдруг я чувствую себя спокойным, выключаю из своего сознания все окружающее, мысленно прощаюсь с семьей, с товарищами, с жизнью. Томительное мгновение. Кажется, проходит целая вечность. Взрыва нет. Неужели пронесло?

Потом все летит к черту! Небо косо валится вниз, земля летит куда-то в небесное пространство. Словно по мановению злого волшебника, сбоку от меня вырос огромный столб дыма и земли с черной кудрявой верхушкой. На самой вершине столба обыкновенная сосенка, как будто плывет и качается.

В следующее мгновение все это с грохотом рушится вниз. Сыплется земля. Мерзлые глыбы бьют по спине.

Лежу в оцепенении, не верю себе. Неужели остался жив? Ворочаюсь, с трудом вылезаю из-под кучи земли, плююсь набившейся в рот земляной пылью, ругаюсь, разыскивая куда-то запропавшие рукавицы. Шатаясь, как пьяный, ничего не соображая, взбираюсь на большой вал огромной воронки. И вдруг все напряжение обрывается, ноги подгибаются, и я, обессиленный, сползаю на дно воронки.

Но сразу же мысль: «А дивизион? Я комиссар и так распустился, забыл о бойцах».

Второй заход самолетов. Они носятся низко над лесом, обстреливают из пулеметов. Зенитки молчат. Только из-за леса все еще ведут огонь пулеметы.

Обхожу район расположения дивизиона. 4-я, 5-я батареи. Комиссары докладывают, что все в порядке, убитых и раненых нет.

— Баян разбило, — вздохнув, добавляет Лохов.

Прибегает Мартынов. В больших серых глазах слезы. Из ушей и правого уголка рта течет кровь. Левая пола полушубка разорвана, словно бы разрезана тупым ножом от самого поясного ремня. Из разреза выбиваются клочки сероватой шерсти, забрызганные кровью.

— Алеша, ты ранен?

— Я? Я нет, я нет, — нервно и бессвязно шепчет Мартынов и вдруг выкрикивает: — Убило! Васильева убило! Командира нашего...

— Не может быть?! Опомнись, Алеша!

— Нет, комиссар, это правда. Там он, возле дороги, на поляне.

Бежим к поляне. Возле дороги воронка на воронке. Автомашины зенитчиков разбиты. Одна зенитка, исковерканная до неузнаваемости, валяется в огромной яме. Вторая, почти целая, стоит рядом с задранным стволом. Трупы лошадей. Клочья одежды на ветвях деревьев...

Мартынов торопливо рассказывает:

— Мы шли из штаба полка. Только вышли на поляну — налет. Васильев крикнул: «К лесу!» — и побежал через поляну. Зачем? Не знаю. Надо бы лечь. Мне бы отговорить его, а я, как на привязи, бегу за ним. Тут бомбы воют. Васильева бросило на меня. Он только и сказал: «Прощайте!» Эх, Иван Андреевич!..

Похоронили мы Васильева в тот же день сразу после бомбежки. Вокруг могилы суровые, молчаливые бойцы. Говорю им:

— Фашистская бомба вырвала из наших рядов товарища и командира нашего. Он честно прожил свою короткую жизнь. Был смелым в бою. Мечтал вместе с нами прорвать блокаду, помочь родному Ленинграду. Не привелось. Поклянемся же выполнить его волю. Смерть оккупантам!

Прощальный залп. Скромный обелиск, увенчанный пятиконечной звездочкой. На сердце тяжело — потерял друга.

Но горе горем, а работать надо. С 25 по 30 декабря наша дивизия находилась во втором эшелоне. Впереди нас действовали 1-я гренадерская бригада, 27-я кавалерийская и 65-я стрелковая дивизии. Гренадеры и кавалеристы захватили уже небольшой плацдарм на западном берегу реки Волхов.

Противник пытается задержать наше наступление авиацией. Ежедневно над боевыми порядками наступающих, особенно над ближайшими тылами, висят фашистские самолеты. Весь район Мелеховская — Крутиха — Оскуй подвергается налету. Бомбят квадрат за квадратом.

Но мы уже многому научились, и потерь у нас нет. Лошади хорошо укрыты в глухом лесу, для личного состава сделаны прочные блиндажи. Одна беда: из-за бомбежек нельзя топить печки. Приходится мерзнуть, на улице трескучий мороз.

Началась боевая учеба. Идет подготовка к партийному собранию. Приглашаю к себе агитаторов дивизиона. Приходят десять человек. Для дивизиона это мало. Но на первый раз и то хорошо.

О некоторых из них я уже наслышан. Вот старший лейтенант Игнатьев. Небольшого роста, немного неуклюжий, на первый взгляд он мало похож на отчаянного командира взвода управления 5-й батареи. Игнатьев несколько раз ходил с радистами в тыл противника и

удачно корректировал оттуда артиллерийский огонь. Комиссар батареи политрук Г. Ф. Алексеев отозвался о нем как о лучшем агитаторе батареи. Это и естественно: гражданская профессия Игнатьева — учитель.

Из агитаторов 4-й батареи выделяется командир первого орудия сержант Ф. П. Копылов. Большие рыжие усы придают ему особую молодцеватость. Подвижный, неугомонный Копылов — любимец батареи. Уважают его за высокую требовательность к себе и к бойцам, за прямоту и честность. Он член партии с 1928 года, хорошо знает артиллерийское дело.

— Разрешите узнать, товарищ старший политрук? — обращается ко мне стройный, голубоглазый старший сержант И. И. Безлюдный, командир первого орудия 6-й батареи. — Кажется, под Красницами мы встречались? Увидел вас, подумал: тот самый...

— Тот самый, товарищ старший сержант. Считайте, что мы старые знакомые.

— Пожалуй. Говорят, мы еще и коллеги по довоенной работе?

Подтверждаю (мне уже говорили, что Безлюдный окончил учительский институт), а сам думаю: «С чего же начать совещание? Огласить повестку дня? Очень уж официально. Хочется настроить людей на живой, непринужденный разговор». Решил рассказать сначала о себе. Это немного удивило агитаторов. Потом началась оживленная беседа. Никакого формализма, каждый высказывает все, что у него на душе. Агитаторы говорят об особенностях работы в различных подразделениях: в огневых взводах, у связистов и разведчиков, во взводе боепитания.

Самое трудное в агитационной работе — это отсутствие необходимого материала для подготовки самого агитатора. Газет мало, брошюр и наглядных пособий совсем нет.

Условились так: для первой беседы с бойцами использовать сводку Совинформбюро об итогах пяти месяцев войны. Приведенные в ней цифры говорили сами за себя: враг потерял убитыми, ранеными и пленными около 6 миллионов солдат и офицеров, 15 тысяч танков, 30 тысяч самолетов и 19 тысяч орудий разных калибров.

...Вскоре состоялось совещание командиров и политработников дивизии. Собрались мы в большой избе на

окраине села Оскуй. Расставлены скамьи, жарко натоплена большая русская печь.

Знакомлюсь с комиссаром 1-го дивизиона Виктором Соколовым. Так вот он каков! Румяный, пухлощекий, с большими, немного выпуклыми глазами, совсем еще молодой парень. За подвиг, совершенный под Тихвином, ему вручили на днях орден Красного Знамени.

— Товарищи командиры и политработники!..

Пришел начальник артиллерии дивизии полковник П. С. Баринов. Помощник начальника штаба нашего полка капитан Минчонок громко рапортует. Поздоровавшись и сбросив полушубок, немного полноватый, но подвижный полковник подошел к столу, достал из папки какие-то бумаги.

— Получен документ исключительной важности, — сказал Баринов приглушенным, с хрипотцой голосом. — И прежде всего для нас, артиллеристов.

Разобрав действия нашей артиллерии в первые месяцы войны, полковник стал читать документ об артиллерийском наступлении.

Тихо шуршат записные книжки. Мой карандаш усердно бегает по бумаге. Какой богатый материал для будущих бесед с бойцами и командирами!

Слушаю, и мне уже кажется, что огневой вал артиллерии, о котором говорит полковник, неотвратимым ураганом обрушился на укрепления врага.

В РАЙОНЕ КИРИШИ

В конце декабря 1941 года части 4-й армии, преодолевая сопротивление врага, вышли на западный берег реки Волхов и заняли небольшой плацдарм южнее станции Тур.

30 декабря 542-й и 603-й стрелковые полки нашей дивизии прорвали первую линию немецкой обороны и вышли к железной дороге Чудово—Кириши возле станции Тигода.

Гитлеровцы пытались задержать наше наступление. Большая группа автоматчиков на лыжах просочилась в стыке между 603-м и 542-м полками и вышла в тыл последнего. Излюбленный прием оккупантов — просочиться в тыл наступающих и создать видимость окружения, навести панику. Иногда это удавалось им. Но на этот раз маневр гитлеровцев был разгадан. Один батальон 542-го полка повернулся фронтом на восток, а два батальона 477-го полка обошли фашистов и окружили их возле высоты 93,5. Два дня держали в окружении, потом предложили сдаться. Гитлеровцы ответили отказом. Тогда наш дивизион обрушил на них получасовой огонь из двенадцати орудий.

Несколько дней шел бой за железнодорожную насыпь. Враг все время получал новые подкрепления, переходил в контратаки. Появились и танки. А вся наша артиллерия находилась на восточном берегу реки Волхов. Надо было переправить орудия на западный берег. Хотя и стояли сильные морозы, лед на реке Волхов вызывал опасения: 76-миллиметровая пушка в походном положении весит полторы тонны. Волхов река капризная, под снежным покровом могли быть и полыньи.

Решили переправить 2-ю батарею. Командир орудия сержант Д. Ф. Пичикин вызвался найти ледовую дорогу. Денис Федорович, бывший счетовод из Орловской области, тридцативосьмилетний воин, был обстоятельным и спокойным человеком. Простучав лед ломом на всем протяжении пути через реку, он доложил командиру дивизиона:

— Можно переправляться. У меня такой план: тащить

орудия на себе. На середине реки под колеса положим длинные доски.

Всю ночь работали батарейцы, перетаскивая на руках пушку за пушкой. К утру нового года они стояли на прямой наводке возле железнодорожной насыпи. Батарея оказала большую помощь пехотинцам, отбивавшим контратаки неприятеля. В том бою 2-я батарея уничтожила до роты пехоты противника, взорвала четыре вагона с боеприпасами, разрушила пять дзотов. Но дальнейшее наступление затормозилось. Гитлеровцы усилили нажим. Наши соседи вынуждены были отойти, оставив деревню Лезно.

На этом и закончился первый этап наступления, начатый с ходу. На передовой постепенно устанавливалось затишье. В самые морозные дни молчали и пулеметы.

В дивизион прибыл новый командир. Вошел он в землянку, окинул ее испытующим взглядом и произнес:

— Знатно устроено, со вкусом.

Чуть выше среднего роста, в черной фуфайке, шапке-ушанке, немного сдвинутой на правый висок, он выглядел подтянутым, даже щеголеватым.

— Будем знакомы, — произнес новый командир мягким баритоном. — Капитан Попов.

Я назвал себя.

— Уже знаю о вас, комиссар. В штабе полка рассказали.

— Что ж, принимайте дивизион, — пожал я плечами. — Сейчас вызову командиров и комиссаров батарей.

С любопытством ожидаю, как после Васильева примут капитана мои товарищи. От этого многое будет зависеть в дальнейшем. И был приятно удивлен. Попов оказался знакомым всему дивизиону еще по Западному фронту. Только тут мне припомнился недавний рассказ бойцов о схватке батареи с шестнадцатью немецкими танками. Тогда бойцы упоминали и о Попове. В памяти всплыли также прочитанные еще на курсах политсостава очерки А. Полякова «В тылу врага», опубликованные в газете «Красная звезда». В одном из них рассказывалось о том, как артиллерийская батарея старшего лейтенанта Попова разгромила танковую колонну противника. Выходит, передо мной тот самый Попов?

Новый командир дивизиона смотрит на меня как-то странно, искоса,

— Давно на передовой, комиссар?

— Не особенно. С октября сорок первого.

— Под Тихвином, значит, был?

— Там меня ранило.

— Слушай, — оживляется Попов, — а ведь мы с тобой встречались. Под Воробицами шел бой. А на дороге к Петровскому лежал раненый комиссар. Шел, видимо, на медпункт, да силы не хватило. Так?

— Так.

— Он попросил меня свернуть ему папироску. А от помощи проводить на медпункт отказался. Сказал: покурю, наберусь сил, дойду один. Так?

Я хорошо помнил этот случай. Но вот того, кто дал мне толстенную папироску, запамятовал. Значит, это был мой новый друг? И я крепко жму ему руку.

— Мы будем хорошими друзьями, Борис Васильевич. А за ту папироску большое спасибо. Как видишь, дошел я тогда.

...После десяти дней непрерывной бомбежки фашистские бомбардировщики больше не появляются. Мы заканчиваем последние приготовления к намеченному наступлению.

Идет напряженная учеба. Попов ежедневно проводит с командирами батарей занятия по теории стрельбы. Практикуются в подготовке данных, решают различные задачи. Занимается Попов и с разведчиками. У него, оказывается, хорошие педагогические навыки. Умеет просто и доходчиво изложить трудные для разведчиков вопросы теории стрельбы.

Дивизионная и фронтовая газеты опубликовали статьи о политической работе в дивизионе. Корреспондент газеты «Боевой товарищ» двое суток безвылазно жил в дивизионе, все высмотрел, со всеми побеседовал. И вот эти статьи. Немного нескромно, конечно, но то, что дивизионная газета призывает брать пример с нашего подразделения, радует. Особенно была отмечена умелая воспитательная работа командира взвода управления 5-й батареи лейтенанта Игнатьева. В его взводе ни одного нарушения дисциплины.

...Мой отец частенько говорил: «Дурная голова ногам покоя не дает». Вот так можно было сказать тогда и обо мне. За день я основательно выматывался. Мне казалось, что я должен все и всюду видеть своими глазами, проводить беседы с бойцами, не полагаясь на подчиненных. Это привело к тяжелой усталости, сделал же я очень мало.

Стремление побывать везде привело меня утром на НП дивизиона, расположенный на западном берегу реки Волхов. Попов встретил меня возгласом:

— Ты что, один пришел сюда?

— Один. Шел по линии связи. Найти нетрудно. А что?

— «Кукушки» фашистские появились в нашем тылу... Полчаса назад сообщили: тяжело ранен командир взвода управления шестой батареи.

— Совсем недавно я видел его возле реки, — удивился я. — Он шел с бойцами батареи, проверял линию связи. А как тот солдат?

— Того тоже зацепило, но легко. Он и позвонил с промежуточной о случившемся... Счастлив твой бог, комиссар. Но в дальнейшем один на НП не ходи. Бери провожатого.

— Ну что ж, давай провожатого. Пойду на наш передовой пункт.

— А там тебе делать нечего. На ПНП дежурит Никита Залесский. Агитировать его не стоит. Он сам отменный агитатор.

— А я, Борис Васильевич, и не собираюсь агитировать. Просто посмотрю, как он устроился. Потом схожу к пехотинцам. В восьмой роте есть мои старые друзья. Проведаю их.

И вот я уже на ПНП. Никита Залесский показывает участок вражеской обороны, на который в скором времени обрушит свой смертоносный груз наш дивизион.

— Дохнет на морозе фриц, — смеется Никита. — Вчера пехотинцы притащили одного — на голове тюрбан из тряпок, на ногах галоши из соломы. Посмотреть на этого вояку вся шестая рота ходила.

— Шестая? Я считал, что здесь восьмая.

— Восьмая вчера сменилась. Ушла в тыл полка на отдых.

Затем я отправился в тыл дивизиона: надо было проверить, сколько подвезено снарядов, а заодно провести беседу с бойцами взвода боепитания. И вот, уставший за день от беготни, лежу в землянке, дремлю, чуть при-

слушиваясь к голосам бойцов. Гончаров продолжает прерванный моим приходом разговор:

— Вот сказанул, так сказанул. Это еще бабушка на воде вилами писала, что я только у повозок буду. На передовой-то легче, мил человек. А здесь бомбежки. Они, самолеты-то, все больше по ближним тылам шарахают. Так бомбят, аж сердце заходится. И танки фашистские все больше по ближним тылам норовят пройтись. Как только прорвутся за передний край, так и куролесят. Вот и подумай: можно геройство совершить в этом самом тылу?

Харитон Плаксин, боец взвода боепитания, хрипло рассмеялся:

— Смотрите-ка, ребята, скоро из нашего Гончарова герой получится. Он и самолетов перестал уже бояться.

— Какой уж из меня герой, — отвечает Гончаров.

Дремота прошла. С большим интересом прислушиваюсь я к разговору. Споры о том, кого считать героем, тогда часто возникали не только между бойцами, но и среди командиров и политработников. Помню, мы спорили об этом на курсах политсостава. Многие считали, что героем можно назвать только того, кто совершил особый подвиг в самых трудных условиях, приводили примеры: челюскинцев, летчиков. Мой прежний командир роты Степан Шашков считал, что герой только тот, кто убил в рукопашной схватке не менее двадцати фашистов. И приводил в пример тех же летчиков, которым за определенное количество сбитых самолетов противника присваивают звание Героя Советского Союза.

Иногда понятие героизма переносилось и на тех бойцов и командиров, которые подчеркнуто небрежно относились к правилам поведения на переднем крае — ходили во весь рост на виду у врага, не маскировались и вообще внешне всячески подчеркивали, что они ничего не боятся.

Вмешиваюсь в разговор:

— Люди не рождаются героями. Герой тот, кто горячо любит свою Родину и умело защищает ее. Когда человек жертвует своей жизнью ради спасения товарищей — он герой. А вот тот, кто на войне думает только о себе, а на все остальное ему наплевать, — тот достоин презрения.

Конечно, ничего нового я не сказал. Но беседа с бой-

цами заставила задуматься над тем, что было сделано за последние дни. А сделано маловато. «Чаще советуйся с коммунистами», — вспомнил я напутствие батальонного комиссара Ляпунова. Решил: нужно еще раз обсудить все вопросы политработы с комиссарами батарей.

К началу прорыва все подготовлено. Батареи стоят на тщательно замаскированных огневых позициях. Орудийные окопы сделаны точно по наставлению. Пристрелка целей проведена. Снаряды подвезены.

Начальник штаба дивизиона старший лейтенант Мартынов заканчивает последний подсчет расхода снарядов на каждый этап боя, старательно заполняя двух- и трехзначными цифрами аккуратно разграфленный лист бумаги.

Документация для ведения боя готова. Мартынов выпрямляется.

— Уф, устал за день! Аж чертики в глазах прыгают. Теперь надо поспать.

Он хлопотливо устраивается на земляной койке и наказывает дежурному телефонисту Ивану Ткачуку:

— Разбудишь, если вызовут командир дивизиона или начальник штаба полка. Если нет — поднимешь не раньше пяти ноль-ноль. — Повернувшись лицом к стенке блиндажа, он говорит сам себе: — Спокойной ночи, Алешка, — и тут же засыпает.

Через два часа комиссар полка пришлет обращение Военного совета фронта о наступлении. К тому времени сюда придут и комиссары батарей. В ожидании их рассматриваю схему целей. Многие люди потрудились, чтобы создать эту схему. Тут и сведения, добытые разведчиками дивизии в тылу противника; сведения артиллерийских разведчиков, полученные путем упорной работы на НП и пунктах сопряженного наблюдения дивизиона (СНД); тут и данные, поступившие из вышестоящих штабов.

Приходят комиссары батарей. Потихоньку беседуем.

— Сколько человек подготовили для приема в партию? — спрашиваю комиссара 6-й батареи политрука Царика.

— Кое-кто есть, — уклончиво отвечает он.

— А если точно?

Брови Царика поднялись. На лбу образовалась складка морщин.

— Работать трудно. В батарее много бойцов из запаса, пожилых, — отвечает он после минутного раздумья. — Только и знают, что о доме вздыхают. Я им о международном положении, а они свое... А насчет подготовки в партию — человек трех можно рекомендовать.

Комиссар 5-й батареи политрук Г. Ф. Алексеев улыбнулся:

— Царик не готовил людей к приему в партию.

— О своей работе говори, товарищ политрук, — сказал Царик.

— Ну вот, обиделся! — снова улыбнулся Алексеев. — Критика, друг. Не снимаю и с себя вины. Мало еще сделано. — Он повернулся ко мне. — Пять человек оформляют документы.

Георгий Филиппович — кадровый политработник. Член партии с 1938 года. В армии с 1940 года. Ему недавно исполнилось двадцать семь лет. Он всегда аккуратно одет. Белоснежная полоска подворотничка красиво оттеняет его загорелую шею.

В блиндаж входит комсорг полка младший политрук Андрей Карпович Абушкевич. Как-то неумело, по-граждански козырнув и смутившись, он произнес:

— Принес обращение Военного совета фронта. Комиссар полка приказал провести перед началом боя митинги. А я у вас останусь.

Читаем обращение, потом обсуждаем готовность к бою каждой батареи.

Перед рассветом дивизион собрался на лесной поляне. Я открыл митинг, рассказал по памяти обращение Военного совета «К бойцам и командирам Волховского фронта». Затем добавил от себя:

— Ленинград сейчас переживает очень трудные дни. Наша задача — разорвать фашистскую блокаду. Военный совет фронта уверен, что все бойцы, командиры и политработники с честью выполнят свой долг перед Родиной.

Потом выступали агитаторы-коммунисты и беспартийные. Все они говорили о том, что задачу, возложенную на дивизион, выполнят с честью.

И вот раздалась команда:

— К орудиям!

Маленькие елочки разлетелись в стороны. Длинные стволы пушек поднялись к небу. Старшие на батареях ждут условного сигнала о начале артиллерийского удара.

Последние минуты. Равномерно стучат часы: тик-так, тик-так, тик-так... Смотрю на бег секундной стрелки. Как медленно тянется время! И вдруг:

— «Буря»!

По всем проводам несется тревожно-торжественный сигнал к началу нашего наступления.

— «Буря»!

Властное слово с быстротой молнии врывается на огневые позиции батарей.

— Огонь по фашистским гадам!

— За Ленинград! За Родину!

Предутреннюю тишину фронта разорвал гулкий залп тысяч орудий. Небо залило ярким сполохом, охватившим полнеба. А когда сполох погас, на мгновение стало совсем темно. С деревьев тяжелыми хлопьями посыпался снег. Лес прогудел железным грохотом. Куда-то далеко-далеко прокатилось грозное эхо и многоголосо откликнулось. Его отклик подхватил второй залп орудий, еще более могучий. За ним — третий...

Грохот орудий слился в какой-то потрясающий рев. Жарким дыханием пахнул воздух. Небо вспыхнуло алокровавым светом и заполыхало беспрерывными зарницами. Тысячи огненных молний заборяздили в предутренней темноте.

Быстро работают бойцы орудийных расчетов. Забыт обжигающий мороз. Сброшены ватники. От взмокших спин идет легкий парок. А с наблюдательных пунктов непрерывно требуют:

— Огонь! Огонь! Огонь!

Алексей Мартынов сидит в штабном блиндаже. Перед ним план артиллерийского наступления. Вид у Алеши горделивый.

— Хорошо бьют! — сообщает он мне, стараясь перекричать грохот орудий.

Блиндаж трясется. Пламя самодельной лампы то вдруг замирает, то вспыхивает длинными языками.

С передового наблюдательного пункта Никита Залесский передает:

— Все затянуло дымом. На переднем крае у фашистов творится что-то невероятное. Там, где у них была

минометная батарея, взметнулось высокое пламя. Потом грохот разрывов. Видимо, взорвались мины.

Второй час работает наша артиллерия. Стою возле огневых позиций, смотрю на небо. Левее нас, в районе Чудово, артиллерийская канонада еще сильнее.

Наступает рассвет. А вместе с ним из-за реки Волхов поднимается громадное черно-рыжее облако дыма и пыли.

Из блиндажа вышел Мартынов.

— Пехота нашей дивизии пошла, — сообщает он. — Хорошо пошла. Первую траншею гитлеровцев заняли, не встретив сопротивления.

Говорю начальнику штаба:

— Посмотри на отблески в небе, прислушайся к разрывам, Алеша. Можешь ты определить линию фронта и направление удара?

Минуты две Мартынов прислушивался к глухой канонаде, доносящейся до нас с севера, потом вдруг нырнул в блиндаж.

— Комиссар! — крикнул он через минуту. — Посмотри, что получается...

Большая карта-двухкилометровка заняла весь наш самодельный стол. На карте — компас.

— Кириши от нас справа и северо-восточнее. А канонада справа и северо-западнее. Это значит, что одновременно с нами начала наступление и пятьдесят четвертая армия, — размышляет Мартынов.

— Наша дивизия наступает на Тигоду и Посадников остров, — заметил я. — Значит, ближайшая задача — окружить киришскую группу противника?

Мартынов снова посмотрел на карту, что-то прикинул, подсчитал на бумажке и весело произнес:

— Бой идет в районе Погостья. Прорвемся — Кириши будут в кольце. Вот так.

Мы, конечно, не знали замыслов высшего командования. Догадывались лишь о более близкой задаче — об окружении киришской группировки. В этом районе в то время оборонялись 269-я и 254-я пехотные дивизии противника. Где-то поблизости была и дивизия СС «Мертвая голова».

Как я узнал уже значительно позже, 4-я армия, прорвав оборону немцев, должна была совместно с 54-й армией выйти в район Любань — Тосно и соединиться с

наступающими южнее нас 2-й Ударной и 59-й армиями. Тогда вся чудовская группировка противника была бы окружена и уничтожена. Но эта задача была по ряду причин не выполнена.

Из блиндажа выглянул телефонист Ткачук.

— Товарищ старший лейтенант! — крикнул он Мартынову. — Вас к телефону.

— Как дела, что передают с передовой? — спрашиваю я Ткачука.

— Старший сержант Залесский только что разговаривал с командиром дивизиона. Передал, что он находится у насыпи железной дороги.

Гитлеровская оборона прорвана в нескольких местах. Наша артиллерия стала переносить свой огонь в глубину.

Наступать по глубокому снегу трудно. Здесь не рванешь в полную силу с криком «ура». Проваливаясь по пояс, пехотинцы почти все время ползут. Многие сбросили с себя шинели и пробиваются вперед в одних ватниках. Долго лежать на одном месте нельзя — лютый мороз сразу же сковывает разгоряченное боем тело.

Вместе с наступающими цепями идут санитары с голосистыми лайками, которые вытаскивали раненых в лодочках-лыжах.

Гитлеровские генералы, очевидно, решили, что именно здесь наносится главный удар советских войск. Перед наступающими в первом эшелоне 542-м и 603-м полками нашей дивизии появились эсэсовцы.

Командир 603-го полка Буслаев приказал Попову:

— Ну-ка ударь по черным воронам всем «хозяйством», да так, чтобы отбить у них охоту к наступлению.

Попов передает команду на огневые позиции батарей. По его голосу, возбужденному и тревожному, мы поняли, что перед нами появились новые немецкие части.

Минута подготовки дивизиона к сосредоточенному огню показалась вечностью. Не дожидаясь, когда телефонисты передадут с огневых позиций веселое «Выстрел!», Мартынов, услышав залп, крикнул в телефонную трубку:

— Выстрел!

Дивизион открыл огонь из двенадцати орудий.

Уже десять минут неумолчно «говорят» наши пушки. Я знаю, что Попов сейчас скажет командиру стрелкового полка: «Еще пять минут такого огня, и «карандаши»

(пехотинцы) могут переходить в наступление. Перенесем огневой налет в глубину обороны гитлеровцев».

Но дивизион неожиданно прекратил стрельбу. Что случилось?

И тут же гитлеровцы открыли беглый огонь из минометов и пушек по переднему краю нашей пехоты. Мартынов кричит в трубку телефона:

— «Гром»! «Гром»!

Ответила промежуточная станция линии связи штаба дивизиона с наблюдательными пунктами. Таких станций у нас три: «ноль-1», «ноль-2» и «ноль-3». Штаб дивизиона находится рядом с огневыми позициями батарей, и промежуточные станции нужны для обеспечения постоянной работы линии связи в бою.

— На линии порыв, товарищ «сорок четвертый» (так называли Мартынова при телефонных разговорах). Обстреливают нас здорово. Так садит, так садит...

— Исправить немедленно! — приказал Мартынов.

— Пошли уже, — сообщил телефонист. — Но немец так садит, так садит, аж спасу нет.

Ткачук продолжает вызывать «Гром», все еще надеясь, что связь вот-вот снова установится. Но проходит минута, другая, а телефон молчит.

— Побегу по линии, — хрипло проговорил Ткачук. — Может, порыв недалечко. Так я мигом...

Мартынов стучит ребром ладони по трубке, продувает ее и снова вызывает:

— «Гром»! «Гром»! Да отвечайте же!

Он бросает трубку и раздраженно говорит в адрес начальника связи дивизиона:

— Вот оно «как-нибудь управимся». Управились, нечего сказать! Ну уж и задам я ему! — И вдруг стал бранить себя: — И я хорош! За каким чертом согласился на эту схему связи? «Однопроводная, экономия в проводе...»

Однопроводная... Припоминаю, как шел вчера вместе с Ваней Ткачуком по линии связи. Вот она тянется через кустарники, через поле, потом лесом — к реке Волхов. Ткачук, певуче растягивая слова, посвящал меня в работу линейных связистов.

Возле контрольной станции «ноль-1» из разных мест собирается целый пучок этих линий и тянется по льду реки. На той стороне Волхова, у контрольной «ноль-2» этот пучок снова расходится. Переправа через реку больше всего обстреливается немцами, и один удачный снаряд может вывести из строя всю связь. Но почему порыв только у нас? Первый дивизион ведет огонь. Отсюда хорошо слышно, как ухают его орудия.

Только сейчас, пожалуй, я понял, как много значит связь в бою. А я, комиссар дивизиона, даже не заглянул к связистам, не поговорил с бойцами об их задачах.

Идут томительные минуты. Оперативный дежурный по штабу полка сердито спрашивает Мартынова:

— Почему дивизион не ведет огня?

Мартынов пытается объяснить, но его перебивает начальник штаба полка:

— Принимай любые меры. Чтоб через пять минут огонь был.

Мартынов о чем-то напряженно думает. Смотрит на карту, достает циркуль, измеряет расстояние от наших огневых позиций до места, где сейчас находится пехота, смотрит на запись установок сосредоточенного огня, переданных Поповым.

— А что, если... — вырывается у него. Он подзывает меня к карте: — Смотри, комиссар. Наша пехота вот здесь, у отдельных деревьев. Мы вели огонь по опушке леса. Там сосредоточиваются гитлеровцы для атаки. Я повторяю налет дивизиона на прежних установках. Пять минут. Потом прибавлю два деления. Еще пять минут. Потом еще прибавлю два деления. И снова пять минут огонь.

— Рискованно, — неуверенно говорю ему. — А если наши продвинулись вперед? Тогда по своим ударим.

— Едва ли. Если враг готовится к контратаке, наша пехота осталась на месте. Это же ясно.

Мартынов вызывает к телефону старших на батареях, сверяет с ними установки Попова.

Смотрю на карту, обдумываю предложение Алеши. Ох как мало я еще понимаю во всем этом! Даже не знаю, что сказать Мартынову. Все больше и больше охватывает сомнение, в предложении Мартынова много опасного. Точно ли на старом месте наша пехота? А если командир стрелкового полка уже выдвинул подразделения вперед? Тогда что?..

Батальонный комиссар Барсток не повышает голоса, но от его ледяных слов, сказанных по телефону, мне становится жарко. Комиссар дивизии Сергей Петрович Семе-

нов уже спрашивал Павла Семеновича: «Почему дивизион не ведет огня? Что там делает Крылов? Сам приду и разберусь». Вот тебе и хорошо поставленная политико-воспитательная работа, вот тебе и заметки в дивизионной и фронтовой газетах! Все летит к черту, насмарку! Задача не будет выполнена, пехотинцы погибнут понапрасну...

Мартынов передает на огневые позиции команду об открытии огня. Пятнадцать минут грохочут двенадцать орудий дивизиона. В такт с пушечным грохотом стучит мое сердце. И снова сомнение. А вдруг по своим? Я хорошо знаю, что такое сосредоточенный огонь двенадцати орудий. Испытал. И от этого спина сразу же становится мокрой.

Беру трубку телефона. Молчит. Дую в микрофон и снова слушаю. Слабый треск. Потом чей-то тихий вздох. Обрадованно спрашиваю:

— Кто у телефона?

Снова вздох. Равнодушный голос медленно отвечает:

— Контрольная «ноль-1». Телефонист Поздняков.

— Почему не исправлен порыв?

— Не знаю. На линию ушли Зуев и Захаров. Они еще не вернулись... А немец бьет здорово. По реке не пройдешь. Тут, у нашего блиндажа, тоже. Может...

Перебиваю Позднякова, стараюсь говорить спокойно:

— Бегом на линию!

Меня перебивает Семен Баев, командир отделения связи 4-й батареи:

— Это вы, товарищ комиссар? — В голосе Семена радость. — Ну вот, хорошо. — Он вздохнул: —Упарился. Насилу нашел концы. Тут какая-то чертовщина с проводом-то. Сейчас соединю с НП.

Через полминуты слышу хриплый и какой-то чужой голос командира дивизиона:

— Комиссар, это наш дивизион ведет огонь?

У меня сразу же захолонуло сердце. Словно кто-то схватил его, сжал и не отпускает. Я пробормотал:

— Мы... решили бить на старых установках...

— Точно! Правильно, комиссар!

Сразу же отлегло, как будто с меня сняли стопудовую тяжесть. Даже наш маленький блиндажик вдруг показался мне светлым и просторным. Я готов плясать от радости, оттого что Мартынов нашел удачный выход из положения, а главное, вовремя помогли пехоте.

— Это Мартынов! — кричу я Попову. — Это он...

Командир перебивает меня:

— Комиссар, все внимание — связи. Тяните вторую линию.

Прервав разговор со мной, он сразу же переходит на передачу команд по батареям.

Тоненькая линия телефонного провода — «ниточка» — в тот день основательно помучила нас. До самого вечера пришлось и мне дежурить на линии связи, бродить по снегу от огневых позиций батарей до НП командира дивизиона, расставлять по линии связи бойцов. Пока мы дежурили, связь работала бесперебойно.

Поздно вечером добрался до НП дивизиона. Идти в штаб уже не было сил. Говорят, пуганая ворона куста боится. Так и я. Не успел ввалиться в блиндаж, как сразу же за трубку телефона — проверить, работает ли линия связи. Ну, что ты скажешь, работает как часы!

— Ох и денек был, комиссар, — говорит мне Попов.— Пережил больше, чем в день боя с шестнадцатью немецкими танками. И оправдаться нечем. Кажется, все было сделано. — Он невесело улыбнулся: — Много неприятного пришлось выслушать от полковника Буслаева. Ругал так, что дым коромыслом. А потом со мной стал говорить командир дивизии генерал-майор Анатолий Иосифович Андреев.

— Со мной тоже разговаривали, — так же невесело заметил и я. — Комиссар дивизии был у нас на огневых позициях. От его разговора у меня даже рубашка взмокла, несмотря на мороз.

Я вынул из кармана пачку махорки и предложил Попову закурить:

— Подарок бригадного комиссара Сергея Петровича Семенова. Сначала шею намылил, а потом пачку махорки дал. «Знаю, — говорит, — что плохо с куревом, вот и берите. Сам-то я не курю...»

Сергей Петрович являлся для нас образцом политработника. Простой в обращении с подчиненными, он был требовательным и храбрым в бою. На тихвинском направлении Семенов проявил исключительное мужество и умение руководить боем. Пользуясь тем, что фланги нашей дивизии не были прикрыты, противник обошел село Заозерье и отрезал 603-й стрелковый полк от остальных частей соединения. Весь день воины дрались в окружении.

Ночью комиссар Семенов с группой бойцов пробрался к окруженным и возглавил ночную атаку. Удар был настолько стремительным, что гитлеровцы не сумели устоять. Полк был выведен из окружения с малыми потерями.

— Генерал не ругался, — продолжал Попов, задымив толстенной кручонкой. — Но его ровный голос бил больнее, чем крепкая ругань. «Как же так получилось, — говорит, — Попов? Мы послали тебя в дивизион, надеялись, что ты оправдаешь доверие. О твоих артиллеристах в газете хорошая статья была напечатана. Зазнался ты, брат, старой славой живешь. Людей плохо подготовил и сам не подготовился. Спокойствие в нашей профессии — хорошее качество, но самоуспокоенность крайне вредна. Учти это. А то вместо тебя мне придется наводить порядок в дивизионе». Вот такие-то дела, комиссар, — вздохнул Попов. — Постарайтесь с Мартыновым за ночь переделать всю линию связи. Нам нужна двухпроводная. Командир полка обещал дать провод и выделить отделение связистов.

За ночь мы перестроили всю линию связи.

Гитлеровцы бросают все новые и новые силы, стремятся приостановить наше наступление в обход города Кириши. Это им в какой-то степени удается. В последние дни наши соседи — 1-я гренадерская бригада и 310-я стрелковая дивизия — не продвинулись ни на шаг.

Нашу дивизию вывели из боя. Мы уходим на другой участок фронта. 2-я Ударная армия прорвала вражескую оборону в районе Мясного Бора и сейчас пробивается к Ленинграду. В прорыв пошли и конники генерала Н. И. Гусева (13-й корпус). Воевавшая рядом с нами 27-я кавалерийская дивизия как-то незаметно снялась отсюда. Значит, и конники ушли к Мясному Бору.

Готовимся к маршу. Но фашисты словно знают о нашем уходе и устраивают нам «проводы». Несколько дальнобойных батарей обрушиваются на наши огневые позиции. Стонет лес, с треском ломаются деревья, гулко ухает лед на озере, что впереди огневых.

Пятнадцать минут длился этот налет. Наш блиндаж почти разрушен. Еле-еле выбрались из-под осевшего наката.

— Тяжелыми бьет, — говорит Мартынов. Он плюется попавшей в рот землей, ругается. — Сволочи!

А я рассмеялся. Мне пришел на память совсем недавний случай. Выбирая место для штабного блиндажа, Мартынов разразился сентенцией:

— Гиблое это место, комиссар. Немцы, как пить дать, засекут нас. И шлепнут по нас из пушек.

Тогда я заметил:

— Зачем же на гиблое место ставим орудия дивизиона?

— А куда поставишь? Повсюду батареи понатыканы.

Мой неуместный смех задел Алешу.

— Ну чего смеетесь? Чуть-чуть посильнее звезданул бы, писали бы домой похоронные...

Вылезаю из блиндажа. Бегу на огневую 6-й батареи. Возле землянки зияет чернотой узкий колодец.

— Весь артналет просидели мы в ожидании разрыва снаряда, — сказал политрук Царик. — Всю жизнь пережил заново. Поседел, наверное?

Царик снял шапку.

— Ничего. Седые волосы не укор, — утешаю его. — Как на батарее? Потери есть?

— Нет.

— А как в четвертой и пятой?

— Их тоже почти не задело. Гитлеровцы больше по озеру лупили...

Ночь. Тяжелым пологом раскинулось темное, безлунное, беззвездное небо. По широкому полю бешено носится свирепый ветер, метет поземка, тело пронизывает холодом до костей.

Полки 4-й гвардейской дивизии выстроены на поле буквой «П». Над ними шумят боевые знамена. Наш 632-й артиллерийский — на левом фланге, 477-й стрелковый — на правом. Борис Попов в своем неизменном ватнике, в сдвинутой на правое ухо ушанке стоит впереди дивизиона. Рядом мы с Мартыновым. Попов вздрагивает от холода.

— Ведь говорил, — с укором произносит Алексей, — что надо надеть полушубок. Заботы о себе нет. Вот всегда так. Хоть няньку приставляй.

Мартынов любит смелого, волевого командира дивизиона и во многом подражает ему. Эта привязанность началась еще на Западном фронте.

— Мне не холодно, — ответил Попов. — Какое-то особое настроение. Ведь сегодня большой праздник. Наша дивизия одной из первых во всей Красной Армии получает гвардейское Знамя.

Он прав. И у меня на сердце как-то по-особенному тепло. Чувство это трудно выразить словами, его можно только понять. Это гордость за бойцов и командиров. Родина отмечает стойкость и отвагу своих сынов, их организованность в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Гвардейское боевое Красное знамя. С сегодняшней ночи его понесут впереди всей дивизии, оно будет осенять нас в жарких битвах, звать на новые подвиги во имя победы.

От деревни Мелеховская идет группа командиров. В руках одного из них, широкоплечего, в бекеше, завернутое в чехол Знамя. Генерал А. И. Андреев сильным голосом подает команду:

— Под гвардейское Знамя, сми-и-рр-но!

Строевым шагом он идет навстречу и отдает рапорт члену Военного совета армии генерал-лейтенанту В. Ф. Яковлеву. Тот выходит на середину и снимает чехол со знамени. Ветер развертывает тяжелое шелковое полотнище с изображением В. И. Ленина. Раздается громовое «ура».

— Товарищи бойцы и командиры! — говорит генерал. — По поручению Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик вручаю вам гвардейское боевое Красное знамя. Держите его крепко в своих руках. Оно завоевано кровью отважных воинов, отдавших свою жизнь за Родину в боях под Минском, Ельней и Тихвином. Оно воплощает в себе героизм личного состава дивизии и зовет вас на новые подвиги. Пронесите его через все сражения чистым и незапятнанным. Повсюду насмерть разите проклятого фашистского зверя!

А. И. Андреев принимает гвардейское Знамя, поднимает его высоко над головой, обходит полки. Дружное «ура» перекатывается от полка к полку, гремит долго-долго.

Командир дивизии снова выходит в центр, опускается на правое колено, целует край знамени. За ним опускаются на правое колено все, как один.

Начальник политотдела батальонный комиссар Н. В. Ляпунов произносит гвардейскую клятву. Его голос звучит торжественно и сурово. За ним повторяют клятву бойцы, командиры и политработники дивизии:

— Клянусь высоко держать в своих руках гвардейское боевое Красное знамя!..

ОЛЬХОВСКИЙ МЕШОК

Вечером 30 января 1942 года мы распрощались с селом Оскуй. Наш дальнейший маршрут: Горнешное — Селищенские казармы — совхоз «Красный ударник» — Мясной Бор.

Кажется, из самых недр Ледовитого океана вырвались свирепые ветры, подняли огромные массы снега, взметнули их в небо и обрушили на нас. В такую погоду идти трудно. Лошади тянут орудия из последних сил, часто останавливаются, тяжело дышат глубоко запавшими боками, отфыркиваются. Мы разгребаем заносы, помогаем коням на взгорках, греемся, подталкиваем друг друга.

Через три дня добрались до Мясного Бора. До войны здесь была маленькая станция на линии железной дороги Новгород — Чудово и деревушка в 38 дворов. Сейчас ни деревни, ни станции. Только сиротливые столбы печных труб. Недавно здесь конники генерала Гусева и бойцы 2-й Ударной армии, упорно пробиваясь к Ленинграду, проявили беспримерную стойкость, великое мужество и отвагу.

В сводках Совинформбюро о прорыве немецкой обороны на этом участке фронта не сообщалось. Только несколько позднее один раз проскользнула заметка: «Наши кавалеристы под командованием тов. Гусева за последние дни освободили от врага 40 населенных пунктов. Противник понес большие потери».

Конники! Фронтовая и армейская газеты частенько посвящают им заметки, короткие рассказы, похожие на легенды. Но еще больше разносит весть о них своеобразная устная газета бойцов. И откуда только идут эти рассказы? Нет, в них не выдумка, а подлинные события.

Конники генерала Гусева шли впереди, действовали отважно и дерзко. Ночами они врывались в деревни и села, где стояли ничего не подозревавшие вражеские гарнизоны, — мчались по улицам, рубили шашками выбегавших из изб, полуодетых, ошалевших от неожиданности гитлеровцев.

Наша дивизия, войдя в прорыв, развернула бои на участке Ольховские хутора — Сенная Кересть. Взятие этих населенных пунктов и выход на линию железной

дороги Любань — Чудово создавали угрозу окружения всей чудовской группировки. Чудово было одним из крупных опорных пунктов вражеской обороны, связанной на правом берегу реки Волхов с плацдармом немцев в районе Грузина.

Весь февраль шли упорные бои. С каждым днем сопротивление гитлеровцев усиливалось. Ольховские хутора несколько раз переходили из рук в руки.

По горловине прорыва проходит только одна дорога. Она тянется от Мясного Бора через торфяные болота и глухие леса к Кречно и дальше расходится лучами к большим и малым населенным пунктам.

На дороге оживленно. Мчатся грузовики, погромыхивают колесами армейские повозки. Тянутся длинные колонны пехотинцев, скрипуче взвизгивает сухой снег под резиновыми колесами орудий. Войска идут и идут...

Политотдел дивизии созывает совещание политсостава. Попов с хорошей завистью посматривает на меня:

— Говорят, армейский лектор приехал. Расскажешь потом о новостях?

— Обязательно. За тем и иду.

— Разнос сегодня будет, — насмешливо произносит Мартынов. В последнее время у начальника штаба частенько проскальзывает эта насмешливость. Причина — наше топтание возле Ольховских хуторов.

К назначенному времени все приглашенные собрались в районе штаба 477-го стрелкового полка и, прижимаясь друг к другу, уселись под старыми елками. Над головами синеющее вечернее небо, на нем одна за другой вспыхивают вечерние звезды. Тишина. Сейчас и на передовой тишина. Только изредка кое-где на флангах прострочат дежурные пулеметы.

К «моей» елке подошел политработник в полушубке. Круглое открытое лицо.

— Подвинься, друг, дай местечко.

— Садись.

Он обминает снег, отламывает несколько еловых лап.

— Сиденье что надо.

...Командир дивизии говорит об итогах боев, подробно разбирает действия каждого полка, подчеркивает наши промахи, ошибки. Основательно досталось и нам с Поповым за обрыв линии связи под Киришами.

Мой сосед вздыхает:

— Что ж, на войне бывают и неудачи.

Потом выступает лектор политотдела армии. Слушаем его с большим вниманием. Мой сосед осторожно чиркнул спичкой, посмотрел на часы. Я еще раз глянул на его чистое, с большими серыми глазами лицо. Хотел узнать фамилию, да лектор говорил так увлекательно, что я решил не мешать соседу слушать лекцию...

Фамилию старшего политрука я узнал позже. 18 марта батальон 477-го стрелкового полка ворвался в Ольховские хутора, выбил гитлеровцев из десяти домов, превращенных в огневые точки.

Немцы подтянули танки и под их прикрытием пошли в контратаку, пытаясь восстановить положение. Батальон дрался с исключительным ожесточением. Почти весь офицерский состав выбыл из строя. Руководство боем взял на себя комиссар батальона старший политрук Яков Артемович Супрун. К вечеру погиб и он. Батальон, потеряв в этом бою больше половины своего состава, вынужден был отойти на исходные позиции. Бойцы вынесли тело погибшего комиссара и похоронили его на северной окраине Ольховки...

В 1967 году я получил письмо от Анны Ивановны Супрун. К письму была приложена фотокарточка. Анна Ивановна сетовала на то, что вот уже двадцать пять лет безуспешно разыскивает могилу своего мужа, старшего политрука Супруна Якова Артемовича, погибшего 18 марта 1942 года в боях под Ольховскими хуторами.

Долгими были поиски Анны Ивановны Супрун. Помогли юные следопыты из отряда «Сокол» при новгородском химкомбинате.

Не сразу вспомнил я, что было в те дни. Помогла фотокарточка. С нее на меня глядел тот самый политработник, с которым я сидел рядом на совещании политсостава дивизии.

Запомнилось, как он, слушая лектора о положении в Ленинграде, с печалью сказал:

— Ленинград... Какой город! А мы пока еще не сумели разорвать вражеское кольцо вокруг него.

Да, было до боли обидно, что город находится в жестокой осаде...

Переход к обороне заметен во всем. Батарейцы с каждым днем улучшают огневые позиции. Тщательно отрыты

орудийные окопы. Между ними — глубокие траншеи с тройным перекрытием. Землянки бойцов просторные, прочные. На стенах лозунги, присланные политотделом. В хозяйственном отделении 6-й батареи политрук Царик оборудовал хорошую баню. Это стало моей привычкой — ежедневно бывать или на огневых позициях батарей, или на наблюдательных пунктах, поговорить с бойцами по душам, послушать о том, что пишут из дому, рассказать сводку Совинформбюро, помечтать вслух о том, что мы будем делать после войны...

Выхожу из землянки и невольно жмурюсь от нестерпимо яркого света. Воздух кристально чист. Деревья сбросили с себя снег и уже сделали первый вздох, опьяненные весенним воздухом.

— Ух ты, настоящий Левитан! — невольно вырывается у меня, любителя картин этого знаменитого художника.

Увлеченный воспоминаниями, я не заметил, как подошел к району огневых позиций. Вон там, в маленьком чернолесье, 4-я батарея, правее, у опушки большого ельника, — 6-я.

В тишину дня вплетается прерывистый гул моторов. Шестнадцать Ю-87 тянутся сюда двумя цепочками. Бегу в сторону от дороги, к деревьям, которыми только что любовался. «Лаптежники» разворачиваются один за другим и пикируют. Длинно завывают сирены.

Над 4-й батареей взметнулись клубы дыма. Бомбы упали рядом с огневыми. Но ни одно орудие не пострадало. И если бы не гибель парторга батареи младшего сержанта Крикуна, не стоило бы и вспоминать налета «юнкерсов».

Вместе с бойцами Иван Крикун был в глубоком ровике, проводил беседу. И вот в тот момент, когда самолеты стали сбрасывать бомбы, он с возгласом: «Тут могут убить» — выскочил из ровика.

Похоронили Ивана Крикуна возле развилки дорог, недалеко от впадения реки Трубицы в реку Keресть. Вместо него парторгом батареи стал Ф. П. Копылов.

На том же собрании, где утверждали Федора Петровича вожаком коммунистов, обсудили вопрос о том, как предотвратить потери людей во время артиллерийских и авиационных налетов противника. Решили усилить воспитательную работу, провести ряд бесед о храбрости, ге-

ропизме и других морально-боевых качествах наших воинов.

В обороне наладилась доставка газет и писем. Каждый день перед обедом Н. М. Михеев приносит из штаба полка туго набитую сумку. Раздает он письма торжественно, точно священнодействует. Становится на высокий пень, чтобы всех видеть, и высоким голосом, улыбаясь и радуясь за своих товарищей, выкликает фамилии счастливчиков.

Сегодня Наум Меркулович принес письмо и мне. Первый раз за все время пребывания на передовой получил я весточку из дома.

Перед глазами встает маленький Углич. Такой, каким я оставил его, уходя на фронт. Древний, из красного кирпича, с резным дубовым крыльцом бывший дворец удельных князей, ныне краеведческий музей. Недалеко от него на берегу Волги растет старая береза. Под ней на деревянных подставках пищали. И среди них совсем маленькое, времен Дмитрия Донского орудие — прапращур нашей грозной артиллерии.

Окраина города. Широкая улица, переходящая в шоссе, что ведет к столице. На этой улице стоит старый двухэтажный дом. В нем и осталась моя Валентина Алексеевна с четырьмя детьми.

«Живем мы хорошо, — пишет она. — Все здоровы. Трудновато было в ноябре, когда немцы рвались к Москве. Частенько приходилось переживать бомбежки.

Во время налетов наша «белоголовая гвардия» держится хорошо. Только самый маленький, как только завоют сирены, тормошит меня — глаза большие-пребольшие — и спрашивает: «Мама, опять фрицы? А их отгонят?» Потом и он привык, обтерпелся. Прижмется ко мне и сидит тихо-тихо, как будто и нет его. Старший — Женя — все время просит военный костюм, в котором он поедет на фронт, чтобы вместе с папой громить фашистов и вернуться домой с победой.

Сейчас жизнь наладилась, хотя стервятники иногда и налетают на город. Твои любимые места *, которые ты так старательно срисовывал для выставки Всесоюзного дома народного творчества «Новое нашего района», целы.

* Речь шла об Угличской электростанции, построенной перед самой войной.— *Прим. автора.*

Ни одна бомба не попала. Только в реке много рыбы поглушено.

Многие из твоих товарищей ушли на фронт. Повсюду работаем мы, женщины. О нас не беспокойтесь. Мы сумеем все перенести. Наш наказ тебе: крепче бей фашистов...»

Долго смотрю на письмо. Улыбаюсь. Все в порядке, мои родные, не беспокойтесь. Наказ ваш выполню...

Вот уже больше недели к юго-востоку от нас в мартовской голубизне неба висит громадное темно-синее облако. Глухо урчит артиллерийская канонада. Раскатами далекого грома доносятся бомбовые удары. Ночами полыхают зарницы — отблески далеких пожаров.

Появляются тревожные слухи о том, что единственная дорога, связывающая нас с тылами, перерезана врагом. Эти слухи стали подтверждаться фактами: прекратилась регулярная доставка газет и писем; сократился суточный паек продовольствия — теперь выдавали двести граммов хлеба на человека и банку консервов на десятерых.

Утром 27 марта начальник штаба полка вызвал к телефону Попова:

— Отправьте пятую батарею в распоряжение товарища Девятого (это значит, передать батарею в распоряжение 24-й бригады).

— Что там? — деланно небрежным голосом спрашивает Борис Васильевич. — Серьезное что-нибудь или просто так, маленькая операция?

Минчонок что-то долго объясняет. Попов согласно кивает головой: «Так, так. Понятно...» По выражению лица командира пытаюсь понять, что сказал начальник штаба полка. Попов медленно кладет трубку телефона и, растягивая слова, говорит:

— Плохо, комиссар. Фашисты перерезали дорогу к Мясному Бору. Наглухо. Бойцам надо рассказать, чтобы кривотолков не было.

Весть об этом личный состав дивизиона воспринял, как мне показалось, слишком спокойно: почти никто не представлял, какие трудности ожидают впереди.

За дорогу Кречно — Мясной Бор идут упорные бои. В район Кречно ушел 542-й стрелковый полк, а с ним и наша 5-я батарея. Каждый день прислушиваемся к глухо

гудящему бою, смотрим на огромное синее облако, постоянно висящее над частоколом леса, на цепочки немецких бомбардировщиков, непрерывно бомбящих нашу единственную дорогу.

— Жмет вражина, — тревожно говорит Гончаров, только что вернувшийся из Кречно, где находится дивизионный обменный пункт. — Поговаривают, что придется еще сократить норму питания. Трудновато будет.

Вечером старшина управления Риталь привез из тыла полка узелок сухарей и новый рацион продовольствия: сто пятьдесят граммов черного хлеба в сутки. На следующее утро мы сидели возле кухни и лениво хлебали новый суп, получивший наименование «суп — жареная водичка». Но с этим еще можно мириться. Нет курева — вот что плохо.

На исходе был и запас сена. Забота о конях стала наиболее важной задачей. Во всех батареях провели партийные собрания. Коммунисты сказали: сохраним коней, сохраним боеспособность.

Старший ветфельдшер дивизиона Роман Демьянович Диваков метался между тылом полка и тылом дивизии, шумел: «Обеспечьте кормами!» Честный, прямой, иногда грубоватый и с подчиненными, и с начальством, Диваков не щадил себя ради дела.

Проводим совещания старшин и ездовых.

— Ты что же, цыганский метод применяешь? Цыган, знаешь, свою кобылу к голоду приучал, да подохла бедная. Овса нет, сена нет, — наседает на Дивакова Гончаров. Сорвав с головы ушанку, он швыряет ее в снег. В его зеленоватых глазах блеснул злой огонек. — Какие кони у меня? Один Пулемет чего стоит. Только что не говорит. А ему — голодовка! Да я сам голодный буду, а его накормлю.

— Не кричи, — останавливает Диваков. — Я в тылу полка кричал громче твоего. Этим делу не поможешь. Ты вот дельный совет дай.

— А что я могу предложить? За Волхов не проедешь. Осталось одно — в деревне соломенные крыши разобрать.

— Эва, хватился! — Старшина Риталь насмешливо посмотрел на Гончарова. — Проспал ты соломенные крыши. Нету их. И Ольховки почти нету. Фашисты все пожгли. То бомбежками, то артобстрелом.

— Тогда за Волхов! — выкрикнул Гончаров. — Говорят, по дороге все же можно проскочить. Пусть под обстрелом — проеду. И сена привезу.

— Промышлять, значит? — Семен Баев пришел в управление дивизиона по другому делу, но, услышав горячую перепалку, вмешался. — А где промышлять? У колхозников. Нехорошо. Надо другой выход найти.

— Искать под снегом прошлогоднюю траву, — предложил тихий Чумаков, ездовой из взвода боепитания. — Когда мы копали ямы для конюшен, я заметил: под снегом большая трава. Не косили летось на полях.

— Пока соберешь охапку такой травы, горы снега перелопатишь. Овчинка выделки не стоит.

— Д-да... — вздохнул Гончаров. — Выходит, на промысел все же надо ехать.

Он подошел ко мне и посмотрел в глаза. «Неужели и ты, комиссар, не знаешь, как выйти из положения?» — говорил его взгляд.

Я молчу. Нужно, чтобы все ездовые высказались. Возможно, они додумаются до способа, который еще перед совещанием предложил Диваков. По правде сказать, хотя я и согласился с ним, но не особенно был уверен.

— А выход все же есть, — остановил Диваков разошедшегося Гончарова. Он обвел взглядом всех ездовых, откашлялся и, чуть повысив голос, сообщил: — Надо подготовить бочки, выжечь их, чтобы запаха солярки не было. Кони не переносят этого запаха, а других бочек у нас нет. Потом мелко нарубить березовых веток, лучше всего самых тонких. Вот это крошево и будем запаривать в бочках. А там, смотришь, сена и овса подбросят.

— Все-таки и прошлогоднюю траву придется поискать, — произнес Гончаров. — Не верю я в этот веточный корм без листьев.

Веточный корм... Хотя и старательно готовили его, но 30 марта все же пали две лошади. Это был первый тревожный сигнал.

Предприимчивые старшины пытались пробиться через вражеские заслоны на единственной дороге. Заручившись доверенностью заместителя командира полка по материальному обеспечению на получение сена с армейских складов, Риталь, Гончаров и еще два бойца отправились на трех лошадях. Трое суток следили они за движением по дороге, на четвертую ночь проскочили на Большую землю.

Через неделю благополучно вернулись в дивизион. На вопрос «Как там?» Риталь неопределенно махнул рукой и, поблескивая черными цыганскими глазами, ответил:

— Ежели с умом — обмануть фашистов можно. На самой дороге их нет, но обстреливают ее сильно.

Весна. С полуразбитых крыш Ольховки свисают длинные сосульки. Частые капельки своим размеренным звоном как будто говорят нам: скоро, скоро... Однако весна не радует нас. Если зимой во время наступления много хлопот приносил глубокий снег, то весной появились новые трудности — болота.

Болота, непролазные топи... Восточнее Ольховских хуторов находится огромное труднопроходимое болото, названное почему-то Гажьими сопками. К югу от этих Гажьих сопок тянется второе болото — Прошкино. А еще южнее — Грядовский мох.

Вражеские войска — 20-я механизированная, 121-я и 212-я пехотные дивизии, получившие наименование «группа Венделя», — занимали полосу обороны между речками Полисть и Глушица — узкий длинный язык, протянувшийся с севера на юг километров на сорок. Ширина этого языка не превышала двадцати километров.

Мы готовимся к прорыву неприятельской обороны. В районе деревни Приютино стоят части 267-й стрелковой дивизии, южнее — 165-я лыжная бригада и 24-я гвардейская стрелковая дивизия. 12 апреля в этот же район ушел и 11-й * стрелковый полк нашей дивизии под командованием майора Парфенова Кузьмы Дмитриевича.

Основную задачу прорыва должны выполнить части, находящиеся в районе Спасской Полисти и Мясного Бора. Наша задача — в момент прорыва ударить отсюда, зажать гитлеровцев в клещи и выйти на соединение с «восточными», как мы стали называть свои войска, расположенные в районе Спасской Полисти.

Болото Грядовский мох поросло мелкой, в рост человека, сосной. Изредка на нем встречаются небольшие островки с огромными, в два обхвата, елями и осинами.

* К этому времени части дивизии получили новую нумерацию: 477 сп стал 3-м, 542 сп — 8-м, 603 сп — 11-м, 632-й артполк — 23-м гвардейским.

На одном из таких островков и расположился наш дивизион: две батареи, 4-я и 6-я, с трудом установились на огневые позиции, почти орудие к орудию. Позади разместились штаб дивизиона и хозяйственные отделения батарей.

Весь день батарейцы работают, роют орудийные окопы, ровики, строят блиндажи, конюшни для лошадей. Попов, командиры батарей, разведчики и связисты сразу же уходят к реке Глушица — там будут наши наблюдательные пункты.

Наступает ночь. Стою возле блиндажа, смотрю на небо. Слабо мерцают далекие звезды. Над лесом беспрерывно снуют транспортные самолеты. Жужжание их тихое, мирное. До боли напрягаю глаза и, кажется, вижу слабые очертания самолетов: побольше — Р-5, поменьше — У-2. Летчикам-транспортникам тоже нелегко, они почти беззащитны против «мессеров», но все же летают каждую ночь.

Утром иду на командный пункт стрелкового полка. Попов здоровается со мной так, словно мы не виделись целую неделю. «Живем, комиссар!» — говорит его благожелательная улыбка.

Из маленького блиндажика выходит командир стрелкового полка майор Парфенов. Среднего роста, простое русское лицо, живые карие глаза. Одет в обычный ватник, но выглядит подтянутым. Голос мягкий, однако в нем звучат властные нотки.

— Задача поставлена серьезная, — говорит он. — Нам нужно пробить брешь во вражеской обороне. Начнут «восточные». Начало их наступления — залп «катюш». Мы наносим вспомогательный удар. У нас мало сил, поэтому натиск должен быть дружным, стремительным. Пусть противник думает, что мы сильны здесь.

Потом майор Парфенов подробно излагает план прорыва. Полк будет действовать небольшими ударными группами. Каждая из них подбирается как можно ближе к немецким позициям и пускает в ход карманную артиллерию. Все это должно быть сделано во время артиллерийского налета «восточных».

— На тебя особенно надеюсь, — обращается Парфенов к Попову. — Знаю: у тебя мало снарядов. Поэтому надо выбирать только наиболее важные цели. Ни одного снаряда впустую. В первых же группах наступающих

стрелков должны быть командиры разведки и батарей. Вместе с комиссаром продумайте каждую мелочь.

Под вечер возвращаюсь на огневые позиции батарей. Возле кухни управления дивизиона — группа бойцов. Как-то уж так повелось, что кухонная территория стала не только столовой, но и своеобразным клубом. Здесь можно узнать самые новые вести, переданные по «солдатскому телеграфу», здесь весельчаки и любители острот демонстрируют свое искусство. Но сегодня острот не слышно.

— О чем задумались, друзья? — спрашиваю весело, не подаю и виду, что я тоже голоден.

Отвечает Гончаров:

— Да вот, поругивали Кузьму Егорычева. Кормит нас только одной «жареной водичкой». А тут военфельдшер Плехов выдумал еще одно наказание — с завтрашнего дня по утрам будет давать нам по кружке елового отвара. Поневоле желудок взбунтуется. Вот взять, к примеру, мой. До войны его салом баловал. Достатки-то были, дай бог всякому.

— Ты мою кухню не тронь, — вскипел Кузьма. — И без тебя все знают, что питание никудышное. Но не скулят. Не в том вопрос.

— А в чем же, мил человек? Ну-ка, объясни.

Егорычев зло сплюнул:

— Тебе сколько раз говорили: каково положение в Ленинграде? Знаешь? Ну и молчи. Там дети страдают. Им по осьмушке хлеба дают и то не каждый день. А ты лезешь с жалобами. Подумаешь, каких-то полмесяца перебои с питанием. Потерпим, не маленькие.

— Так ведь я не жалуюсь, — примирительно говорит Гончаров. — Просто к слову пришлось.

Вмешиваюсь в разговор:

— Ничего. Вот пробьем дорогу, установим постоянную связь с «восточными», и все будет в порядке. Оттуда подбросят нам снаряды и продукты. А пока потерпим.

Только поздно вечером привез старшина Риталь дневной рацион: полтора сухаря на человека. С большим удовольствием грызу сухарик, запиваю его супом-болтушкой. На сей раз суп вкусный, в нем есть немного муки и кусочки консервированного мяса.

...Сегодня ночь какая-то особенная, не темная, а сероватая. Серый сумрак окутывает землю. На передовой глухо дудорят вражеские пулеметы. Кое-где высоко в небе висят осветительные ракеты.

Еще вечером Кузьма Егорычев робко спросил меня:

— Разрешите обратиться, товарищ старший политрук?

— Обращайтесь.

— Скоро наступление. Можно с разведчиками в бой пойти?

— А кухня?

— На кухне делать нечего. Суп-болтушку приготовит и мой помощник.

Егорычев долго мнется. Зачем-то снял шапку, теребит ее. Густые кустистые брови насуплены. Наконец, решившись, выпаливает одним духом:

— Все воюют, а я на кухне вожусь. Что дома скажут? Всю войну возле кухни просидел. Невелика заслуга. Куда это годится? Вон Гончаров и тот смеется: «Где же твой подвиг, Кузьма?» Я тоже хочу схватиться с гитлеровцами. Я свою славу обязан добыть, настоящую.

— Ну что ж, иди, Кузьма, — соглашаюсь я после короткого раздумья. — Постарайся добыть свою солдатскую славу.

Я сказал «солдатскую». В то время командиры и политработники да и сами бойцы все чаще и чаще называли друг друга этим старым, но по-новому зазвучавшим словом. Солдаты гвардии, солдаты Красной Армии — это звучало красиво и гордо.

А Кузьма все же молодец! Ночью он ушел вместе с Мартыновым на передовую. В дивизионе нет начальника разведки, и старший лейтенант Мартынов решил сам идти вместе с атакующей пехотой, чтобы быстрее выявить вражеские огневые точки.

На востоке появляется розовая полоска зари. Сейчас начнется артиллерийская подготовка.

Грохочущий залп. Высоко в небе вспыхивают огненные полосы. Вскоре доносятся разрывы снарядов. В них что-то особенное, непохожее на разрывы снарядов наших дивизионок. Это «катюши». Вслед за ними открыла огонь вся артиллерия «восточных».

Проходит минут тридцать. Появляются наши пикирующие бомбардировщики Пе-2 — двенадцать штук. Они почти отвесно пикируют до самого леса и круто взмывают вверх. Громовым эхом проносятся по лесу разрывы бомб.

Мартынов разговаривает по телефону с Поповым,

передает результаты бомбежки. Над лесом взвивается серия ракет. Пехотинцы майора Парфенова пошли в атаку мелкими ударными группами, от сосенки к сосенке, утопая по пояс в снегу. В те дни апрельское солнце хорошо пригревало, и снег уже таял, сделался рыхлым, набухшим от воды.

Гитлеровцы, оправившись от первого удара, начинают приходить в себя, открывают минометный огонь. Я слышу, как Мартынов передает данные на ведение стрельбы. Потом Попов отдает команду на позиции батарей. 4-я и 6-я открывают огонь. Но залпы их жиденькие. Эх, черт возьми! Вот бы сейчас снарядов вволю.

Мартынов, захваченный ходом боя, увлекается, командует батарейцам: «Пять снарядов, беглый огонь». Попов сразу же вмешивается:

— Мартынов, не увлекайся! Помни: «огурцов» у нас кот наплакал. Береги.

Проходит еще с полчаса. Наши телефонные линии постоянно заняты: то командир 4-й батареи Коваль передает на огневые: «Прицел... уровень... один снаряд... огонь!», то командир 6-й батареи лейтенант Н. П. Кривенко, назначенный вместо А. М. Селезнева, спрашивает о расходе снарядов. Связь работает сейчас, по-нашему фронтовому выражению, как часы. Телефон штаба дивизиона связан со всеми наблюдательными пунктами и огневыми позициями.

Мартынов передает:

— «Карандаши» Парфенова заняли первую траншею. Я нахожусь с ними. «Карандаши» пошли на вторую траншею...

Потом через несколько минут:

— Фашисты открыли по нас сильный минометный огонь. Стреляет батарея из квадрата...

Мартынов опять передает данные для открытия огня.

И снова наши пушки ведут беглый огонь. Старшие на батареях принимают команды и опять напоминают: «Снарядов мало. Осталось по пять штук на орудие».

— Гитлеровцы идут в контратаку. Мы все в первой траншее, вместе с «карандашами» Парфенова,— сообщает Мартынов.

«Мы все» — это значит вся разведка управления дивизиона. Там Никита Залесский, Афанасий Дубина, Кузьма Егорычев, Иван Ткачук.

Попов что-то говорит Парфенову. Он вместе с командиром стрелкового полка сейчас где-то недалеко от вражеской траншеи. Потом передает Мартынову:

— «Хозяин» приказал встретить гитлеровцев штыками. Действуйте и вы...

Наша пехота вылезла из траншей и пошла навстречу атакующим немцам. Не прошло и полчаса, как Мартынов передал:

— Находимся во второй траншее. Наши «карандаши» живо выкурили немцев. Сейчас закрепляемся, подтягиваем резервы, а потом еще раз ударим. Осталось немного, скоро соединимся с «восточными».

Но нажимать пехотинцам Парфенова не пришлось. Уже через полчаса Мартынов радостно сообщил:

— У врага паника. Появились наши тридцатьчетверки. Бегут фашисты.

Бой постепенно затих. Пехотинцы майора Парфенова прочно закрепились на занятом рубеже. К «восточным» пробит, хотя и узкий, коридор, с ними установлена телефонная связь. Из штаба стрелкового полка передали, что захвачено два вражеских танка, 20 пулеметов и орудий, 300 пленных. Это хорошо. Даже очень хорошо при наших возможностях.

Под утро пришел Кузьма, принес пачку сигарет и бутылку вина. Капитан Куликов, недавно назначенный заместителем командира дивизиона по строевой, пробует вино, морщится:

— Кислятина...

Курю сигаретку и отплевываюсь. Солома какая-то, эрзац, а не табак. То ли дело наша махорка — крепка.

С «восточными» мы поддерживаем только телефонную связь. Отвоеванный коридор практически не используется — слишком узок. Развить же наступление мы не в силах — в дивизионе нет снарядов.

Гитлеровцы, по-видимому, знают об этом. С нашего наблюдательного пункта хорошо видно, как они разгуливают по передовой, словно по бульвару. Утром, в обед и вечером к переднему краю спокойно подъезжают кухни. Возле них выстраиваются в очередь солдаты. Будь у нас снаряды, разве мы допустили бы подобную наглость? Особенно злит то, что, пообедав и отдохнув, гитлеровцы принимаются обстреливать наши позиции. Иногда появляются и пикировщики. Вот и сейчас только собрал

совещание парторгов батарей и редакторов боевых листков, чтобы обсудить с ними итоги боевой деятельности дивизиона за неделю, как налетели Ю-87.

Пикировщики выстраиваются в круг, один за другим кувыркаются через крыло, включают сирены. Они длинно, заливисто воют: о-о-о-ю-ю-ю-у-у-у!

Прыгаем в ровики. В них полно воды. Мокрые, стучим зубами от холода, подсчитываем, сколько «пискуны» сбросили на нас бомб. Бомбовая нагрузка «юнкерса» полторы тонны. Сейчас над нашими головами гудят тридцать Ю-87. Получается солидная цифра.

А «восточным» достается еще больше. Там не прекращается такая вот карусель: отбомбится одна группа, на смену ей прилетает другая. И так до самого вечера.

Сбросив бомбы, самолеты кружатся над нами, обстреливают из пулеметов. Потом какой-нибудь оголтелый фашист проносится низко над лесом, круто взмывает вверх, и к нам летит то пустой бочонок, то кусок рельсы, то еще что-нибудь.

Наконец «пискуны» оставляют нас в покое. Но на смену им прилетает корректировщик «Хеншель-126». Этот самолет бойцы называют то «кочергой», то «костылем». «Хеншель» делает круг, и в нашем районе шлепается тяжелый снаряд: г-а-ах! Потом второй. Первый — перелет, второй — недолет. Вилка. Теперь жди...

Начинается методическая обработка наших огневых позиций. А «кочерга» все висит и висит. Со злости открываем групповой огонь из винтовок, хотя и знаем, что брюхо «кочерги» бронированное. Но одна такая «кочерга» все же не ушла от возмездия. Командир зенитного пулемета сержант Можугин долго изучал повадки фашистского летчика, а потом, выбрав момент, влепил в самолет полную ленту пуль. «Кочерга» разбилась.

Вражеские бомбежки продолжались несколько дней. 11-й стрелковый полк вынужден был отойти на старые позиции...

Суточный рацион на человека — сухарь с четвертью. А дальше что? Начались поиски продовольствия. Предприимчивые старшины обследовали места зимних бомбежек, добывали туши убитых лошадей. Но таких мест оказалось не так-то уж много, а предприимчивых старшин, как наш Риталь, более чем достаточно. Однако изредка в нашем рационе конина все же появлялась.

С тревогой, с болью в сердце смотрю на своих бойцов. Страшно похудел Никита Залесский, один из здоровяков в дивизионе. Гимнастерка на нем висит, как мешок на гвозде. Лицо пожелтело и одрябло. Исчезла и ямочка на подбородке, заострились скулы. У многих пухнут ноги: авитаминоз.

Когда я бреюсь, на меня из маленького зеркальца смотрит совсем незнакомый человек, с большими серыми глазами, с сухим, с горбинкою носом и провалившимся ртом. Только лоб, высокий с большими залысинами, да широкие, выгоревшие на весеннем солнце брови свидетельствуют, что это я.

Сколько еще дней мы продержимся? Где-то приходилось читать, что человек способен жить без пищи до сорока дней. Но это при условии, если не будет двигаться. А мы воюем. Значит, количество дней сокращается минимум наполовину. Э, нет, мы все же питаемся, чуть-чуть поддерживаем организм. Самое главное — не распускаться. Сознание, воля должны победить окончательное физическое истощение.

Сегодня особенно трудно. Наступает вечер, а Риталя все нет и нет. Я не спрашиваю почему. Знаю, не привезли еще в тыл полка вот эти сто граммов сухарей: вчера была нелетная погода.

В блиндаж заглядывает Харитон Плаксин. В его руке котелок. И в котелке, чувствую, что-то вкусное.

— Вы сегодня не кушали, товарищ комиссар, — говорит он. — Мы нашли немного конины. Вот, пожалуйста, это ваша доля.

— А вы... ели?

— Все. Вот так.

Плаксин характерным жестом показывает, как они сыты.

Удивительно вкусное мясо. И то сказать, в естественном холодильнике всю зиму хранилось.

— Спасибо, Харитон Тимофеевич, за заботу.

— Я к вам, товарищ комиссар, с одним делом. Не знаю, как решите. Зимой я занимался перевозкой снарядов. Вот ехали мы раз с шофером Рогулей, снаряды везли. Видим, на дороге мешок лежит. Кто-то обронил. Я посмотрел. Ржаная мука. Рогуля говорит: снеси в сторонку от дороги, сейчас неудобно брать с собой. Захватим, когда в дивизион поедем. Рогулю на другой день

ранило, а мне больше не пришлось там быть. Разрешите сходить? Может, тот мешок все еще там?

— Помнишь место?

— Оно мне каждую ночь снится. Три елочки, как сестры, рядом растут. И куст ивняка. Мешок я лапушником закрыл.

— Ну что ж, сходи, посмотри. Возьми с собой двух бойцов из взвода боепитания.

Прямо как в сказке. Поиски клада. Только клад этот не золото, не драгоценные камни-самоцветы, а самый обыкновенный мешок муки.

Приходит техник-лейтенант Заболотнов.

— Надо же, в первом дивизионе братва лося подвалила, — возбужденно сообщил он. — Вот если бы и нам... Как вы смотрите, товарищ комиссар?

— Запрещено бить лося. Зверь редкий.

— У нас случай исключительный: люди валятся с ног.

— Составляй команду.

Чуть свет Заболотнов, Баев и Дубина уходят на охоту. Может, улыбнется счастье?

В тот день счастье улыбнулось Ивану Гончарову. Возвращаясь из штаба полка с пакетом, он нашел потерянный кем-то еще зимой мешок овса. После долгого лежания в сыром снегу овес набух, стал мягким. Приехав в дивизион, Гончаров, как обычно, поставил своего Пулемета в шалаш и насыпал ему торбу овса.

— Ешь. Ты заслужил.

Старшина Риталь увидел в поступке Гончарова нарушение его старшинской власти. Произошел короткий, но выразительный разговор. Гончаров вдруг проявил неповиновение.

— Я нашел, я и вправе распорядиться. Конь заслужил. Ведь он каждый день по тридцать километров отмахивает. А из овса определенно ничего путного не выйдет.

— Если каждый все будет решать по-своему, что же из этого получится? — сердито спросил Риталь. — Для чего тогда старшина управления дивизиона?

— Из этого овса кое-что выйдет, — вмешался Михеев. — У нас много больных. Мы им овсяную кашу сделаем. Из отрубей кисель сварим.

Гончаров даже фыркнул:

— Вот уж выдумал, Меркулыч. Сроду такого не видывал.

— Ничего я не выдумал. Это у вас в Курской области на одной пшеничке сидят. У нас на Смоленщине овсяный кисель не редкость.

Слушая спор бойцов, я вспомнил свое детство. Нашей большой семье хлеба хватало только до нового года. Моя мама, постоянно озабоченная, часто варила из овсяных отрубей кисель. Перед обедом она весело улыбалась и обычно говорила: «Дети, читайте молитву, ложки берите, овсяный кисель на столе».

— Достаньте жерновки. В Ольховке должны быть, — говорю я, зная, что и в здешних деревнях раньше готовили самодельную крупу. — Овес высушить в котле. Кузьма из Владимирской области, он, наверное, знает, как приготовить овсяный кисель.

Овсяный суп-болтушка без приправ, без соли показался очень вкусным. Кузьма и Наум Меркулович начали готовить кисель.

Через два дня в дивизион приходят комиссар полка Барсток и начальник артиллерии дивизии майор Андреев.

— Ну и забрались, — усмехнулся батальонный комиссар, поздоровавшись с нами. — Прямо к черту на куличики. Вот так Грядовский мох! Километров пять по пояс в грязи брели. У нас на Трубице самая настоящая весна, птички поют, а здесь все еще зимой пахнет.

— Передовая, — смеется майор Андреев.

— Какая это передовая. — Барсток ткнул рукой по направлению вражеских позиций.— Там тоже море грязи.

Михеев разжигает костер. Риталь приносит нижнее белье и красноармейское обмундирование.

— Вот, можно переодеться, — говорит он. — К вечеру ваше обмундирование высушим.

Минут через тридцать с НП приходит Попов.

— Комиссар, нет ли чего погрызть? Со вчерашнего утра во рту крошки не было.

— Да, неплохо бы пообедать, — подхватывает Барсток. — Мы тоже проголодались.

— Попробую угостить кое-чем, — говорю я и вызываю Кузьму: — Ну, как твое производство? Вышло что-нибудь?

— Вроде бы вышло, — неуверенно ответил Егорычев. — Была бы соль...

— И еще льняное масло, — улыбнулся я. — Ничего. Обойдемся. Неси сюда четыре котелка.

— Ого, да у вас как в сказке, — рассмеялся Андреев, когда Кузьма и Михеев принесли котелки с горячим киселем. — Стоило только пожелать — и на столе скатерть-самобранка.

— Ну, уж и скатерть тоже...

— Необычайно вкусно. Никогда не думал, что из овсяных отрубей можно приготовить такое кушанье, — продолжает он, налегая на кисель. — Вот молодцы! Верно, товарищ Барсток?

Батальонный комиссар кивает головой. Он согласен с майором Андреевым. А я краснею. Против своей воли краснею. Ну, чего хвалить? Кисель без масла, чуть-чуть подсолен. Видимо, Меркулыч имел небольшой запас соли. Но ведь и мне нравится этот кисель.

— Хорош! — восклицает Борис Васильевич. — Теперь бы закурить? Ох, как было бы хорошо! Может, найдется на цигарочку, комиссар?

Мне тоже очень хочется курить. Но я уже забыл вкус табака.

— Ага, курачи, — ехидно бросил Барсток, заметив, как я уныло пожал плечами. — Страдаете? Хуже, чем без хлеба? Выручить, что ли?

— Вы же некурящий, — с легкой иронией заметил Попов. — Где уж вам понять...

— Ну-ну, потише...

Барсток раскрывает полевую сумку, достает полную пачку махорки. У Бориса Васильевича от удовольствия даже ноздри раздулись. Через минуту он уже дымил невероятно толстой папироской.

— Табак! Настоящий табак!

Батальонный комиссар и майор придирчиво осмотрели наши огневые позиции. Барсток заставил двух бойцов снять нижние рубашки. Те застенчиво переглянулись.

— Снимайте, снимайте. Когда в бане были?

Стоявший рядом Гончаров хитро подмигнул бойцам и весело произнес.

— Дней пять назад. Нам, товарищ батальонный комиссар, жаловаться не приходится. Ребята из шестой батареи в хозотделении важнецкую баню смастерили. Можно и парку дать и можжевелевым веничком по телесам пройтись. Здорово прохватывает. А пока паришься сам, в бочке-прожарке белье дезинфицируется. Так что тут все нормально. Вот только одно...

— Что именно?

— Пища плоховата.

— Знаю. Скоро все наладится. Старая дорога открыта.

В 4-й батарее майор Андреев заинтересовался оборудованием орудийных окопов. Огневая позиция батарей находится на самой опушке гривы. Земля в окопах превратилась в жидкое месиво. Стало невозможно вести огонь. Коваль вышел из положения. В орудийных окопах был настлан пол из толстых осин, расколотых надвое. Из таких же осин, но неколотых, сделан и бруствер.

— Вот это хорошо, молодцы! — Майор Андреев даже попробовал устойчивость такого пола. — Этот опыт надо передать и другим батареям. Под Ольховкой тоже в болоте стоят, но вот не додумались.

Под вечер, прощаясь с нами, комиссар полка сказал:

— Завтра утром высылай конных и пеших, будем возить и носить боеприпасы и продовольствие. Одного из комиссаров батарей назначь в эту группу. Лучше всего Лохова.

— Есть!

— Послезавтра делегатское партийное собрание полка. Выберите от каждой батареи по два-три делегата.

Наступили ясные, весенние дни. Снег на открытых местах почти стаял. Только в лесной глухомани лежит еще толстым пластом, нетронутый, чистый. В речках и оврагах полно воды. Маленькие речки Рогавка и Трубица разлились так, что не пройти. На реке Keресть саперы нашей дивизии строят наплавной мост.

Блиндажи залило. Строим маленькие избушки из толстых бревен. Вот наш домик: два метра в ширину, три в длину и два в высоту. Две койки и столик из осиновых горбылей. Возле домика лавочка из тонких жердочек.

На передовой затишье. Теперь до переднего края врага добраться очень трудно — болото Грядковский мох залило водой.

Дорога как будто освобождена от фашистов, но мы второй день голодаем. Старшина Риталь и ветфельдшер Диваков бродят по району расположения тыла дивизиона, о чем-то спорят. Часто видим их и на поляне, где

пасутся наши кони. Вернее, семнадцать скелетов, именуемых конями. Они еле-еле передвигают ноги, пощипывают вокруг себя едва заметную травку, гложут кору осин. Через неделю лошади начнут поправляться. А люди?

Мне слышно, как Риталь требовательно говорит Дивакову:

— Хватит думать. Второй день все одно и то же долдоним. Принимай решение, и мы пойдем к комиссару. С командиром дивизиона я говорил уже, он не возражает.

— Не могу решиться: кони пошли на поправку.

— Тоже мне!.. — зло выкрикнул Риталь и, махнув рукой на Дивакова, решительно направился ко мне.

— Разрешите обратиться?..

Я догадываюсь, о чем пойдет речь. Вторые сутки без хлеба. Несколько бойцов лежат, не могут ходить. У них ноги опухли, зубы вываливаются. Цинга. Авитаминоз. Чтобы поддержать жизнь людей, надо прирезать двух лошадей. Об этом он и сказал.

Звоню на НП Попову. Отвечает Ткачук:

— Командир дивизиона уехал на «Чердак».

Что делать? Я не вправе принять решение. Надо собрать коммунистов, посоветоваться с ними. Вместе заботились о сохранности лошадей, вместе и сейчас решим.

На маленькой полянке, окруженной густым ельником, стоят грубо сколоченные столы, за которыми мы еще ни разу не обедали. Медленно собираются коммунисты. С болью в сердце смотрю на каждого. Какие же они исхудавшие! Пожалуй, надо все-таки прирезать двух лошадей.

Рассаживаются. В ожидании, когда подойдут бойцы 4-й и 6-й батарей, управленцы ведут негромкий разговор.

— Дуем только навар из еловой хвои да березовый сок. А это уж, сами знаете... — Кузьма Егорычев безнадежно махнул рукой.

Никита Залесский пытается шутить:

— Говорят, сто ведер березового сока заменяют килограмм сливочного масла. Дешево и сердито.

— Брось, не до шуток, — обрывает его Кузьма. — От этого сока у многих ноги как бревна. Сами тощие, а ноги пухнут.

— Скоро щавель пойдет. Или еще есть заячья капуста. Я в лесу видел. Такие маленькие листочки. Цингу вылечим...

— Теперь и щавель едва ли поможет, — мрачно замечает Риталь. — Хлеб и мясо нужны. А где взять?

Я перебиваю его:

— Подожди, Риталь. Сейчас подойдут коммунисты из огневых взводов. Вместе с ними и решим.

Копылов хочет соблюсти порядок, подходит ко мне с рапортом.

— Не надо, Федор Петрович. Мы просто по-дружески побеседуем.

Моя речь была краткой. Да и к чему тут длинные речи?

— Положение с питанием очень тяжелое. Некоторые товарищи считают, что выход только один: забить на мясо несколько лошадей. Мы с командиром дивизиона решили посоветоваться с вами.

Бойцы молчат. Они хорошо знают, как трудно было сохранить хотя бы вот этих лошадей, которые бродят сейчас на поляне, недалеко от нас. В управлении дивизиона осталось семь лошадей. В 4-й батарее — двенадцать. В 6-й только две...

Встает Диваков. Он совсем не принимал участия в разговоре. Сидел в сторонке, опустив голову, ждал решения.

— Думаю, товарищи, — начал он, запинаясь и подыскивая слова, — вот... Пожалуй, вы согласитесь со мной. Нам тяжело. Значит, выход один — резать лошадей? — Диваков взмахнул рукой. — Вчера старались сохранить, а сегодня... Может, еще потерпим? А там и хлеб подвезут. Говорят, дорога-то открыта.

— Дорога, дорога, — выкрикнул Сергей Плехов. — Вот уже несколько дней говорят, а хлеба нет. Я, как фельдшер дивизиона, считаю, что люди дороже лошадей. Нужно забить двух. И точка.

— Я тоже очень ослаб, — тихо заметил Михеев, — но не могу согласиться с предложением Плехова. Я все же надеюсь, что хлеб подвезут. Если не сегодня, то завтра.

— Согласен с Михеевым, — вмешался Копылов. — Говорю это от всей четвертой батареи.

Раздалось несколько голосов:

— Так и постановим.

— Денек, два еще потерпим. А там видно будет.

— Ну что ж, — говорю я, — так тому и быть.

Фашисты усиливают натиск. Снова появляются большие группы пикировщиков. Несколько западнее Мясного Бора, в верховьях речек Глушицы и Полисти небо почернело от них. А на земле, как в гигантском котле, стоит рев и гул.

Пять километров тащим мы по болоту свои поезда. Бредем по пояс в жидкой грязи. Кажется, больше всех волнуюсь я. На мне вся ответственность за то, чтобы дивизион вовремя занял огневые позиции и был готов к бою.

Но вот и твердая земля. Тракторы идут на полной скорости. Связисты уже ждут нас в районе новых огневых позиций. Иван Ткачук, весь в грязи, улыбается:

— Связь с НП установлена!

Через десять минут 4-я батарея открывает огонь. Лохов собирает всех хозяйственников батареи, вручает им лопаты.

— Пока огневики стреляют, копайте для них ровики.

Нашей пехоте тяжело. Кажется, вот-вот гитлеровцы закроют выход на Большую землю. Поэтому бой идет на самом высоком накале. Бойцы 8-го и 11-го полков дерутся врукопашную.

«Рама» засекла наши огневые позиции. Шесть Ю-87 пикируют на нас. Рядом с огневыми рвутся бомбы. Но батарейцы не уходят от орудий, продолжают обстрел.

Враг все же не сломил нас. Под вечер наши части перешли в контратаку. Положение было восстановлено.

Ночью пришел Попов на огневые позиции. На НП остался Мартынов.

— Теперь бы хороший котелок украинского борща да котелок гречневой каши, — говорит Борис Васильевич, грызя ржаной сухарь и запивая его горячей водой. — Поработали мы сегодня на славу.

Он рассказал, что у «восточных» наиболее успешно действовали 24-я отдельная стрелковая бригада и 1236-й полк 372-й стрелковой дивизии, поддержанные 7-й отдельной танковой бригадой. Два танка этого соединения прорвали вражескую оборону и пришли в район 8-го полка. Вместе с ними ударили по фашистам пехотинцы. Обратив неприятеля в бегство, захватили исправный танк.

— Сразу же нашлись водитель и артиллерист, знающие немецкую технику. — Попов весело рассмеялся. — Через полчаса этот танк пошел в атаку. Здорово дерутся ребята!

Левее огневых позиций 4-й батареи раздается неумолчный стук топоров. Бойцы взвода боепитания доделывают штабной домик: три метра на три. Михеев тащит туда попоны.

— Пойду спать, — вяло говорит Борис Васильевич. — Устал. Ты, комиссар, проследи за всем. Усиль наряд часовых, завтра Первомай, и фашисты могут преподнести нам сюрприз.

Первое мая — большой праздник трудящихся. Как красиво проходил он до войны! В Москве всегда были парад и демонстрация. А в этом году? Все мы ждем, что скажет Верховный Главнокомандующий об итогах зимнего наступления. Нам еще трудно, но мы уже чувствуем, что в войне наступил перелом. Наши силы возросли, и гитлеровские оккупанты убеждаются в этом все чаще и чаще.

Чудесное утро. Тишина. Но вот заговорил вражеский пулемет. Ему ответил наш. Через минуту ударила пушка: ба-м-м! И по всему лесу разнеслось раскатистое эхо: ам-м-м-м!

Повар Кузьма Егорычев поднялся раньше всех. Слышно, как он громыхает крышкой котла. Затем повар заглядывает в наш домик:

— Разрешите обратиться?

— Что случилось?

Кузьма спрашивает шепотом:

— Как быть с завтраком? Вчера вечером старшина Ритаиль приехал без продуктов.

— Одну минутку.

Иду в 4-ю батарею, бужу Лохова и Копылова. Оба недоуменно смотрят на меня. Но Копылов сразу же, словно джин из сказки:

— Убили лося, товарищ комиссар. Вчера вечером. Еле дотащили. Сейчас дам распоряжение.

Перед завтраком провели митинг бойцов управления дивизиона. Попов немногословно сказал о том, что трудящиеся нашей страны встречают Первомайский праздник новыми достижениями во имя победы над врагом.

— В самые напряженные дни, когда фашисты были недалеко от столицы, в Москве состоялся парад наших войск. И тогда весь советский народ был уверен в победе. А сейчас, когда мы проводим этот митинг, на Красной площади идет еще более могучий парад. Здесь у нас

очень трудные дни. От каждого требуется все его умение, все силы. Мы должны выдержать, выстоять, вырвать у врага победу. И мы сделаем это. С праздником, друзья!

Во время завтрака Борис Васильевич поднимает кружку, в которой всего пятьдесят граммов водки, и еще раз поздравляет:

— С праздником!

Чокаемся. Пьем. Смех. Шутки. Лица у всех радостные, как будто и не было голодовки, не было трудностей.

Ваня Ткачук восторженно говорит:

— После войны будет много праздников. Новых. И какие праздники, загляденье! Люблю смотреть парады. Вот бы дожить, хоть краем глаза посмотреть.

Сразу несколько голосом:

— Доживем. И попразднуем.

— В гости друг к другу ездить будем, — мечтательно произнес Гончаров.

— Если после войны все по гостям начнут разъезжать, работать кто будет? После войны работы ох как много предстоит, — замечает повар.

— Я по гостям ездить не буду, — задумчиво говорит Михеев. — А вот по местам, где мы воевали, поеду. Возьму своих пацанов и все покажу. Вот, мол, смотрите и помните, за ваше счастье дрались. Поклонитесь тому, кто погиб за ваше счастье...

Гитлеровцы решили испортить нам праздник. Несколько батарей обрушились на наш участок обороны. Гулкие, лопающиеся звуки слышны по всему лесу. В воздух летят верхушки деревьев, комья земли. Забираемся в ровики, считаем разрывы.

Потом одна за другой прилетают три группы Ю-87, сбрасывают бомбы. Возле наших огневых упало 28 бомб.

Алеша Мартынов передает с наблюдательного пункта:

— Приготовиться!

Фашисты идут в атаку. Мартынов снова передает:

— НЗО-«А», гранатой, взрыватель осколочный, два снаряда, беглый... Огонь!

Наши батареи ведут огонь. Мне кажется, что стреляет не дивизион, а полк, даже несколько полков. Каждый выстрел умножается, гулко перекатывается из одного края леса в другой.

Около тридцати гитлеровцев просочились в стыке между 8-м и 11-м стрелковыми полками и вышли к наблюдательному пункту 6-й батареи.

— Нас здесь только пятеро, но мы будем драться, — передал по телефону Кривенко.

Собираю ездовых 4-й и 6-й батарей, бегу с ними по направлению к НП. Тороплю бойцов, развертываю их в цепь и командую:

— Перебежками, по одному...

Через пять минут нас встречает Кривенко. На загорелом лице счастливая улыбка.

— Фашистская группа уничтожена — все тридцать «завоевателей».

Оказывается, пока я с бойцами бежал к НП, Мартынов и Коваль, не сговариваясь, выслали на помощь Кривенко своих разведчиков и связистов, дежуривших на наблюдательных пунктах. Разведчики управления — Залесский, Дубина, Ткачук и Матвиевский — слева, а разведчики 4-й батареи — справа обошли гитлеровцев, взяли их в клещи и уничтожили.

К вечеру я вернулся на огневые позиции. Возле штабного домика встретил Михеева. Из-под больших кустистых бровей на меня глянули веселые серые глаза. Худое лицо расплылось в улыбке.

— Звонили из штаба полка, поздравляли, — доложил он. — Выступила по радио ваша супруга с первомайским приветом. От себя и от всех ваших ребятишек. Ей-богу, когда я слушал, слезы на глазах навернулись. От радости, товарищ комиссар. Как будто и меня поздравили с праздником...

Немцам не удалось испортить нам праздник. Из штаба стрелкового полка сообщили: часть Парфенова закрепилась во вражеских траншеях. Захвачено пять минометов, шесть станковых пулеметов, несколько кухонь...

Под вечер 3 мая в дивизион пришел стройный, подтянутый майор Писанко. Иван Иванович на днях получил новое назначение — стал заместителем командира полка по строевой части.

— Газета есть, комиссар? — спросил он.

— Нет.

— Тогда получай. Прямо с печатного станка в редакции «Боевого товарища» взял.

Весть о том, что привезена газета с первомайским приказом Верховного Главнокомандующего, мигом обле-

тела дивизион. Вокруг меня собралась большая группа бойцов и командиров.

Михеев разжигает костер. Без огня читать нельзя, и все мы терпеливо ждем, когда запылают смолистые ветки. Костер разгорается. Яркое пламя узкими язычками прыгает в ночном небе, освещая похудевшие лица бойцов.

Читаю приказ. Все слушают в глубоком молчании.

— Как видите, — говорю я, закончив чтение, — задача ясна. У нас сейчас есть все необходимое для победы над врагом. И чтобы победить, мы должны еще больше учиться военному делу, знать свое оружие в совершенстве...

В первой половине мая больших боев не было. Даже немецкие бомбардировщики редко стали появляться над нашими боевыми порядками. Прилетят до обеда две-три небольшие группы, лениво, без пикирования сбросят бомбы... И чаще всего на пустое место.

Пользуясь относительным затишьем, мы организовали боевую учебу. Борис Васильевич с большим удовольствием проводит занятия с политработниками, учит нас подготовке исходных данных. Глазомерную подготовку данных мы уже освоили.

10 мая политотдел соединения созвал всех политработников. Приехал лектор политуправления фронта. Выслушав его, я возвратился в дивизион и добросовестно пересказал все, что запомнил.

От души хохочем над заявлением Браухича. Хитрая старая крыса, он раньше всех почуял, что гитлеровская посудина дала трещину и скоро пойдет ко дну, вот и старается удрать заблаговременно.

Союзники все больше и больше восхищаются нашим сопротивлением. Они называют чудом то, что мы выстояли под ударами гитлеровской армии.

Запарованный зло сплевывает:

— Поставить бы того писаку к нам в батарею. Я показал бы ему, откуда это чудо берется. Вон на Керченском полуострове фашисты газы применили, а союзники все о чудесах пишут. Пора бы и им воевать.

Разошлись поздно вечером. А ночью Попова вызвали в штаб дивизии. Вернулся Борис Васильевич рано утром.

— Новость, комиссар! — крикнул он, еще не войдя в домик. — Едем на переформировку. Сегодня готовимся сдавать участок соседям. Собирай всех.

ЧЕРЕЗ «ДОЛИНУ СМЕРТИ»

К вечеру 16 мая наш полк сосредоточился в лесу, в двух километрах юго-западнее Кречно. Утром надо приступать к строительству деревянной дороги — «лежневки». Попов спрашивает нас:

— Вы понимаете что-нибудь в строительстве такой дороги?

Мартынов удивленно вскинул брови.

— Я же коренной москвич. Восемнадцатилетним парнем пошел в артиллерийское училище. А там не учили такой специальности.

— Придется пораскинуть умом, — задумчиво произнес Борис Васильевич. — Не боги горшки обжигают. Верно, комиссар?

— Верно. В дивизионе много северян. Они-то должны знать, как строится «лежневка». А в дивизии есть саперы. Покажут, что надо делать.

И вот саперы уже разметили трассу дороги, указывают, как валить деревья, как укладывать их.

Харитон Плаксин подошел к высокой сосне, постучал по стволу обухом топора и тихо произнес:

— Хороша. Из таких бы дом построить. Ох, и жилье было бы! Высший сорт.

Рядом стоят пильщики — Никита Залесский и Афанасий Дубина. Дубина подхватывает вздох Плаксина:

— Да, жалко такую красавицу.

Плаксин поплевал на руки:

— Ну, как говорят, господи благослови! — И топор вонзился в ствол сосны.

Бойцы работают весело. Стук топоров, треск сучьев, шаркающая песенка пил, шум падающих лесных великанов — все это сливается в один общий гул. Работаю и я. В молодости приходилось бывать на рубке леса, держать в руках топор еще не разучился. Рядом со мной трудятся Борис Васильевич и Мартынов. Пока я надрубаю дерево, Алеша мечтательно декламирует:

Плакала Саша, как лес вырубали.
Ей и теперь его жалко до слез...

считает себя слабым, пусть выйдет из строя. Требуется только добровольное согласие.

Сержант Митрофанов говорит, не выходя из строя:

— Справимся, не беспокойтесь, товарищ майор.

Начальником «особой команды» Борис Васильевич назначил старшего лейтенанта Игнатьева. Отдаю ему список бойцов. Подзываю сержанта Митрофанова.

— Вот вам помощник. Сержант Митрофанов, коммунист. Он будет парторгом вашей команды.

Вечером команда Игнатьева уходит к Кречно. Провожаю ее, желаю успешной работы и благополучного возвращения.

Штаб полка и первый дивизион вытянулись на деревянную дорогу. В первом дивизионе нет таких поездов, как у нас, им командир части дал несколько автомашин для вывозки орудий.

А нас из-за этих длинных поездов оставляют на самую последнюю очередь. Начальник оперативного отделения штаба дивизии, красивый кавказец, майор стоит в самом начале «лежневки» и сердито говорит Попову:

— Не могу пустить. От ваших колымаг дорога полетит ко всем чертям! Не могу!

Попов готов сцепиться с ним:

— По приказу командира дивизии на дорогу втягивается артполк. Штаб и первый дивизион уже на дороге. Сейчас моя очередь.

Голос Попова становится угрожающим. У него бывают такие минуты. Внешне он кажется спокойным, но вот вдруг сразу же, как искра, вспыхивает. А вспыхнув, может натворить таких дел, что за них же после будет краснеть. Я знаю этот недостаток Бориса Васильевича, угадываю приближение вспышки и стараюсь в такой момент быть возле него. При мне Попов как-то сдерживается. Впрочем, сейчас и я готов поддержать Попова!

— Какая очэредь, галубчик! После вас никакой очэреди нэ будет. Последними поедете. А приказ по дивизии я сам писал.

Но наш спор прекратился — подошел полковник Пугаев. Всего несколько раз видел я начальника штаба дивизии и каждый раз говорил себе: «Вот образец советского командира». В любых условиях, даже самых трудных, Михаил Петрович всегда спокоен и выдержан. Его уважают не только как прекрасно знающего военное дело специалиста, но и любят как человека.

Попов докладывает Пугаеву, что ничего страшного в наших поездах нет, что он все рассчитал, даже на случай поломки дороги создал ремонтную бригаду.

Полковник соглашается с Поповым.

— Вытягивайтесь на дорогу, — отдает он распоряжение.

С грохотом и лязгом 6-я и 5-я батареи вползают на деревянный настил. Пугаев внимательно смотрит на наши поезда. И мы знаем: если поломаем сейчас деревянную дорогу, сидеть нам с этими поездами в ожидании самой последней очереди. Но обе батареи вытянулись на дорогу благополучно.

Пора двигаться 4-й батарее. Попов подает команду. Но вот к нему подходит Коваль. На загорелом до черноты лице виновато-растерянное выражение.

— Четвертая вынуждена остаться на месте,—говорит он тихо, опустив голову. Это первый случай, когда Коваль не может выполнить приказ. — Поломался трактор.

Но если Коваль старается быть спокойным, то комиссар батареи А. П. Лохов дает волю своим чувствам, обвиняет Царика в том, что тот дал ему плохой трактор и самого слабого тракториста.

— Ремонтируйте. Как можно быстрее, — приказал Попов.

Говорю Алексею Прокофьевичу Лохову:

— Я приду к вам. Вот только провожу пятую и шестую батареи к Волхову. И хорошего тракторного механика, Копнина, возьму с собой.

Пройдя каких-нибудь три километра, мы остановились. Вторые сутки стоим на месте. В «Долине смерти» почти все время гремит канонада. Через каждые полчаса фашисты бьют по дороге из всех видов оружия. Мартынов уже был там, вернулся с неутешительным сообщением:

— «Долина смерти» обстреливается даже пулеметами. Пройти трудно. Идут будто по огненному коридору.

Впоследствии эту дорогу так и назовут. Да, это был самый настоящий огненный коридор, по которому выходили наши войска.

Сидим у маленького костра. Совсем бы мирная картина, вроде как охотники на привале, но недалеко от

нас бухают орудия, грохочут разрывы, высоко в небе слышен прерывистый гул вражеских бомбардировщиков.

Недалеко от костра небольшая палатка. В ней спят Попов и Мартынов. А я не могу спать. Рядом со мной дремлет Никита Залесский. Сидит, прислонившись к стволу дерева, голова запрокинута назад. Ему неловко, он все время ворочается, ерзает, старается устроиться поудобнее. Афанасий Дубина лежит с противоположной стороны костра, на еловом лапушнике. По тому, как держит он голову, видно, что не спит.

Михеев ломает сухие ветки и подкладывает их в огонь.

— Хотел бы я знать, — задумчиво произносит он, — куда нас пошлют?

— Ты, Меркулыч, третий раз сегодня об этом говоришь, — глухо откликнулся Дубина. — И ответ получишь все тот же: не знаем.

— Узнаешь, когда будем на месте. Ведь сказано: едем на переформировку. Чего еще тебе надо? — сердито ворчит Кузьма Егорычев. Он не может сидеть без дела и сейчас занят... выжиганием мундштука. У нас нет табаку, забыли его вкус, а Кузьме вдруг взбрело в голову выжечь новый мундштук. — Вон и старшина Риталь подтвердит.

Днем Риталь ходил к Мясному Бору получать продукты. Но своего ДОПа не нашел и вернулся с несколькими пачками рисового концентрата, выпрошенными у какого-то сердобольного продовольственника. Управленцы остались голодными, и Риталю влетело от нас по первое число.

К костру подошел Копылов. Михеев пододвинул ему чурбак:

— Садитесь, товарищ старшина.

— Комиссар спит?

Я отозвался. Копылов доложил, что принес донесение от Лохова и два заявления о приеме в партию. Надо дать рекомендации.

— Трактор все еще не отремонтирован, — сообщил он. — Пигарев вряд ли сможет починить трактор. Что передать Лохову?

— Передай, Федор Петрович, что я обязательно приду.

В красноватых отблесках костра невысокая фигура парторга 4-й батареи кажется совсем хрупкой. Но худое, узкое лицо спокойно.

— Не беспокойтесь. Пришлите только Копнина. Мы выберемся.

Я не беспокоюсь. Я знаю, что, пока в батарее есть такие коммунисты, как Коваль и Лохов, как Копылов и Баев, за успех дела можно быть спокойным.

Только в двенадцать часов дня мы тронулись с места. Вот и последний поворот. Отсюда видна мрачная «Долина смерти». Впереди нас движется обоз. Гитлеровцы открывают сильный артиллерийский огонь. Всплескиваются разрывы снарядов. Ездовые нахлестывают лошадей, но тощие кони бредут шагом.

Стоим возле деревянного сруба. Это дзот, охраняющий вход в «Долину смерти». Попов мечтательно говорит:

— Еще пять километров, и мы на Большой земле. Последние километры!

Но эти последние — самые трудные. Их надо пройти под огнем врага.

Полчаса длился налет вражеской артиллерии. Но вот он стал стихать. Майор сразу же дает команду:

— Трогай! — И мне: — Надо проскочить, пока немцы делают передышку.

Тихо стрекочут тракторы. Нервы напрягаются до предела. Начинает казаться, что фашисты хорошо слышат этот стрекот и вот уже нацеливают на нас свои орудия.

С первого трактора соскакивает боец с валенком в руке. Он подбегает к большой луже грязной воды, мочит в ней валенок и, быстро возвратившись, взбирается на машину, надевает мокрый валенок на выхлопную трубу. Стрекот почти прекратился. Затихает гул и остальных тракторов. И там на выхлопных трубах красуются валенки.

— Это твоя идея? — спрашиваю я Бориса Васильевича.

— Пойдем вперед, послушаем, с какого расстояния не слышно. — Попов прибавляет шаг и, улыбнувшись, спрашивает: — Что, неплохо придумано?

— Превосходно. Надо же додуматься!

Не прошли мы и ста метров, как стрекота тракторов уже не было слышно. Лицо Попова расплывается в улыбке.

— Каково, а? Ведь проедем.

Перед самым выходом из «Долины смерти» мы все же попали под артиллерийский обстрел. Протрещала сорокой длинная пулеметная очередь, загнавшая нас за железную бочку, валявшуюся возле деревянного настила. Потом заклекали мины.

Мимо нас с грохотом мчатся тракторы с гаубицами 6-й батареи. За рулем первой машины сидит Володя Копнин.

Майор Попов машет рукой, кричит:

— Давай быстрее!

А вот и 5-я. Держась за крышу кабины трактора, во весь рост стоит Василий Запарованный.

Мелколесье. Если смотреть с воздуха — заброшенная земля. Только кое-где проглядывают маленькие голубые окна-лужи, озера, поросшие ивняком. Здесь нам жить и учиться.

Строим землянки, большие, просторные, с окнами. Хотя и не знаем, долго ли будем здесь жить, но устраиваемся основательно, как будто на все лето.

В первые дни нашего пребывания здесь, возле станции Гряды, мы отправили в госпиталь 13 бойцов. У всех авитаминоз, цинга, дистрофия. Каждое утро хозяйственники Ритаца бродят по лугам, собирают щавель. Едим его через силу.

Где-то далеко, возле Чудова, прозвучал глухой выстрел. Словно кто-то с силой ударил поленом по дну пустой железной бочки. Нарастающий вой снаряда, низкий, басовитый. В полукилометре от нас вспыхивает яркое пламя, взвивается громадный кудреватый фонтан дыма. Доносится грохот, похожий на обвал большой каменной стены.

Проходит минута. Снова далекий глухой выстрел. Снова вой снаряда и тяжелый грохот.

— По станции Гряды бьет, — определяет Попов. В его голосе послышались тревожные нотки: — Ну, если засечет нас, житья не даст, собака. Над землянками надо сделать крыши в три наката. Возле мест занятий вырыть

глубокие ровики, — приказывает он командирам батарей.

Обстрел станции продолжался минут пятнадцать. Потом наступила тишина. Где-то высоко в небе затянул свою весеннюю песенку жаворонок. Смотрим вверх, разыскиваем веселого певца.

— Поет! Вот солист! — восторженно говорит Мартынов. — И обстрел его не пугает. Молодец!

25 мая я вернулся в «Долину смерти» вместе с сержантом Копниным. Коваль встретил меня печальным известием: во время бомбежки ранило комиссара батареи Лохова. За день до моего прихода его отправили в медсанбат.

Положение наших частей за «Долиной смерти» значительно осложнилось. Теперь стало ясно, что мы покидаем этот участок фронта. Гитлеровцы не оставляют попыток закрыть выход из ольховского мешка. Нажим идет и со стороны Спасской Полисти и со стороны Замошья. «Долина смерти» простреливается даже автоматным огнем. Одновременно фашисты давят и на 2-ю Ударную армию в районе Финев Луг — Вдицко — Кривино. Оставшиеся там соединения 2-й Ударной с трудом отбиваются и отходят в район Кречно.

4-я батарея стоит перед самой «Долиной смерти». Только нет уже на повороте дзота. Его разбило прямым попаданием бомбы. И опять я думаю о последних километрах, которые надо пройти. У нас был еще один выход из положения, довольно простой. Мы могли оставить здесь орудия и трактор и вывести только личный состав батареи. Никто не сказал бы нам и слова упрека за такое решение. Но мы, артиллеристы, сами не простим себе, если примем такое решение. И никто из личного состава батареи даже не заикнулся об этом.

В «Долине смерти» непрекращающийся грохот. Коваль долго смотрит на дорогу, на разрывы снарядов.

— Комиссар, — говорит он тихо. — Возьми группу ребят и иди вперед. Если на дороге окажется повозка или автомашина, спихивайте в болото. Мы поедем на предельной скорости. Выжмем из трактора все. Может, прорвемся.

Старший сержант Гузеев подбирает группу из десяти человек. И мы бежим вперед, туда, где свищут пули и грохочут разрывы. Опять злополучная бочка. Если про-

скочим это место, можем поздравить себя с выходом из «Долины смерти».

Гузеев кричит:

— По одному, короткими перебежками...

Бежим вместе. Несколько раз падаем. Рядом свистят пули. Минут через пять Гузеев широко улыбается:

— Все! Проскочили. Теперь подождем трактор с орудиями. Да вот и он. Смотрите, как беговой конь мчится!

Из дыма, нависшего над «Долиной смерти», выскакивает наш поезд. Володя Копнин опять за рулем. Побледневшее лицо напряжено, зубы стиснуты. Рядом с кабиной во весь рост стоит Коваль.

— Садитесь! — кричит он нам.

Володя сбавляет скорость, и мы садимся на раму. И снова полный ход. Возле места, где раньше была центральная усадьба совхоза «Красный ударник», останавливаемся. Коваль, чуть усмехнувшись уголками губ, презрительно бросил:

— Тоже мне артиллеристы!.. Всех бы их гнать от орудий.

Это он о вражеских артиллеристах. Я знаю, если бы пришлось вести огонь по такой дороге ему, Ковалю или Попову, наш поезд навсегда остался бы в «Долине смерти». А мы проскочили без потерь, если не считать нескольких довольно легких ранений.

31 мая гитлеровцы перерезали дорогу возле Мясного Бора. За «Долиной смерти» осталась еще большая группа войск, в том числе 3-й гвардейский полк нашей дивизии и команда Игнатьева.

Уже значительно позже мне стало известно, что командование Волховского фронта делало несколько попыток выбить фашистов с дороги. Но эти попытки не дали желаемого результата.

20 июня 8-й и 11-й гвардейские полки нашей дивизии, не закончив учебу, ушли в район Мясного Бора. С ними были направлены 1, 3 и 6-я батареи нашего полка. 21 июня гитлеровцы были выбиты из Мясного Бора, и остатки 2-й Ударной армии вышли из окружения. А через неделю вернулся в дивизион Игнатьев со своими бойцами.

С большим интересом выслушали мы рассказ старшего лейтенанта о действиях «особой группы». Это и понятно: все с таким волнением ожидали возвращения однополчан...

Первую неделю работа шла нормально. С артиллерийского обменного пункта команда переносила к Мясному Бору стереотрубы, перископы-разведчики, панорамы к артиллерийским орудиям и пулеметы. До 25 мая ходили по деревянной дороге. Потом гитлеровцы от Мостков настолько приблизились к ней, что обстреливали ее из автоматов. Пришлось искать другие тропы. Они были известны Игнатьеву еще с того времени, когда 5-я батарея воевала здесь, поддерживая действия 24-й отдельной стрелковой бригады.

Стали ходить через коварное торфяное болото. Издали оно кажется ровным, ласкающим, словно покрывало из рыжего бархата, наброшенное на твердую почву. Но стоит сделать один неверный шаг — и начнет засасывать. Тропа черная. Грязь, вода. Кое-где перекинуты слеги с кочки на кочку. Под слегами грязевые окна, подчас бездонные.

Бойцы идут час, другой, третий... Впереди, как всегда, — Игнатьев. За ним Иван Гончаров. Замыкает колонну Федор Митрофанов. Изредка возле тропы рвутся вражеские снаряды, однако на них перестали обращать внимание. Трудные переходы окончательно вымотали Гончарова. Раньше балагурил, подпускал «огоньку» для веселья, а теперь ходил молча.

С 1 июня движение по этой тропе стало чрезвычайно опасным: гитлеровцы каждый день обстреливали весь участок. Через три дня, когда пришли в Кречно, бойцы попросили отдыха. Надо было постирать гимнастерки, белье, самим помыться. Залатать обмундирование. А то уж слишком оборвались все. Игнатьев согласился.

Под утро 6 июня пытались пройти между Мясным Бором и Любцами. Не удалось. Фашисты окончательно закрыли выход. Вернулись к Кречно. Несколько раз пробовали найти хотя бы маленькую лазейку, чтобы проскользнуть через вражескую оборону. Но всякий раз натыкались на гитлеровцев.

Решили присоединиться к 3-му гвардейскому стрелковому полку под командой гвардии подполковника А. В. Слепко и пробиваться к своим.

— Чем же вы питались эти три недели? — спросил я Игнатьева.

— Когда уходили под Кречно, получили продукты на неделю вперед. Это нас спасло. Питались и подножным кормом. Раз в Керести рыбешки наловили. В конце июня появилась ягода. Не знаю, как она называется, но вкусная...

— Морошка?

— Пожалуй, она. Была и конинка. — Игнатьев слабо улыбнулся. — С душком, однако ели. Вместе с полком Слепко и пробивались на выход. 21 июня первый и третий батальоны вышли к своим. Гитлеровцы нажали. Штаб полка и второй батальон, а также наша команда остались в окружении. Началось самое тяжелое. Немцы прорвались к Кречно от Замошья. Те части, которые в этот момент от Ольхови и Финева Луга подходили к Кречно, оказались еще в одном кольце.

Мы решили еще раз попытать счастья. Две ночи ползали по болоту, днем отсиживались в канаве с водой, вытекающей из озера. Место там самое глухое. На следующую ночь кое-как выползли. Фашисты совсем рядом были.

Во время этого перехода трое — Торохов, Копейко и Меркулов — пропали без вести.

...Два дня бойцы команды отдыхали, получили новое обмундирование, помылись в бане. Потом включились в обычную жизнь дивизиона.

Дни заняты до отказа. С раннего утра и до потемок. Политинформации, инструктажи политгрупповодов и агитаторов, разработка каждой темы политзанятий, совещания парторгов и комсоргов батарей — все это навалилось сразу, все требует немедленного исполнения. А тут еще комиссии из политотдела корпуса, из политуправления фронта...

Больше всего времени уделяю политзанятиям. Политотдел дал тематику, а содержание каждой темы разрабатываю сам.

Пишу подробные конспекты, подбираю газетный материал, зачастую выручают и ранее приобретенные знания.

Несколько дней писал донесение о команде старшего лейтенанта Игнатьева. Трудно, оказывается, хорошо рассказать на бумаге о коллективном подвиге. Особенно в

том случае, когда этот подвиг не имеет внешней яркости, когда он основан на скрытых моральных силах людей.

Год войны. Невиданно тяжелый и суровый. Нам пришлось отступать. Громадная территория захвачена наглым врагом. Но мы все же выстояли. И не просто выстояли, а нанесли врагу весьма ощутимый урон. Вот итоги боевых действий нашего дивизиона за последний период, когда нам пришлось биться в окружении.

Уничтожено огнем дивизиона: 204 гитлеровца, 7 дзотов, 11 пулеметных точек, полковая пушка, зенитная установка, взорвано 2 склада с боеприпасами, разбиты 4 грузовые автомашины и повозка с боеприпасами. Подавлено и частью уничтожено: 16 минометных батарей, 5 пулеметных точек и 5 артиллерийских батарей.

Наши потери за этот же период: убито — 7 человек, ранено — 22, пропало без вести — 4. Из материальной части мы потеряли только одну радиостанцию.

Много, правда, побито лошадей. Когда мы начинали бой в районе Ольховки, у нас было их 90, а осталось лишь 17. Но артиллерия уже сейчас постепенно переводится на механическую тягу. И это тоже показатель роста нашей силы.

Выросло также мастерство бойцов и командиров, их умение бить врага.

В декабре 1941 года в нашей партийной организации было только десять человек. Сейчас коммунистов в дивизионе сорок восемь. И сорок пять комсомольцев. Разве это не сила? Коммунисты всегда были впереди, показывали пример стойкости и мужества. Среди них — Федор Копылов, Семен Баев, Афанасий Дубина, Никита Залесский, Федор Митрофанов и многие другие.

Командир дивизиона выступил на общем собрании с докладом об итогах минувшего года.

— Кончилось наступление немцев. «Блицкриг» провалился, — говорит Борис Васильевич. — Может быть, кое-где фашисты и смогут потеснить нас, они еще сильны, но это будет уже только частное наступление. Сорок первый больше не повторится. А пройдет еще немного времени, и мы изгоним врага с нашей земли...

В газетах опубликовано сообщение Совинформбюро: «Еще одна фальшивка гитлеровского командования».

Гитлеровцы на весь мир хвастливо заявили, что в волховских лесах они окружили и уничтожили большую группу советских войск. Перечислены даже номера соединений, якобы «полностью уничтоженных», в том числе назвали и наше. А в это время четкий строй закаленных в боях воинов стоял на лесных полянах недалеко от станции Гряды. (Дивизия к тому времени вошла в состав 6-го гвардейского корпуса, так же как и «уничтоженная» гитлеровцами 24-я гвардейская дивизия.)

СЕВЕРО-ЗАПАДНЕЕ СТАЛИНГРАДА

Нашу дивизию в спешном порядке перебрасывают с Волховского фронта на юг. Предполагаем, что едем под Сталинград. В Донских степях сейчас идут упорные бои. Торопливо стучат колеса вагонов: так-так-так...

Наш эшелон идет почти без остановок. Чуть свет 10 августа подъезжаем к Москве. Не спим. Каждому хочется посмотреть на столицу.

Алеша Мартынов стоит в дверях вагона, радостный, возбужденный.

— Вот она, матушка Москва! Эх, если бы знал, что поедем через столицу, дал бы телеграмму маме. И моя старенькая Аграфена Ивановна вышла бы встречать.

Проезжаем не останавливаясь. Поезд идет на юг. На станциях работают одни женщины. Они машут нам платками и что-то кричат. Мы пишем домой открытки с названиями станций, бросаем их прямо на путь.

Повсюду идет уборка хлеба. Урожай хороший, по всему видно. И здесь работают в основном женщины. Тяжело им, а все же справляются. Недаром поэт писал о русской женщине:

Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет...

Ночь. Черная, беззвездная. Большая узловая станция Поворино. Состав стоит в каком-то тупике, в двух километрах от вокзала. Долго бродим по путям, путаемся в эшелонах, разыскивая военного коменданта станции.

После Поворина поворачиваем к Сталинграду. Утром 17 августа выгружаемся на каком-то маленьком полустанке. Впереди станция Логовская. Там стоит около десятка воинских эшелонов. Позади — еще больше.

В излучине Дона идут жаркие бои. Южнее Клетской гитлеровцы прорвали оборону 4-й танковой армии и вышли к реке Дон. Вражеские разведывательные группы появились на восточном берегу реки.

На марше получаем боевую задачу: сбить фашистскую разведку, выйти к Дону, занять переправы. Наша дивизия входит в состав 1-й гвардейской армии.

Майор Попов с разведчиками выезжает на рекогносцировку местности. Мы с начальником штаба Мартыновым ведем дивизион по указанному маршруту. Для нас здесь все внове. Кругом широкая степь, видимость на десятки километров. В воздухе одна за другой появляются небольшие группы вражеских бомбардировщиков. Бомбят станции, полустанки, линию железной дороги.

— Ох, видимость, будь она неладна! — сокрушается Алексей Мартынов. — Едешь по степи, и кажется, что тебя со всех концов земли видно.

Дивизион растянулся на несколько километров. Едем рысью, орудие от орудия в полукилометре. Попробуй-ка сейчас охватить всех, довести боевую задачу до каждого бойца.

Мчусь вперед, к маленькой полевой будке. Здесь поворот дороги к линии фронта. Пропуская орудия, я смогу хоть одну-две минуты поговорить с бойцами, рассказать им хотя бы главное из поставленной боевой задачи.

Возле будки стоит командующий артиллерией дивизии полковник Баринов.

— Где Попов? — спрашивает он.

— Выехал выбрать огневые позиции и наблюдательные пункты. Командиры батарей тоже там.

— Срочно пошлите за ним. Получена новая задача.

Баринов достает из планшетки карту, развертывает ее.

— Вот хутор Вилтов. Сосредоточиться там, недалеко от переправы у станицы Ново-Григорьевской. Задача: не допустить гитлеровцев к переправе.

— Ясно!

Пропускаю орудие за орудием, поворачиваю их на Вилтов, объясняю новую задачу. Мартынов ускакал вперед для выбора огневых позиций.

К рассвету добрались до Вилтова. С окрестных бугров хорошо видны противоположный берег Дона, станица Ново-Григорьевская и холмы за ней. На холмах — вспышки выстрелов, большие клубы дыма. Над ними висят фашистские бомбардировщики. Там идет бой. Но он далеко от нас. Выстрелы орудий, разрывы бомб и снарядов долетают сюда глухо и урчаще. Этот бой длился до двух часов дня. К вечеру на холмах все затихло.

Несколько позднее стало известно, что немного раньше нас на станции Лог выгрузились части 40-й гвардейской дивизии. Гитлеровские войска уже подходили к Ново-

Григорьевской, когда это соединение начало переправу через Дон. Гвардейцы дружно ударили и отогнали врага на добрый десяток километров. Дивизия сделала большое дело: удержала переправу через Дон у Ново-Григорьевской. Туда были переправлены еще несколько дивизий. На правом берегу реки образовался большой плацдарм. На левом фланге наши войска были возле станицы Сиротинская, на правом — у Клетской.

А мы еще несколько ночей бродим по степи. Поддерживаемый нами 11-й стрелковый полк каждую ночь отправляется в новый район, где гитлеровцы начали переправляться через Дон. Тянемся за пехотинцами. Задача дивизиона — не дать противнику наладить переправу, а если он построил ее, разрушить.

Наконец обосновались. Район обороны — Белужино-Колдоиров — устье реки Иловля. Огневые позиции дивизиона в голой степи.

Своеобразная эта степь — цепь маленьких бугров, поросших невысокой, жесткой травой. Часто встречаются пески. Жесткую траву используем для маскировки огневых позиций. Над каждым орудием появились маскировочные сетки, утыканные этой травой.

Фашистская артиллерия обстреливает весь район наших позиций, пытается нащупать наши батареи. Но степь широка, мы замаскировались хорошо, днем хождения нет. Огонь ведем лишь ночью из кочующих орудий.

С рассветом появляется «рама» — двухфюзеляжный «Фокке-Вульф-189», методично обследует весь район. Разведчику удалось обнаружить огневую позицию 5-й батареи. Не успела «рама» улететь, над батареей повисло 9 бомбардировщиков Ю-87. Однако сброшенные ими бомбы не взорвались.

— Получили подарок от наших зарубежных друзей, — сообщил по телефону Алексеев. — В районе огневой валяются девятнадцать неразорвавшихся бомб.

Он имел в виду те случаи, когда рабочие фашистских заводов вместо взрывчатки начиняли снаряды и бомбы песком. Еще на Волховском фронте мы были свидетелями такого рода случая.

Но огневую позицию батареи мы все же сменили. На друзей надейся, однако и сам не плошай.

Вскоре на неприятельской стороне началось оживленное движение. Гитлеровское командование, видимо, под-

тягивает сюда новые части не то для усиления обороны, не то для будущего наступления. А может, просто демонстрация, уж очень открыто все делают. Часто проносятся автомашины с прицепленными к ним орудиями, движутся повозки. Вот из хутора Хмелевской медленно выполз большой обоз. Насчитали 50 повозок. В стереотрубу хорошо видны солдаты-повозочные, развалившиеся в ленивых позах.

— Как у себя дома! — зло заметил Попов. — Ну, я сейчас устрою им баню. Это ведь не Ольховка...

Пятнадцать минут дивизион ведет сосредоточенный огонь. Весь обоз сразу же затянуло дымом. Видны частые вспышки разрывов. Когда дым рассеялся, подсчитали разбитые повозки — 49. Потом увидели пятидесятую — нахлестывая лошадей, гитлеровец старается удрать в ближайшую балку. Борис Васильевич хохочет:

— Вот я подхлестну немного...

У самой балки снаряд настигает и эту повозку.

На другой день у хутора Репин появляются три автомашины с орудиями. Гитлеровцы, как на учении, занимают огневую позицию. Дивизион ударил по ним. Две автомашины с орудиями разбиты. Третья на полном ходу повернула вспять.

Работники политотдела нашей дивизии побывали в Сталинграде. Они рассказали, что фашистское командование бросает на город все новые и новые силы, что повсюду полыхают пожары, но защитники волжской твердыни отбивают все атаки гитлеровцев.

Наша оборона на этом участке фронта была активной. Говоря иными словами, мы все время вели наступательные бои, стремясь выбить неприятеля из главного опорного пункта их обороны — станицы Сиротинской или, на худой конец, блокировать его.

Противник придавал большое значение этому узлу обороны по двум причинам. Во-первых, ведя наступление из Сиротинской, гитлеровцам легче всего было ликвидировать наш плацдарм между Сиротинской и Клетской, мешавший армии Паулюса, которая рвалась на Сталинград. Во-вторых, Сиротинский узел обороны прикрывал тылы паулюсовской армии. Фашисты хорошо понимали, что с потерей этой станицы их войска оказались

бы под тяжелым фланговым ударом. Поэтому они держали здесь значительные силы.

Бои шли непрерывно. Их называли «боями местного значения», хотя они по своему характеру и выходили за рамки этого определения. Нам нужно было не только удержать плацдарм на правобережье Дона, но и расширить его.

В начале сентября 1942 года стрелковые полки нашей дивизии переправились на правый берег Дона, захватили плацдарм в районе хуторов Репин — Зимовской. Здесь развернулись упорные бои. Группе воинов из 8-го гвардейского полка, возглавляемой лейтенантом Кащеем, удалось ворваться на высоту 213,4. Завязалась рукопашная схватка. Гитлеровцы не выдержали удара гвардейцев и поспешно бежали, оставив несколько убитых. Группа Кащея потеряла четырех бойцов.

На высоте была построена круговая оборона. Красноармейцы быстро приспособили ее, расставили пулеметы — два своих и два брошенных гитлеровцами.

Зная, что на высоте закрепилось всего лишь 13 человек, гитлеровцы силами до 30 автоматчиков вскоре перешли в контратаку. Наши подпустили их на близкое расстояние, потом ударили из пулеметов. Фашисты сразу же откатились, оставив больше десятка убитых.

Два дня удерживала высоту группа Кащея, а на третий гитлеровцы бросили против нее около двухсот солдат. Стойко дрались советские воины, но их становилось все меньше и меньше. Еще три бойца погибли и один был тяжело ранен. Да и остальные получили легкие ранения. Только один Кащей был как бы заговоренным, хотя и находился в самых опасных местах.

Отбить последнюю атаку было трудно. Кащей, Сороков, Мухомеджанов все время вели огонь из пулеметов. Неоднократно пытались гитлеровцы подползти к позициям смельчаков, но всякий раз откатывались.

Атаки прекратились только под вечер. Лейтенант подсчитал, что за три дня они уничтожили 123 гитлеровца.

Сороков и Мухомеджанов проверили свои ресурсы. Два пулемета вышли из строя, патронов осталось только по пятьдесят штук на пулемет. И совсем не было хлеба.

— Плохо дело. Завтра отбиваться нечем, — заключил Кащей. — И все же попробуем еще подержаться. Может, ночью придет подмога?

Но полк ночью уходил обратно на левый берег. Командир полка приказал и группе Кащея вернуться на старые позиции. Политотдел дивизии организовал выступления лейтенанта и его товарищей во всех полках дивизии. Ребята, смущаясь и краснея, рассказывали об этом бое, как о самом обычном. «Нужно было, вот и дрались. На нашем месте каждый воевал бы так же».

Несколько позже за высоту 169,8 разгорелся упорный бой. В течение дня несколько раз переходила она из рук в руки. Артиллеристам трудно было вести огонь — не всегда знали, кто в данный момент находится на высоте — свои или враг. Чтобы избежать ошибки, только что назначенный начальником разведки 3-го дивизиона старший лейтенант Игнатьев с двумя разведчиками пошел в атаку вместе с первой цепью пехоты.

Гитлеровцев выбили с высоты. Артиллеристы приняли участие в бою и собственными силами овладели наблюдательным пунктом врага.

— Нахожусь на немецком наблюдательном пункте,— радировал Игнатьев. — Овладев высотой, наша пехота заняла оборону. Фашисты начинают контратаку. Передаю данные для ведения огня...

На этом прервалась его речь — на высоту обрушился ливень вражеских мин и снарядов. С нашего НП было хорошо видно, как из дыма выскакивали группы бойцов и отходили к реке.

— Наша пехота отходит, — крикнул Борис Васильевич. — Надо помочь.

Левее нас заухали пушки 3-го дивизиона. Открыли заградительный огонь и мы, пытаясь отсечь от высоты неприятельскую пехоту.

Радисты все время вызывали Игнатьева, но он молчал. Прошло около получаса. И вот в эфире снова голос Игнатьева:

— Был налет немецкой артиллерии. Блиндаж почти разрушен. Нас оглушило и засыпало землей. Кругом фашисты. Нельзя даже выглянуть из блиндажа. Вызываю огонь на себя. Передаю данные...

3-й дивизион выполнил последнюю просьбу старшего лейтенанта Игнатьева.

Мы с Поповым тоже слышали эту последнюю просьбу Игнатьева. Он был дорог нам еще по тем дням, когда в самых трудных условиях выводил свою команду из «Долины смерти». Наши радисты долго работали на волне рации Игнатьева — все еще ждали, что вот-вот отзовется. Но ответа не было. Борис Васильевич снял с головы фуражку.

— Хороший был командир, — тихо произнес он.

Я отвернулся. К горлу подступил тяжелый ком...

Разведчики дивизии и стрелковых полков несколько раз переправлялись через Дон за «языком», но каждый раз возвращались ни с чем. А «язык» был очень нужен. После боев в начале сентября гитлеровцы не только усилили оборонительные сооружения, но и подтянули новые части. Наблюдение за системой обороны врага затруднялось высоким противоположным берегом Дона.

И вот наше командование решило послать разведчиков-артиллеристов, чтобы разведать огневые точки в глубине обороны противника, нанести их на карту, а если будет возможность, прихватить и «языка». Подполковник Квак поручил нам подобрать добровольцев. От управления дивизиона вызвались пойти старший сержант Дубина, бойцы Матвиевский, Трифонов. Из полковой разведки пришел с тремя красноармейцами сержант Кравченко. Возглавил группу начальник разведки дивизиона лейтенант Шота Чрелашвили. Афанасия Дубину назначили помощником.

Когда группа была подобрана, ко мне пришел замполитрука Женя Кабачков. Он был совсем еще молоденьким, прибыл в дивизион в июне 1942 года. Всегда веселый, готовый оказать каждому услугу, Женя скоро стал общим любимцем. Частенько я называл его сынком. В ответ на это он стал звать меня отцом.

— Это что же получается, отец? В обычной обстановке я сын, а как серьезное задание, так в сторону? — взволнованно спросил меня Кабачков. — Что скажут бойцы? Мол, комиссар своего сына жалеет, не хочет посылать в разведку. Так не пойдет. Пишите и меня.

— Ты, Женя, в боях еще не был, — говорю ему. — В разведку идут опытные воины, как Афанасий Дубина или Володя Кравченко. Они с первого дня на передовой, повадки врага хорошо знают. А ты?

— Я не испугаюсь фашистов. Придется встретиться — буду драться не хуже остальных, — отвечает Женя.

— Пусть идет. Парень он смелый, — вмешался майор Попов. — Пусть учится быть настоящим разведчиком.

Пришлось согласиться.

Два дня группа Чрелашвили изучала обстановку. Было подобрано место, где высадиться на противоположной стороне, разработан детальный план поиска в тылу противника, намечен маршрут возвращения.

На третью ночь дивизионные саперы переправили разведчиков через Дон. Всю ночь мы дежурили на НП, внимательно следили за обороной гитлеровцев. Утром облегченно вздохнули: на той стороне тихо — значит, прошли наши ребята.

Хотя условились, что разведчики вернутся через два дня, на следующую ночь опять дежурим на НП. Попов сам ведет наблюдение за обороной немцев. Я знаю: Борис Васильевич не простит себе, если с разведчиками что-нибудь случится, а он в этот момент не окажет им помощи огнем дивизиона. Я же просто не мог уснуть. Какой уж тут сон, когда в тыл врага ушли двенадцать наших ребят.

Вернулись они под утро 17 сентября. Принесли тяжело раненного Трифонова.

— А Женя? — Вопрос вырвался у меня, как рыдание. Я уже понял, что моего парня нет и не будет.

Чрелашвили что-то глухо ответил. Афанасий Дубина только растерянно махнул рукой.

Константин Андреевич Трифонов ранен в грудь. Лежит без сознания. Прибыл он в наш дивизион в июне сорок второго. Кратко рассказал о себе. Ленинградец, рождения 1916 года. Отец — партизан, погиб в гражданскую войну. Сам — дитя улицы... Началась война, попросился на фронт.

— Хочу быть честным советским гражданином и защищать свою Родину от фашистских захватчиков, — закончил он рассказ.

Мы определили Трифонова, по его просьбе, в разведку. И он оправдал наши надежды — учился сложному делу разведчика-наблюдателя серьезно, вел себя дисциплинированно.

Пока готовят повозку для отправки Трифонова в медсанбат, пишу ходатайство о снятии с него судимости и кладу в изголовье вместе с документами.

Рассказ разведчиков о действиях в тылу противника

был немногословен. Тогда, подавленный гибелью Жени, я ничего не мог записать. О подробностях узнал лишь много лет спустя от Афанасия Дубины и Владимира Кравченко, навестивших меня в день 25-летия советской гвардии.

В первую ночь разведчики удачно преодолели передний край и к утру вышли в намеченное место. Здесь они замаскировались и весь день изучали вражескую оборону, особенно артиллерийские и минометные позиции. На следующую ночь перебрались на другой участок. И опять весь день терпеливое изучение обороны противника. Был намечен и блиндаж, из которого разведчики решили добыть «языка».

Наступила третья ночь. Бойцы двинулись к блиндажу. Впереди шел Женя. Они были уже близко от цели, когда под его ногами раздался взрыв. Видимо, все подступы были заминированы. Разведчика отбросило в сторону и ранило.

Из блиндажа выскочили гитлеровцы и открыли автоматный огонь. Кабачков крикнул:

— Отходите! Я прикрою.

Отстреливаясь, разведчики начали отходить. Трифонов решил все же вытащить Женю. Он пополз к месту, где, по его предположению, лежал Кабачков. В этот момент Женя уже не стрелял, и немцы подобрались к нему. Оставшуюся гранату он взорвал у себя в руках. Трифонов открыл огонь из автомата, потом подполз к месту, где лежал Женя, попытался вытащить убитого товарища, но был ранен.

Афанасий Дубина каким-то чутьем угадал место, где находился Трифонов, подобрался к нему. Тот был без сознания. Дубина взвалил его на спину и потащил к своим. Старшему сержанту повезло — несмотря на сильный огонь фашистов, ни одна пуля не задела его.

Вся оборона врага на этом участке пришла в движение. Но разведчики все же сумели скрыться в глубокой балке. Гитлеровцы не стали преследовать их. Очевидно, они решили, что ночью группа не будет переправляться через Дон, а днем они сумеют всех выловить.

— Что будем делать дальше? — спросил своего помощника Чрелашвили. — «Язык»-то сорвался. Может, попытаем в другом месте?

— Вряд ли сумеем. Фашисты сейчас насторожены.

Надо уходить к своим. У нас есть данные о вражеской обороне.

Под утро разведчики вышли на условленное место. Дубина ракетой вызвал лодку.

— Хуже всего было ожидание этой лодки, — сказал Афанасий Тимофеевич. — Сидим под обрывом, а наверху немцы. Чуть запоздай лодка — трудно сказать, что было бы...

Во время оборонительных боев очень надоедала нам проклятая «рама». Этот самолет-разведчик частенько сбрасывал на наши позиции небольшие бомбы. Так, 31 августа «рама» обнаружила наблюдательный пункт 3-го дивизиона и бомбила его. В результате погиб командир дивизиона майор А. М. Куликов.

С Александром Михайловичем Куликовым нас связывала большая фронтовая дружба. Саша был грамотным и умным артиллерийским командиром. Бойцы нашего полка любили его. Не верилось, что он погиб.

На следующий день мы похоронили А. М. Куликова. В отместку за него открыли шквальный огонь по противнику.

...В дни обороны шла напряженная учеба. Орудийные расчеты тренировались в отражении танковых атак. Командиры учились вести точный огонь. Подполковник Квак использовал каждую свободную минуту для обучения командиров дивизионов решению задач при полной подготовке исходных данных, а нас, комиссаров, — по подготовке данных глазомерным и сокращенным способом. Мы изрядно попотели, но готовить данные научились.

Командование дивизии частенько устраивало нам проверки с боевой стрельбой по противнику. Особенно частым гостем был полковник Баринов.

Тщательно замаскированный наблюдательный пункт дивизиона находился на вершине песчаного холма. НП оборудовали по всем правилам. По совету Бориса Васильевича я занялся рисованием. Корпел целую неделю, зато на стенке, возле стереотрубы, появилась сносная панорама обороны противника.

Научились делать и жилище. Помню, под Степкиным, когда я пришел в дивизион, мы с капитаном Ва-

сильевым довольствовались самым примитивным блиндажиком, лишь бы было где вздремнуть после боя. Попов относился к устройству жилища иначе. Блиндаж был просторным, стены сплетены из ивовых прутьев и обтянуты попонами. Синий цвет попон придавал нашему жилью некоторый комфорт. Большой стол и койки по краям. В хороших блиндажах жили и наши разведчики.

— Хорошо устроились, — улыбался полковник Баринов. — Хвалю. Если так же умело можете вести огонь, то...

В одно из таких посещений командующего артиллерией разведчики доложили, что на дороге, ведущей из Сиротинской в Хмелевскую, появилась вражеская легковая машина. Попов сразу же к полковнику:

— Разрешите накрыть?

— Что ж, покажи свое уменье.

Дорога была пристреляна с большой точностью. Майор подал команду на 5-ю батарею. Через полминуты батарейцы ответили:

— К открытию огня готовы.

Попов следит за машиной, тихо говорит, словно подталкивает ее к намеченному рубежу:

— Еще немножко, еще... — И резко: — Огонь!

От машины остались только обломки...

Не забыл нас и командир дивизии генерал-майор Г. П. Лиленков. Приехал он в сопровождении адъютанта. Высокий, широкоплечий, подтянутый, лицо простое, открытое, — всем этим новый комдив невольно располагал к себе.

Лиленков не стал проверять уменье Попова (видимо, полковник Баринов рассказал ему о стрельбе по автомашине), а сразу же пошел на НП командира 4-й батареи.

Коваль стрелял не хуже майора Попова. И тот и другой обладали точным глазомером, подготовка исходных данных к стрельбе проходила у них как-то молниеносно. Весь сложный расчет исходных данных Попов делал в уме, держал в памяти все цифры. Коваль же был несколько методичнее: если позволяло время, он проверял все расчеты на бумаге.

В батарее А. М. Коваля поддерживался образцовый порядок. Даже политрук Копылов прошел боевую школу командира орудия, что, разумеется, было на пользу батарейцам.

Но к удобствам жизни на НП Александр Моисеевич относился как-то безразлично. Попов частенько делал ему замечания. Приходилось вмешиваться и мне, воздействовать на Коваля через Копылова.

Наблюдательный пункт 4-й батареи маленький. Комбат сидит там сгорбившись. Массивная фигура генерала еле втискивается в окоп. Мы остаемся в траншее.

Слышим голос Лиленкова:

— Неужели не смог сделать НП поудобнее? Не повернешься.

— Для меня одного и этот хорош. На вас не рассчитывал, — спокойно отвечает Коваль.

— Виноват. — Лиленков сразу же понял намек. — Почти забыл артиллеристов. Но вот пришел. Показывай фашистскую оборону, объясняй.

С помощью стереотрубы Коваль показывает весь сектор, объясняет, где у врага блиндажи, огневые точки, называет данные пристрелки.

Лиленков:

— Вот этот блиндажик. Я его знаю. Виден с нашего НП. Порази.

Коваль:

— Сколько снарядов разрешите израсходовать?

Лиленков:

— Сколько положено.

Коваль:

— Это много. Хватит трех.

— Стреляй.

Коваль передал команду на огневую позицию батареи. Стреляет первое орудие. У панорамы стоит Голубитченко, один из лучших наводчиков.

— Огонь!

Мы смотрим в бинокли, хорошо видим вражеский блиндажик. Всплеск разрыва. Как будто не особенно сильный. Но вверх летят короткие бревна.

Лиленков:

— Ну, молодец! Теперь ударь вон по тому зданию. Там частенько гитлеровцы появляются. Сколько снарядов? — В голосе генерала послышалась ехидца.

— Трех достаточно. Хотя здание и не в моем секторе, но я пристрелял и его. На всякий случай.

— Что ж, проверим...

Коваль командует. Первый снаряд разорвался чуть

ближе здания. Второй выстрел. Снаряд угодил в крышу. Вспыхнул огонь.

Лиленков вылез из окопа, отряхнул песок.

— Хвалю! А НП все же сделай более удобным. В следующий раз взыщу. — Он повернулся ко мне: — Ты, комиссар, сам займись этим. — И к Попову: — Вот если бы все командиры батарей были такими. А то...

Я знаю, на что намекает генерал. На днях он проверял 7-ю и 8-ю батареи. Одна из них выпустила пятнадцать снарядов, и ни один не попал в цель.

— А как остальные? Тоже мастера? — спросил Лиленков.

— Нет, товарищ генерал, — откровенно ответил Борис Васильевич. — Коваль есть Коваль. Но Прохоров и Кривенко тоже неплохие командиры. Умеют вести огонь.

— Посмотрим...

Командиры 5-й и 6-й батарей прошли генеральскую проверку вполне удовлетворительно.

Пока находились в обороне, широко развернули политическую работу. Ежедневно проводили политинформации, беседы, читки газет, выпускали боевые листки. Даже прочитали вслух пьесу А. Корнейчука «Фронт». Всем понравилась. «Словно бы с нас списано», — говорили многие.

Широкий размах приняло в те дни снайперское движение. Политотдел дивизии провел слет «охотников». Это всколыхнуло всех бойцов, особенно комсомольцев. Если в августе насчитывалось 70 «охотников», то к концу октября их стало 259. У зачинателей этого движения был уже солидный счет: комсомолец Виктор Костюков уничтожил 150 гитлеровцев, комсомолец Ершов — 120, лейтенант Едемский — 99.

В батареях были созданы также группы истребителей вражеских танков, тоже главным образом из комсомольцев. Каждую свободную минуту воины тренировались в умении подбивать танки гранатами.

...Все чаще и чаще бойцы задают вопрос: «Когда же мы начнем? Пора!»

В полк зачастили представители вышестоящих штабов и политорганов. Борис Васильевич долго беседует с пожилым подполковником, представителем командующего

артиллерией Красной Армии, — разбирают артиллерийскую тактику в наступательном бою.

Попов давно уже недоволен тем, как используется наша артиллерия общевойсковыми командирами. Он считал, что артиллерия должна сосредоточиваться на направлении главного удара и управляться большими военачальниками.

По просьбе подполковника Борис Васильевич излагает свои предложения. Пишет и весело подмигивает мне:

— Чуешь, комиссар, чем пахнет? Скоро, скоро...

ЭТОТ ДЕНЬ БУДЕТ НАШИМ ПРАЗДНИКОМ

Падает снег. Здесь это первый снег, и, похоже, ранний. Утром 7 ноября дивизион выступил по маршруту Ново-Григорьевская — Перекопская. В Ново-Григорьевской остановка. После обеда собираю управленцев.

— Друзья, — говорю им, — сегодня мы отмечаем двадцать пятую годовщину Великого Октября. Вчера в Москве состоялось торжественное собрание, а сегодня на Красной площади — парад войск. Наш переход на правобережье Дона, на плацдарм, с которого будет нанесен удар по врагу, — тоже своего рода смотр готовности к наступательным боям. А они скоро начнутся.

Майор Попов смотрит на карту нового района нашего сосредоточения.

— Есть такая мысль, — говорит он. — Двинуться напрямик. Если ехать дорогой на Перекопскую возле самого Дона, до места к утру не попадем. Если же напрямик — чуть свет будем там. Но эта дорога ближе к переднему краю. И все же я за короткую.

Я тоже «за».

Темная ночь. Ни впереди, ни справа, ни слева от нас никого нет. Дорога едва угадывается. Прошли около десяти километров. Возле нас неслышно вырастают два бойца. Тихо спрашивают:

— Кто идет?

— Свои, — так же тихо отвечает Попов. — А вы кто такие?

— Мы? — В голосе бойца недоумение и удивление. — Мы вроде бы в секрете. Впереди передовой.

— Вот это да! — в свою очередь удивляется Попов. — Выходит, мы шли перед самым передним краем?

— Днем здесь не ходят. Дорога под непрерывным обстрелом. А ночью немцы не стреляют.

Что ж, нам повезло, проскочили под носом у врага.

Утром прибыли в Перекопскую. Все последующие дни были заняты оборудованием огневых позиций и наблюдательных пунктов в прибрежном лесу, недалеко от станицы Мело-Клетской. Каждую ночь к переднему краю прибывают новые части.

Вечером 17 ноября на огневой позиции 4-й батареи собираю командиров орудий и наводчиков. Большинство из них — агитаторы в орудийных расчетах. В просторном блиндаже Копылова тесно. Все курят. Самодельная лампа-«молния», сделанная из снарядной гильзы, то совсем почти затухает, то вспыхивает длинными язычками и неимоверно чадит.

Едва ли не все собравшиеся знакомы мне еще по Волховскому фронту. Невольно сравниваю. Как будто все те же люди и в то же время совсем другие. Возмужали, выросло их боевое мастерство, умение воевать.

— Вы читали доклад Сталина, — начал я беседу, — и хорошо поняли смысл слов «будет и на нашей улице праздник». Это главное. Надеюсь, не ускользнуло от вас и то, что здесь сосредоточиваются наши войска. В Сталинграде сейчас самые трудные дни. Гитлеровцы все еще надеются взять город.

— Этого не будет!

— Нет, не будет, — соглашаюсь с возражением. — В скором времени мы нанесем отсюда удар по врагу. Каков будет этот удар, зависит от нас. Если сильным, то не видать фашистам города как своих ушей.

— Вот если бы наши союзники были поактивнее, — заметил Золотарев. Отличившись на прямой наводке во время боев под Грузино, бравый наводчик 5-й батареи стал командиром орудия. Золотарев — отличный агитатор. Его агитационную работу неоднократно отмечала наша дивизионная газета «Боевой товарищ».

— А что союзники? — спросил флегматичный Семенов, командир первого орудия 5-й батареи. Внешне он ничем не примечателен, но в бою храбр, умеет вести точный огонь. — Кормят нас обещаниями...

— Не совсем так, — возразил Вася Голубитченко — наводчик орудия, агитатор и комсорг батареи. Порывшись в сумке, он достал вырезку из газеты. — В Африке англичане...

— Чего на них надеяться? — прервал его наводчик орудия Семенова Миша Дорфман. — Самим пора. Мы с Петром Егоровичем так решили: будет здесь наступление, попросим, чтобы нашу пушку на прямую наводку поставили. Фашистский танк я изучил, знаю, куда его бить, а вот по-настоящему еще не пробовал. Хочется увидеть, как горят эти хваленые машины.

— Ну, ну, — засмеялся Голубитченко. — Мы тоже хотим полюбоваться этим зрелищем...

В те дни был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации института комиссаров и о введении полного единоначалия. Комиссары стали заместителями командиров по политической части. Пришел приказ о присвоении политработникам новых воинских званий.

Значило ли это, что нужно перестраиваться в работе? Пожалуй, нет. Уже давно, еще при капитане Васильеве, а особенно при майоре Попове, я привык не противопоставлять себя командиру. Везде и всюду старался вести дело так, чтобы личный состав дивизиона видел в командире единоначальника. С майором Поповым мы стали друзьями. И комиссаров батарей я нацеливал на то же самое. Примером тому может служить Федор Копылов. Под Тихвином он командовал орудием, потом вырос до комиссара батареи. Будучи равным по должности со своим прежним командиром, он ни разу не противопоставил себя Ковалю. Копылов стал настоящим помощником командира. Новая должность заставила его еще больше учиться трудному делу политического воспитания воинов.

Не совсем нормальные отношения сложились у командования 5-й батареи. Старший лейтенант П. Г. Прохоров, еще молодой человек, недавно принявший подразделение от Василя Запарованного, прилагал все свои усилия и знания к тому, чтобы батарея была на хорошем счету. Майор Попов держал 5-ю батарею под особым контролем. «Из Павла вырастет отличный комбат, — говорил он. — Ему бы чуть побольше знаний артиллерийской теории стрельб... Ну, да я научу его».

После Г. Ф. Алексеева, любимца всей батареи, новому замполиту Харитону Литвинову было трудно войти в жизнь батарейцев. Ему следовало бы взять Алексеева за образец в своей работе, но, к сожалению, он не сделал этого. Моя попытка повлиять на него не дала ощутимых результатов, но я не оставляю надежды на успех.

Подготовка к наступлению заканчивается. Два дивизиона нашей части составляют отдельную группу поддержки 484-го стрелкового полка 321-й дивизии. Командует группой майор И. И. Писанко.

Писанко — самый неугомонный человек из командного состава. Пока он был заместителем командира полка по материальному обеспечению, ничем особым не проявил себя. Но на строевой работе талант его как командира и воспитателя стал расцветать. Требовательный к другим, он был еще более требователен к себе. Любил щеголевато одеться. Вот и сейчас пришел к нам на КП в ладно сшитой «венгерке», в хромовых, начищенных до блеска сапогах.

— Как дела, Попов?

Борис Васильевич доложил:

— Все готово. Ждем сигнала.

Ночь на 19 ноября выдалась тихой. Бойцы спят. Им надо набраться сил. Завтра будет горячий день. Не спят лишь командиры и политработники. Они в последний раз проверяют готовность к бою. В маленьком блиндажике НП дивизиона густо накурено. Борис Васильевич тянет папироску за папироской. Свернет толстую цигарку из махорки, затянется несколько раз, скомкает ее, бросит, а через минуту снова свертывает. На его коленях лежит огневой планшет. Здесь все расписано по минутам, куда какой огонь дать завтра.

Над блиндажом изредка повизгивают, рикошетя, пули. Сижу в уголке, прямо на полу, прислушиваюсь к разговору.

— Вот твой объект, Коваль, — слышу хрипловатый голос Бориса Васильевича. — Следи за «большим дзотом». В нем, по данным разведки, два пулемета.

— Ясно. — Голос у Коваля, как всегда, спокойный и размеренный. — Постараюсь накрыть первым же залпом.

— Тебе, Прохоров, в первую очередь придется обратить внимание на вражеский НП. Есть сведения, что наблюдательный пункт сильно укреплен.

— Постараюсь.

— Не забывай пушку Дандина на прямой наводке. Связь с ней установлена?

— Есть связь, — докладываю я. — Недавно говорил с Дандиным. Окопались они хорошо, метрах в трехстах от переднего края противника.

— Замполит, — в голосе Бориса Васильевича слышатся теплые нотки, — не забудь во время боя о питании. А то опять увлечешься боем, как под Грузино, полезешь на самую передовую. Там и без тебя справятся.

Ну, думаю, сейчас и о снарядах напомнит. Так же как и под Грузино.

— И насчет снарядов тоже... Чтоб не было заминки с доставкой.

Борис Васильевич прав. В ходе боя ему не до того будет.

— Когда дам приказ о смене огневых позиций, — продолжает Попов, — позаботься о точном исполнении...

Год назад я долго думал о месте комиссара в бою. Трудно тогда было решить эту задачу. Мне даже казалось, что комиссару дивизиона в бою и делать-то нечего. Стремился быть на НП вместе с командиром дивизиона. Борис Васильевич доказал, что на НП мне действительно нечего делать. Быть надо везде. И помнить обо всем. В бою командир помнит прежде всего о боевой задаче. Его ум напряженно ищет лучших путей для ее успешного выполнения. Надо быстро схватывать все изменения в ходе боя, принять заявки пехоты на подавление огня противника, рассчитать, как быстрее и с наименьшей затратой снарядов удовлетворить эти заявки. И следить за противником. Хорошее дело — отвечать на заявки пехоты, но еще лучше, когда, не дожидаясь заявок, артиллерийский командир предугадывает их. А потом — танки противника. Фашисты обязательно будут контратаковать нас. Попов и Писанко были на совещании у командира 321-й дивизии генерала А. И. Макаренко; там говорилось, что в нашем районе сосредоточивается 14-я танковая дивизия неприятеля. В районе Ореховской уже замечено до 40 танков, а в Логовском что-то около 30.

А у замполита свои дела. Он обязан не только подготовить бойцов к бою, добиться высокого наступательного порыва, но и проследить за выполнением всех приказов командира, за полной обеспеченностью боя, а также за своевременной эвакуацией раненых.

...6 часов утра. Кругом густой туман. В пятидесяти метрах уже ничего не видно. Для нас, артиллеристов, это хуже всего: «не вижу — не стреляю». А что увидишь в таком тумане?

7.30. Залп «катюш». Их огневые позиции рядом с нашими. Сплошной гул. Блиндаж дрожит. Гул канонады все ширится и ширится. Особенно он силен в районе Клетской, правее нас. По всей вероятности, главный удар наносится там.

Связь работает безупречно. Проведено несколько линий, связисты подготовлены хорошо. В этом большая заслуга начальника связи дивизиона старшего лейтенанта Олепюка Пантелея Илларионовича.

Проходит полчаса. Темп артиллерийского огня все усиливается. Невольно вспомнились строчки из стихотворения М. Ю. Лермонтова:

И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Снова бьют «катюши». Сначала те, что стоят рядом с нашими огневыми позициями, потом правее нас, из-за реки. И вдруг... тишина. Какой странной показалась эта минута тишины в самый разгар артиллерийской канонады!

Оккупанты ведут ответный огонь. Вот раздаются сиплые лающие звуки шестиствольных минометов.

Попов разговаривает с Писанко.

— Надо засечь эти шестистволки. Бьют по моему НП.

Снова залпы наших орудий. Правее нас канонада достигла своего апогея. В басовитый разговор артиллерии вмешиваются пулеметы. Сначала наши, потом вражеские.

Попов говорит Прохорову:

— Павел, ударь хорошенько туда, где немецкие пулеметы. Скоро пойдет наша пехота.

— Туман. Ни черта не видно, — отвечает Прохоров, — ориентируюсь только по вспышкам выстрелов.

— У меня та же картина, — докладывает Коваль. — Мой разведчик Гузеев впереди пехоты, но и он ничего не видит.

Сейчас трудно вести прицельный огонь. Весь передний край противника затянут облаками дыма и тумана. Вспышки разрывов в этом белом месиве чуть заметны. Однако еще не все огневые точки противника подавлены. Особенно свирепо огрызается «большой дзот» на высоте.

Попов передает Дандину:

— Дружок, заводи свою музыку. Пора.

Тяжелый залп. Скрежещущий звук этого залпа заставил нас вздрогнуть. И сразу же команда Попова:

— Следить за противником! Пехота пошла в атаку.

Проходит еще с полчаса. Теперь наши орудия бьют реже. Командиры батарей внимательно следят за продвижением пехоты, за поведением противника.

Батареи снова работают на пределе. Минут через десять Прохоров докладывает:

— Дандин разбил «большой дзот». Но пушка вышла из строя. Полетела полуавтоматика.

Заболотнов берет свою сумку с инструментами.

— Так я пошел... Налажу.

Киваю ему головой.

И снова Прохоров. Жалуется Попову:

— Вот... То перелет, то недолет. Какое-то заколдованное это НП. Не знаю, как бить.

— Бей на одном прицеле. Попадешь.

Опять спрашивает Писанко:

— Как пехота?

Коваль:

— Прошла первую траншею. Фашисты готовятся к контратаке. Вижу группу, человек около пятидесяти.

— Ударь по ней.

— Сейчас...

Враг нащупал огневые позиции наших батарей. Его пушки пытаются помешать нам вести огонь. Но бьют они неточно. В ста метрах от огневых изредка вспыхивают разрывы: гэп... гэп...

Снова докладывает Коваль:

— Подбит один танк. Но пехота дальше не продвигается. Залегла у танка.

Попов вызывает командира батальона:

— Слушай, все сбились в кучу у танка и лежат... — Следуют крепкие слова. Потом Попов говорит Ковалю: — Саша, ударь еще разок. Пусть перед «карандашами» все время будет огонь. Пойдут.

Наконец по-настоящему рассвело. Почти рассеялся и туман. Появились наши самолеты. Стою на горке, рядом с наблюдательным пунктом, наблюдаю за ходом боя. Группы Ил-2 врываются на передний край, летают над самой землей, бьют по фашистам из пулеметов, пушек и эрэсов.

Наша пехота снова поднимается в атаку...

Лейтенант Чрелашвили и старший сержант Дубина шли вместе с командиром передовой роты. За ними Торопов, Омельченко и Просветов тянули линию связи — огонь дивизиона может потребоваться в любой момент.

Пройдя первую линию вражеских окопов, связисты попали под минометный обстрел. Пока выбирались из-под огня, Торопов не заметил, как оторвались от своих.

— Нужно догонять, — сказал он бойцам. — Давайте бегом. — Но связисты взяли неточное направление и уклонились вправо. Здесь нашей пехоты не было. Град пуль заставил их залечь.

— Откуда они, сволочи?

— Правее нас окоп. Бьют оттуда, — сообщил Просветов.

— Атакуем? — предложил Омельченко и, не дожидаясь ответа товарищей, пополз вперед. За ним — Просветов. Торопов попытался вызвать НП дивизиона.

Омельченко и Просветов быстро подползли к вражескому окопу и бросились в атаку. Уже после боя Омельченко рассказал мне: в тот момент они даже не подумали, что в окопе может оказаться большое количество солдат противника; у них была только одна мысль: дорваться до врага, выбить его из окопа. Неприятельские солдаты заметили их в самый последний момент, когда Омельченко был уже рядом с окопом. Несколькими выстрелами из карабина он убил двоих. Остальные бросились наутек.

К окопу вскоре приполз и Торопов. Он снова стал вызывать НП дивизиона. На этот раз сразу же ответил командир.

— Где находитесь?

— В румынском окопе.

— Где Чрелашвили?

— С ротой. Они ушли куда-то левее. Мы отстали от них.

Омельченко, ведший наблюдение за противником, подтолкнул Торопова:

— На нас идут румыны, около взвода. Похоже, будут атаковывать. Надо отбиваться.

Вслед за румынскими пехотинцами появилась группа немецких мотоциклистов, мчавшихся в обход окопа. Торопов сразу же передал на НП:

— Нас окружают мотоциклисты. Бейте прямо по ним.

К этому моменту расчет Семенова вытащил свою пушку за первую траншею противника. Дандин вовремя заметил мотоциклистов.

— Ну-ка, ребята, стукнем их осколочными! — скомандовал он.

Орудие быстро подготовили к бою. Понадобилось всего несколько выстрелов — гитлеровцы повернули обратно. Омельченко и Просветов встретили румын огнем из карабинов. Потеряв около десятка солдат, они вынуждены были отойти.

Наступление на нашем участке фронта развивалось медленно. Правый фланг 321-й дивизии продвинулся вперед на несколько километров и овладел высотой 135,0, а левый, на котором действовал 3-й дивизион нашего полка, почти не стронулся с места.

Радовали, правда, успехи соседей справа. В районе Клетской оборона противника была взломана и в прорыв пошли танковый и кавалерийский корпуса.

Подводим итоги боя за первый день. Подсчеты предварительные, много еще не выяснено. Две батареи уничтожили свыше 100 солдат противника, разрушено 8 дзотов, разбито 4 пулемета, подавлен огонь двух минометных батарей.

Ночью мы подтянули орудия к самому переднему краю. Утром 20 ноября генерал Макаренко двинул всю дивизию против Логовского.

Появились пленные. Запомнились некоторые сценки. Вот перед командиром дивизии стоит высокий румын с лицом землистого оттенка. Он довольно хорошо говорит по-русски, рассказывает о себе, о своей части.

— Мы понесли большие потери в самом начале боя. Перед вашим наступлением у нас в эскадроне было двести человек. За первый день выбыло сто шестьдесят семь убитых и раненых. Очень большие потери нанесла ваша артиллерия.

Пленные немцы все еще пыжатся. Но вид и у них тоже потрепанный.

Маленький румынский солдат подбегает к высокому рыжему гитлеровцу, что-то яростно кричит, трясет перед его носом кулаками. Как жаль, что я не понимаю по-румынски! Хотя, впрочем, крик этого солдата и так понятен. Он обвиняет гитлеровца во всех своих несчастьях. Зачем его сунули в эту войну, зачем она ему, простому румынскому крестьянину?

20 ноября нам пришлось отбить больше десяти вражеских контратак. Попов поставил обе батареи на прямую наводку. Утро 21 ноября опять началось с неприятельских наскоков. Голубитченко уничтожил две пулеметные точки, перед самым орудием осталось лежать 25 фашистов.

Разведчики и связисты дерутся вместе с пехотинцами: надо же сломить сопротивление врага. Наши правые соседи взяли Ореховский — это километров двенадцать впереди нас, — а мы все еще не можем выбить немцев из Логовского.

Наконец Логовский взят. Подтягиваем туда свои батареи. Снарядов у нас мало. Вчера командир взвода боепитания Г. И. Барсуков привез 150 штук и предупредил: «На нашем артдопе снарядов больше нет».

Противник пытается вернуть населенный пункт. Еще одна контратака. Бьют шестиствольные минометы. Пехотинцы, измученные трехдневными боями, не выдержали и начали отходить. Увидев это, Попов бросился к ним.

— Куда? Кто позволил?..

Борис Васильевич впоследствии не мог вспомнить, что он кричал в тот момент, об этом рассказал бежавший за ним старший сержант Дубина. А крикнул Попов следующее: «Вперед, друзья! Назад нам дороги нет».

Вслед за майором рванулись вперед и разведчики дивизиона: Дубина, Залесский, Матвиевский. Небольшая группа артиллеристов приостановила отход пехотинцев.

В этот трудный момент командир 5-й батареи Прохоров выдвинул два орудия в боевой порядок пехоты. Орудия быстро развернулись и открыли огонь по врагу. И еще раз отличился расчет орудия старшего сержанта Семенова — он подбил две бронемашины.

Переборов появившееся было смятение, наша пехота пошла опять вперед и заняла высоту.

Замполит 5-й батареи Литвинов докладывает:

— В последнем бою отличился разведчик Стефанцов — уничтожил двух неприятельских солдат и одного взял в плен.

Федор Петрович, стоявший рядом, фыркнул:

— Вот удивил! Командир отделения разведки нашей батареи сержант Гузеев уничтожил несколько гитлеровских солдат, в том числе одного офицера, а другого, в чине старшего лейтенанта, взял в плен.

— Будет вам, — останавливаю замполитов. — Обе батареи воевали хорошо. Готовьте наградной материал.

Радист управления дивизиона старший сержант Прихожай кричит мне:

— Скорее, скорее! Передают очень важное сообщение.

Вокруг меня большая группа бойцов и командиров. В наушниках треск, потом приподнято-торжественный голос Левитана. Не сдерживая радости, кричу:

— Ура! Наш праздник! Прорвали фронт. Гитлеровские войска под Сталинградом окружены!

Тут же провели митинг. Майор Писанко сообщает, что генерал-майор Макаренко объявил личному составу 2-го и 3-го дивизионов благодарность за хорошую помощь дивизии во время боев.

Ночью мы пришли в Ореховский, а утром 24 ноября простились с 321-й — получен приказ вернуться в свою дивизию.

Преодолев с боями свыше 150 километров, войска Донского фронта взяли город Калач. 20 ноября войска генерала Ф. И. Толбухина южнее Сталинграда также прорвали вражеский фронт и 23 ноября встретились с войсками Донского фронта.

Громадные клещи наших войск сомкнулись. Неприятельская группировка, состоящая из 6-й пехотной и 4-й танковой армий, оказалась в гигантском кольце.

Надо прямо сказать, что мы, рядовые командиры и политработники, тогда еще не представляли себе всей грандиозности происшедшего. Просто радовались свершившемуся.

Мы идем по правобережью Дона. Западнее нас на юг устремились танковые корпуса. Фактически здесь фронта нет. К востоку, на левой стороне Дона, не прекращается гул артиллерийской канонады. В районе Вертячий — Песковатка идет большой бой. Говорят, там окружено еще несколько вражеских дивизий.

Дороги забиты неприятельской техникой. Трупы лошадей, трупы гитлеровцев. Холодный северный ветер гонит тяжелые, низко нависшие над землей облака, метет по бескрайней степи сухой снег, подгоняет нас вперед.

По всем дорогам непрерывным потоком идут наши войска. Обозы, артиллерия, группы пехотинцев, снова обозы,

снова артиллерия. Прямо по степи в сомкнутой колонне, поэскадронно мчится кавалерийский полк. Ветер раздувает башлыки кавалеристов, красные, как кумач.

Наш маршрут — Кисляково — Набатовка — Малоголубинская — Ложки. Несколько дней стоим в Малоголубинской, Приказом командующего 65-й армией генерала П. И. Батова наша дивизия выведена во второй эшелон. Это и отдых для бойцов и резерв командующего. Но отдыха не получается. В районе песковатских переправ частям дивизии пришлось снова вступить в бой. Короткая схватка — и гитлеровцы отброшены от переправ.

И снова вперед. Нам известен уже весь маршрут: Ложки — Качалинская — Попов — Лысов — Бурацкий.

Перед Ложками большое танковое кладбище, раскинувшееся по всей степи. Попробовал было сосчитать застывшие машины, насчитал 280 штук, сбился со счета и махнул рукой. Рядом с дорогой стоят тридцатьчетверки. Здесь в августе дралась наша 4-я танковая армия, сдерживая наступление врага на Сталинград...

После передышки в станице Качалинской снова в поход. Ночь. Холодная, морозная. Метет поземка. Словно мириады мелких осколков бьют в лицо, втыкаются остриями иголок в кожу. От холода смерзаются губы.

Идем молча. Говорить не то что не хочется, просто невозможно. Рядом со мною шагает Борис Васильевич. Он часто похлопывает рукавицами, ежится, приплясывает. Стынут ноги. Валенок нам не выдали.

Утром подошли к хутору Бурацкому. Ветер разогнал тучи, установилась ясная, морозная погода. Подтянули орудия к хатам, замаскировали. Вечером заняли огневые позиции, подготовились к бою. И вдруг снова приказ: «Дивизион сосредоточивается восточнее хутора Рычковский. Движение только в ночное время».

— Почему нас перебрасывают?

Этот вопрос возникает не только у меня. Командиры батарей вопросительно смотрят на Попова. Тот пожимает плечами.

— Очевидно, линия фронта еще неустойчива, фашисты пытаются нащупать у нас слабые места и пробиться к Сталинграду. Вот мы и маневрируем артиллерией. Есть предположение, что в Тормосине сосредоточился немецкий танковый корпус.

Опять Бурацкое. На улице холодина злее, чем на Волховском. Забираемся в бывшую колхозную конюшню. Сержант Дубина разжигает костер. При свете костра Попов рассматривает карту.

— А что, если?.. — и, не договорив, он приказывает Залесскому: — Разыщите кого-либо из местных жителей.

Залесский уходит на поиски. Я без объяснений понимаю командира дивизиона: он решил идти прямиком через степь. Нужно только расспросить местных жителей о дорогах.

Минут через двадцать Залесский возвращается.

— Нашли, — докладывает он. — Тут за деревней целый блиндажный городок построен.

Он ведет нас через какие-то канавы и рытвины. Как будто из-под земли повсюду вылетают золотистые искорки. Земляная деревня. Здесь обитают сейчас жители Бурацкого.

Входим в просторную землянку. В ней людно. За маленьким столиком сидит кряжистый седой старик. Большая голова с седыми вьющимися волосами и огромная, лопатою, борода. Белая в синюю полосу рубаха плотно облегает мощную фигуру.

По нашей просьбе старик подробно рассказывает о дорогах из Бурацкого в Рычковский. Одна в обход через хутор Тузов, другая — самая короткая — возле полотна железной дороги. Но там еще враг. И в Рычковском тоже.

— А прямо? — спрашивает Попов. — Через степь?

— По степу дороги нет.

— А если мы пойдем? Глубокие балки есть в степи?

— Кажись, нету. Давно я не ходил по степу. Не могу точно сказать. А раньше не было.

Путь был чрезвычайно трудным, но все же мы дошли до района сосредоточения.

Весь день к хутору Рычковскому шли наши танки. Гитлеровцы уже узнали об этом и постоянно бомбят степь. В район наших огневых пришли семь танков. На них обрушились шесть «юнкерсов», высыпавших кучу бомб. Казалось, все сметено. После бомбежки артиллеристы бегут к танкам — надо помочь. Танкисты вылезают из-под машин, осматривают их, ругают вражеских летчиков. Машут нам: все живы, танки целы.

И снова вперед, в балку, что правее нас, — там место сосредоточения танковой группы.

Мы идем к командиру 3-го гвардейского стрелкового полка. Его КП расположен в узком туннеле под полотном железной дороги. Командир части встречает нас изумлением — не ждал так быстро. Рядом с ним на корточках сидит начальник штаба. Полковник Захаров ворчит на своего начштаба:

— Что ты заладил: полк, полк... Всего шестьдесят два активных штыка, а ты — «полк наступает, полк овладевает траншеями». — Затем спрашивает Попова: — Сколько у тебя в дивизионе бойцов?

— Двести.

— Вот видишь, начальник штаба, мы наступаем, а Попов поддерживает нас. У нас шестьдесят два бойца, а у него двести. Разница!

Я понимаю, к чему клонит полковник Захаров, слишком прозрачен его намек. Борис Васильевич тоже отлично понимает хитрый ход командира стрелкового полка. Надо собрать побольше артиллеристов и превратить их в стрелков, хотя бы на время атаки. Но сделать это на свой риск полковник не может. А командир дивизии генерал Лиленков строго-настрого запретил это делать.

Захаров опять спрашивает Попова:

— Снарядов-то сколько?

— Мало. Полбоекомплекта.

— Ну! — машет рукой Захаров. — У меня патронов в полку больше.

Мы улыбаемся.

— Снарядов мало. В полку людей еще меньше, — погасив улыбку, говорит Попов. — А задачу выполнить нужно. Подберем и мы людей для атаки. Человек пятьдесят.

Это значит, что все разведчики, часть связистов и кое-кто из орудийной прислуги пойдут вместе с пехотой. Попов тоже хитрит. Разведчики и связисты во время наступления всегда в боевых порядках пехоты.

— Вот за это люблю, — говорит Захаров Попову. — Возьмем Рычковский. Тем более что правее нас пойдут танки.

Под вечер мы с капитаном Бородиным, недавно назначенным заместителем командира дивизиона по строевой, уходим в траншею пехотинцев. Внимательно рассматриваю расстилающуюся перед нами низину. Впервые вижу выгодную для нас позицию. Обычно гитлеровцы занимают оборону на возвышенностях. А тут — низина.

К штурму Рычковского все готово. Атака начнется до наступления рассвета. В темноте враг не сразу поймет, что нас не так уж много.

Стоим в окопах пехотинцев, ждем сигнала. Рычковский пока еще не виден, он только угадывается. На вражеской стороне какая-то неестественная тишина. И вот из-за бугра взвивается ракета. Вслед за ней — грохот нашей артиллерии... Всего на десяток минут: у нас очень мало снарядов.

Пехотинцы быстро скатываются с горки. Вместе с ними и мы, артиллеристы. Вспышки выстрелов, крики «ура». Гитлеровцы беспорядочно отстреливаются. Правее нас слышно могучее урчание танков. Вражеские батареи пытаются задержать их атаку, но эта попытка не имеет успеха.

Врываемся в хутор. Возле одного из домов сталкиваюсь с гитлеровцем. У меня в руках только пистолет ТТ. Фашист замахивается автоматом, но впереди меня появляется быстрый и юркий Наум Меркулович. Выстрелом из карабина он упредил удар врага.

К десяти утра большой хутор Рычковский полностью очищен от противника. Крепко пожимаю руку своему ординарцу.

— Спасибо, Меркулыч...

Вот уже вторую неделю передвигаемся вдоль фронта по линии Рычковский — Старо-Максимовский и обратно. Маневрируем не столько огнем, сколько колесами.

На всю жизнь запомнился лагерь для военнопленных в Ново-Максимовском. Он занимал огромную площадь, изрытую норами и огороженную колючей проволокой. На его территории много трупов. Их никто не убирал. А те, кто пережили весь ужас фашистского заточения, были похожи на двигающихся мертвецов.

Мы вытащили из ямы одного узника. Говорю ему:

— Ничего, теперь все уже позади, старик. Подлечишься, и все будет в порядке.

— Какой я старик, — чуть слышно прошептал боец. — Мне всего двадцать шесть лет...

Он достал из кармана горсть обгорелой пшеницы.

— Вот она, матушка, сохранила мне жизнь. Подлечусь — пойду бить фашистов. Уж я им попомню лагерь, попомню...

Группа Манштейна прорвалась из района Котельниково и продвинулась вперед километров на двадцать пять. Тормосинская группировка врага ожидает выхода Манштейна на одну линию с Нижне-Чирской. Тогда должна ударить и она. Но это лишь расчет гитлеровского командования...

Наша оборона с каждым днем усовершенствуется. Позади нас создается еще одна линия. Западнее, в 100—150 километрах, успешно развивается наступление советских войск. Пожалуй, тормосинской группировке неприятеля не до наступления. Придется отступать, иначе — второй котел. Сейчас фашисты боятся окружения. Сталинград кое-чему научил их.

Наша дивизия переходит на левый берег реки Дон в район Рубежное — Ильмень — Суворовский. Задача: форсировать Дон южнее Нижне-Чирской и взять хутора Быстрянский и Суворовский.

29 декабря ночью пехота 8-го гвардейского стрелкового полка переходит по льду Дон и с ходу овладевает Быстрянским. Враг не ожидал здесь наступления наших войск. Гитлеровцы настолько верили в успех группы Манштейна, что готовились встречать в Быстрянском Новый год.

Сразу же за пехотой переправляем через Дон 4-ю батарею. Во многих местах лед еще слабый. Под колеса пушек подкладываем длинные доски.

Во второй половине дня противник попытался атаковать нас. Появились три танка. Коваль сразу же поджег один из них. Остальные поспешно убрались. Пехотинцы снова поднялись в атаку. Был взят и Суворовский.

С ходу заняли еще один хутор — Н.-Черновский. Все пушечные батареи полка переправились на левобережье и повели наступление в боевых порядках пехоты.

Фронт прорван. Вражеские части поспешно отходят на Тормосин. Пехотные полки свертываются в походные колонны.

В ночь под Новый год на землю спустился густой туман. Первая батарея нашей части выступила вслед за пехотой 8-го полка. Батарейцы медленно шли по дороге. Чуть пофыркивали лошади. Туман был настолько густым, что в нескольких шагах уже трудно было разглядеть человека. Потому-то никто и не заметил, как к батарее пристроилась большая группа гитлеровцев. Так и шли.

Впереди наша батарея, а позади — немцы, думавшие, что идут за своей, отступающей из Н.-Черновского батареей. Фашистов обнаружил боец, отставший по какой-то причине. Он не стал поднимать шума, а пробежал в голову колонны и доложил об увиденном командиру батареи старшему лейтенанту Шешукову и замполиту Горелову. Те быстро приняли решение, предупредили бойцов. «Чужаков» подпустили поближе.

— В атаку! — скомандовал Шешуков.

Батарейцы бросились на ошарашенных гитлеровцев. Стрелять было невозможно, боялись задеть своих. Тогда пустили в ход кулаки. Некоторые фашисты сразу же подняли руки, остальные бросились бежать, рассчитывая скрыться в тумане, но туман стал рассеиваться, и батарейцы открыли огонь. В этом своеобразном бою было уничтожено 25 вражеских солдат и 15 взято в плен.

Вслед за нами в прорыв вошел кавалерийский корпус. Вчера конники, ведя лошадей в поводу, перешли плохо замерзший Дон, затем они ринулись в атаку. Как будто ожили картины Митрофана Грекова. Блестели шашки, развевались концы красных башлыков. Теперь этот ураган казачьей лавы мчится где-то за Тормосиным. Справа от нас туда же прошел танковый корпус.

Торопимся и мы. По обеим сторонам дороги лежат неприятельские мины и снаряды в ящиках и корзинах. Их так много, что кажется, это не снаряды, а штабеля дров на большом, в несколько километров, складе.

9 января 1943 года дивизия подошла вплотную к Северному Донцу и заняла хутора Ново-Россошанский и Чумаково-Россошанский. Еще один рывок — и мы будем по ту сторону реки. А там недалеко и «Всесоюзная кочегарка». Уже ставится задача с ходу ворваться в Донбасс.

В эти дни началось наступление советских войск в районе станицы Тацинской. Наш танковый корпус нанес жестокий удар по врагу. Три немецкие дивизии — две танковые (около 100 машин) и одна пехотная — бросились на юг и оказались в тылу нашего соединения. Шедшая несколько правее и позади нас 258-я стрелковая дивизия, измотанная в боях на подступах к Тормосину, хотя и дралась отважно, не смогла сдержать вражеского напора.

Ночью 9 января неприятельская группировка заняла Заозерский, Алифанов и Кухтачев. Штаб дивизии, 8-й стрелковый полк и 1-й дивизион нашего полка оказались в окружении.

В районе Алифанова в этот момент находились тыловые подразделения дивизии, учебный и саперный батальоны. Они и приняли на себя удар гитлеровцев.

Срочно перебрасываем на автомашинах свое подразделение в боевые порядки учебного дивизиона и саперов. В полукилометре от переднего края немцы. По всем данным, они не имеют намерения развивать наступление, а готовят оборону, чтобы обеспечить основным силам выход на юг. Создалось очень своеобразное положение: отрезанный от своих, 8-й полк закрыл фашистам выход на юг.

Атаки врага носили яростный характер. К вечеру 10 января ему удалось вытеснить полк из Чумаково-Россошанского и расчленить его на несколько групп. Командир дивизии, находясь с 8-м полком, все время держал связь с остальными частями. И хотя в 3-м и 11-м стрелковых полках было очень мало людей, они повели наступление. 8-й полк в свою очередь начал атаки на Чумаково-Россошанский. Целый день шел бой с вражескими танками и пехотой. Стрелки и артиллеристы сражались исключительно мужественно и храбро.

С утра до вечера 2-я батарея отбивала ожесточенные атаки гитлеровцев возле Чумаково-Россошанского. Вокруг батареи валялось более пятидесяти трупов неприятельских солдат и офицеров. Дымными кострами чадили два фашистских танка. Ночью старший на батарее Чернышев подтянул орудия к вражеской обороне и в упор открыл огонь. Гитлеровцы разбежались, и артиллеристы пробились к своим.

Командир 2-й батареи старший лейтенант Богацкий с группой разведчиков оказался в окружении. Выходя из него, отважные воины захватили немецкую автомашину с продовольствием. По пути они встретили группу раненых пехотинцев. Богацкий посадил их в машину, сел за руль и на полном ходу проскочил через фашистскую оборону.

Заместитель командира 1-го дивизиона по строевой части капитан В. К. Запарованный собрал группу бойцов дивизиона и 8-го полка. Два раза водил он ее в атаку на немецкие позиции. Первая атака оказалась неудачной.

Запарованного легко ранило. Нащупав во вражеской обороне слабое место, группа смельчаков снова пошла на прорыв. Бойцы схватились с гитлеровцами врукопашную. Запарованный, обладавший большой физической силой, расстрелявший все патроны из обоймы своего пистолета, дрался прикладом винтовки, а когда винтовка сломалась, пустил в ход кулаки. По свидетельству красноармейцев, он уничтожил шесть гитлеровцев. Его группа тоже пробилась из окружения.

Разведчик 2-й батареи красноармеец Журавлев возглавил группу пехотинцев. Пробиваясь к своим, бойцы захватили орудие. Журавлев повернул его против фашистов и стрелял до тех пор, пока не израсходовал все снаряды. Потом вывел товарищей из вражеского кольца.

После ожесточенного боя в Ново-Россошанском дивизия несколько дней стояла на Северном Донце. Здесь мы и узнали весть об окончательной ликвидации немецко-фашистской группировки под Сталинградом. Несколько строк об этом я записал в своем дневнике. Борис Васильевич долго смотрит на мою запись.

— Неплохо и мы, Валериан, воевали здесь. А теперь вот пришло время расставаться.

— Что такое, Борис, в чем дело? — спросил я.

— Вчера получил назначение на должность начальника штаба артиллерии дивизии. Командиром дивизиона назначен Бородин. А заместителем Бородина Саша Коваль.

Я облегченно вздохнул. Все-таки будем в одном соединении. А Борису и впрямь пора на выдвижение. Но Борису Васильевичу не пришлось работать в новой должности. Весной этого же года его откомандировали на учебу. Окончив академию, гвардии полковник Попов долгое время командовал артиллерийской бригадой. После ухода на пенсию остался жить в г. Мукачево.

Тогда же уехал на учебу и Алексей Мартынов.

В ночь на 8 февраля 8-й гвардейский стрелковый полк перешел Северный Донец и после короткого боя занял хутор Апаринский. При этом наш дивизион уничтожил 8 пулеметных точек и 45 солдат противника,

Гитлеровцы бегут так, что мы с трудом поспеваем за ними на своей конной тяге. Начавшаяся распутица затрудняет движение конных батарей. Тракторная тяга по-

ка что не оправдала себя. 6-я батарея, начиная от Сиротинской, почти не участвовала в боях из-за постоянных поломок тракторов. А запасных частей к ним нет. Стрелки же дивизии, кажется, не знают устали. Попытки врага оторваться от них не увенчались успехом.

С приближением к Донбассу сопротивление вражеских частей начинает возрастать. Так, бой за деревню Большой Должик длился с самого утра до обеда. Здесь смертью храбрых пал парторг 4-й батареи старший сержант Баев Семен Матвеевич, общий любимец подразделения.

Наши части вышли на Миусс-реку. Но из-за потерь в личном составе взять укрепления на западном берегу с ходу мы не смогли.

НП дивизиона мы устроили в Марьевке, в трехстах метрах от переднего края врага. Пушки установили на прямую наводку. И все же наша оборона была жидковата.

8-й полк, несмотря на свою малочисленность, упорно стремится захватить плацдарм на западном берегу Миусса. Неприятель бросает против нас авиацию. 28 февраля во время бомбежки тяжело ранило командира полка подполковника Квака. Не приходя в сознание, 1 марта Архип Артемович скончался. Похоронили мы его на площади в центре Ново-Спасовки с воинскими почестями.

Новым командиром полка был назначен майор И. И. Писанко.

ОТ МИУСС-РЕКИ ДО ДНЕПРА

25 мая я сдал свой дивизион и вступил в должность заместителя командира полка по политчасти. В руководящем составе произошли некоторые изменения: секретарем партбюро был избран Андрей Абушкевич, майор Минчонок стал заместителем командира по строевой части.

Наступило жаркое, безоблачное лето. Каждый день в клубах пыли шли на боевую учебу войска второго эшелона. Пехотинцы «обкатывались» танками, прорывали долговременную оборону «противника». Артиллеристы практиковались бить немецкие танки прямой наводкой. Появились макеты танков, их таскали тягачами, орудийные расчеты соревновались в скорости стрельбы.

Фронт напоминал о себе лишь тем, что в Дьякове, возле которого стояла наша дивизия, изредка рвались снаряды тяжелой вражеской батареи да ночами пролетали к Ростову-на-Дону фашистские бомбардировщики.

24 июня Военный совет 5-й Ударной армии вручал нашей дивизии орден Красного Знамени. Гремит оркестр. Командир соединения полковник С. И. Никитин, который недавно сменил уехавшего на учебу генерала Лиленкова, прикрепляет орден к гвардейскому Знамени. Громовое «ура» катится от полка к полку.

Состоялся парад, затем перед бойцами и командирами выступили участники художественной самодеятельности.

Мирная учеба подходила к концу. Командующий артиллерией 31-го корпуса полковник А. Иванов, проверив нашу боеготовность, сказал:

— Скоро начнутся крупные дела. Командиру корпуса доложу, что полк к выполнению боевой задачи подготовлен...

Занимаем огневые позиции в первом эшелоне. Тщательно готовим орудийные окопы и наблюдательные пункты. Работаем только ночью. К переднему краю прибывают все новые и новые части. А на вражеской стороне тишина. Гитлеровцы уверены, что их «Миусс-фронт колоссаль» неприступен.

Политработники днюют и ночуют в подразделениях. Солдаты нетерпеливо спрашивают:

— Скоро ли?

Во втором дивизионе вся моя старая гвардия: Никита Залесский, Афанасий Дубина, Кузьма Егорычев, Иван Гончаров, Наум Михеев. На правах старых друзей они требуют обстоятельного ответа.

— Скоро. Наступление гитлеровцев на Курской дуге уже приостановлено. За три дня боев враг потерял там свыше 1500 танков, более 500 самолетов и около 30 тысяч солдат и офицеров только убитыми. Теперь крушить супостата — очередь за нами, — отвечаю я.

— Правда ли, что этот «Миусс-фронт колоссаль» так неприступен? — Ухмылка у Никиты самая ехидная. Он уже побывал на передовом НП, слышал немецкие выкрики.

— А вот прорвем — узнаем. Хвастают фашисты, что ворота в Донбасс заперли накрепко.

— Если прорвем здесь, — замечает Афанасий, — гитлеровцы побегут до самого Днепра.

— Хорошо бы и Днепр с ходу форсировать, — говорит Михеев. — Чай, теперь сможем?

— Ох, Днепро, Днепро! — вздыхает Никита. — Скоро ли увижу тебя?

— Не вздыхай, не так уж и далеко до него, дойдем, — уверяет товарища Афанасий. — Через Полтавщину пойдем. Тогда и домой, к жинке, заглянешь. Вон Ваня Гузеев съездил в свою Кантемировку.

— Постараюсь одним из первых перемахнуть Днепр, — с жаром говорит Ваня Ткачук. — На Житомирщине моя Котлярка. Как освободим ее, отпрошусь домой...

Беседу прерывает штабной телефонист. Он разыскивает меня.

— Что случилось?

— Товарищ «сорок первый», к вам гость.

На КП меня ждал майор, представитель политотдела армии. Он прибыл для проверки политработы к началу наступательной операции. Показываю ему план политработы, объясняю, что сделано и что предстоит сделать. Он одобрительно кивает головой и что-то записывает в клеенчатую тетрадь.

— Нужно для опыта, — говорит он. — Все следует изучить. И плохое и хорошее. Плохое отбросить, хорошее

принять на вооружение. А у вас есть кое-что и новенькое, — например, альбом боевых подвигов, перекличка старых бойцов перед началом боя.

Невольно вспомнилась осень 1941 года. Какая все-таки разница в постановке политико-воспитательной работы! На первый взгляд как будто мало что изменилось. Политинформации, собрания, беседы и тогда занимали главное место, но теперь они стали более насыщенными, более приподнятыми, что ли. Да это и не удивительно. На полях сражений коммунисты утвердили свою убежденность в правоте нашего дела, они агитировали не только словом, но и личным примером, подвигами, возросшим мастерством.

Почти весь день ушел на детальное изучение опыта политико-воспитательной работы в полку. Я, кажется, выудил из своей памяти все, что мог. Подробно рассказал майору о том, что проводилось в каждой батарее, в каждом взводе, искал наиболее интересное: то беседу агитатора в орудийном расчете, то день парторга батареи, то еще что-нибудь.

Наступил вечер. Последний тихий вечер. Скоро принесут из политотдела дивизии обращение Военного совета фронта. Комсорг полка старший сержант Молчанов вызывает к телефону замполитов дивизионов:

— К двенадцати ночи вы должны быть у «сорок первого» вместе с парторгами...

Только что прошла перестройка политаппарата. Упразднены должности заместителей командиров батарей по политчасти. В дивизионах введена должность парторга. Теперь вся политико-воспитательная работа ложится на плечи замполитов дивизионов и на партийную организацию.

С большим сожалением расстался я с Федором Копыловым. Хотелось оставить его в полку на должности замполита 2-го дивизиона. Но Копылов твердо решил перейти на строевую работу. Что ж, после непродолжительной учебы из него выйдет хороший командир батареи.

Лежим с гостем под большим кустом терновника. Все уже обговорено.

— Товарищ майор, принесли пакет. Замполиты и парторги пришли, — сообщает Молчанов.

Забираемся в землянку. Молчанов зажигает свет. На пакете надпись: «Вскрыть в 24.00».

— Сколько там?

— Без пяти двенадцать.

Ждем. Молча смотрю на своих товарищей-политработников. Капитан Алексеев, ставший замполитом 3-го дивизиона, как всегда, в торжественные минуты делается строже. Брови сведены к переносью. Замполит 1-го дивизиона капитан Горелов стоит у стола. Верхняя губа немного приподнята — волнуется человек. Он тоже недавно принял эту должность от ушедшего в политотдел дивизии Виктора Соколова. С грустью вспоминаю, что Виктору не пришлось работать помощником начподива по комсомолу. Он погиб во время нашего наступления к Миусс-реке. Замполит 2-го дивизиона капитан Иванов сидит возле стола и потихоньку барабанит пальцами. Тоже волнуется. Все мы против своей воли волнуемся. Скоро начнется настоящая проверка всей нашей политической работы. Проверка без скидки на условности.

Приказ прислан в одном экземпляре. Размножить его некогда. Да это и не требуется. Содержание легко запоминается.

Приходит командир полка. Он только что провел совещание с командирами дивизионов, утряс, как у нас говорят, последние детали подготовки к наступлению.

— Всего несколько слов, — сказал он, обращаясь к политработникам. — Наступательный бой требует высокого порыва личного состава. В этом бою мы непременно встретимся с фашистскими танками. Хочу думать, что политработники будут на самых ответственных участках.

Расходимся по батареям.

Продираясь сквозь кусты по дну глубокой балки, идем на огневую 4-й батареи. Ночь сегодня безлунная, и узенькая тропинка еле угадывается.

Тихий окрик:

— Стой, кто идет?

Чуть заметная тень отделилась от кустов. Это Степан Курмахин, наводчик орудия.

Подходит старший лейтенант Костоломов. Обычно перед началом боя командиры батарей находятся на наблюдательных пунктах, но сегодня Костоломов на огневой. Его НП совсем рядом. Сегодня батарея пойдет в боевых порядках наступающей пехоты.

— Расчеты подняты, находятся возле второго орудия, — негромко докладывает он.

Рассказываю содержание приказа, открываю митинг. Выступают сержанты и солдаты.

— Я одессит, — говорит наводчик орудия сержант М. Т. Долженко. — Даю слово положить все свои силы на то, чтобы родная Украина была освобождена от фашистских захватчиков. Если встретимся с танками, тоже не отступим. Будем драться до последнего снаряда...

В этот час митинги проходят во всех батареях. И везде солдаты, сержанты и офицеры полка говорят о своей великой любви к Родине, дают клятву разгромить захватчиков.

В 3.30 раздался мощный грохот тысяч орудий Южного фронта. На той стороне Миусс-реки сразу же нависло огромное облако дыма и пыли.

Стою возле НП на вершине холма. Сейчас здесь многолюдно. Писанко, Минчонок, командир взвода разведки старший лейтенант А. Я. Швед, разведчики и радисты. В стороне возятся с катушками провода связисты — готовятся тянуть «ниточку» к новому НП, на другую сторону реки Миусс.

Через час Писанко вызывает к телефону командиров батарей, стоящих на прямой наводке. Спрашивает:

— Как видимость?

Отзывается командир 2-й батареи старший лейтенант В. С. Наконечный.

— Все в дыму. Только вспышки.

— Как пехота?

— Ждет сигнала. Кажется, вырвется вперед, не дожидаясь сигнала.

— Готовьтесь к смене огневых. Как только пехота сороковой пойдет вперед, снимайтесь и следуйте за ней.

Серия ракет. Это сигнал для переноса огня в глубину вражеской обороны. С передовых наблюдательных пунктов сразу же передают:

— Пехота пошла быстро.

Писанко напоминает командирам дивизионов:

— Внимательно следите за пехотой. Если обнаружатся вражеские огневые точки, подавляйте немедленно.

Через полчаса с НП передали:

— Первая траншея занята. «Карандаши» врываются во вторую.

Писанко отдает распоряжение командирам 2, 4 и 7-й батарей:

— Выдвигайте батареи вперед.

В этот момент произошла заминка. Сначала с ПНП сообщили: «Во второй траншее идет бой». Потом: «Пехота овладела второй траншеей не везде». «Правее нас пехота не дошла до второй траншеи и залегла».

Гитлеровцы упорно сопротивляются. Из глубины своей обороны они обрушили на наступающих шквал артиллерийского огня. Писанко открывает огонь гаубичными батареями, но на стороне врага висит такое огромное облако, что наблюдение вести прямо-таки невозможно.

К 12 часам дня продвижение пехоты 40-й дивизии затормозилось. Бой все еще шел во второй траншее. Тогда командир 31-го гвардейского корпуса выдвинул вперед пехоту нашей дивизии.

Бой за вторую траншею продолжался до самого вечера. Только к 18 часам 3-й и 11-й полки нашего соединения сломили сопротивление фашистов, очистили от них Дмитриевку и заняли ряд прилегающих высот. Сразу же ставим три батареи в боевые порядки пехоты. Разведчики дивизии, действовавшие впереди, установили, что к месту боя враг подтягивает новые силы, главным образом танковые.

Ночью переносим в боевые порядки пехоты, на высоту 121,5, и наблюдательный пункт полка. Вся высота перепахана снарядами, блиндажи разбиты, валяются трупы вражеских солдат. На этой высоте наши пехотинцы взяли в плен остатки немецкого батальона вместе с его командиром. Пленные выглядят очумело. «Такого ада, который обрушился на нас утром, не выдержать», — говорят они. Пленные подтверждают, что немецкое командование принимает все меры к тому, чтобы сорвать наше наступление и отбросить нас обратно на восточный берег реки Миусс.

Всю ночь идет напряженная работа. Переводим весь полк на западный берег реки. Занимать огневые позиции приходится под обстрелом противника. Ранен командир 1-го дивизиона капитан Запарованный, убит командир 7-й батареи капитан А. М. Попов. Застряли в пути 5, 6 и 9-я батареи.

Писанко смотрит на меня и Минчонка.

— Устиныч, иди в первый дивизион. Пусть заместитель Запарованного старший лейтенант Березуев прини-



А. И. Андреев



С. П. Семенов



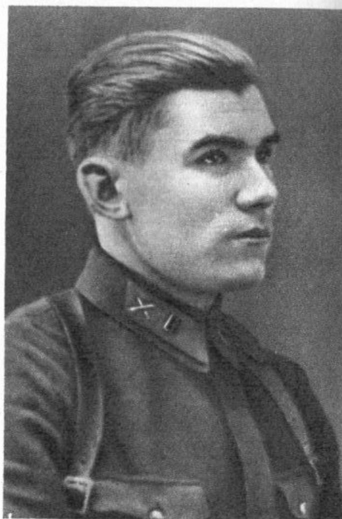
Н. В. Ляпунов



К. В. Забабашкин



И. И. Писанко



Б. В. Попов



А. М. Коваль



И. С. Березуев



М. А. Бородин



Я. А. Супрун



Л. С. Литашов



Г. П. Елизаров


А. Я. Чернышев


В. С. Наконечный


А. П. Лохов


Г. Ф. Алексеев

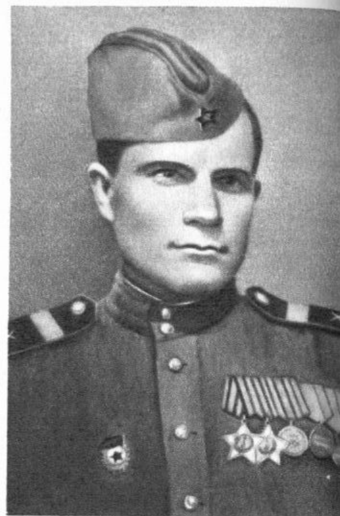

Г. А. Костоломов

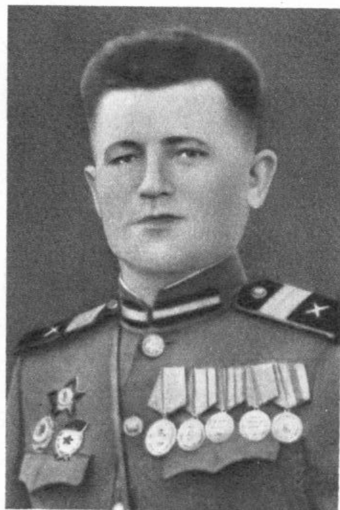

В. А. Зивзивадзе

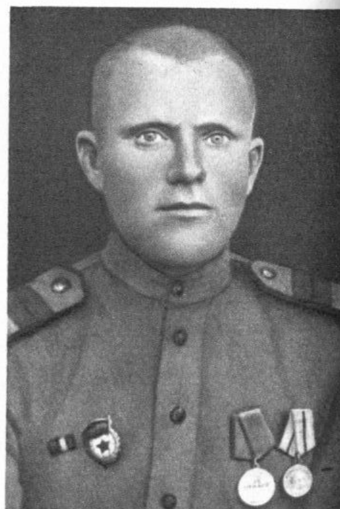

П. Г. Прохоров


Г. И. Щербаков


В. Е. Голубитченко


В. И. Чуйко


А. С. Шевцов

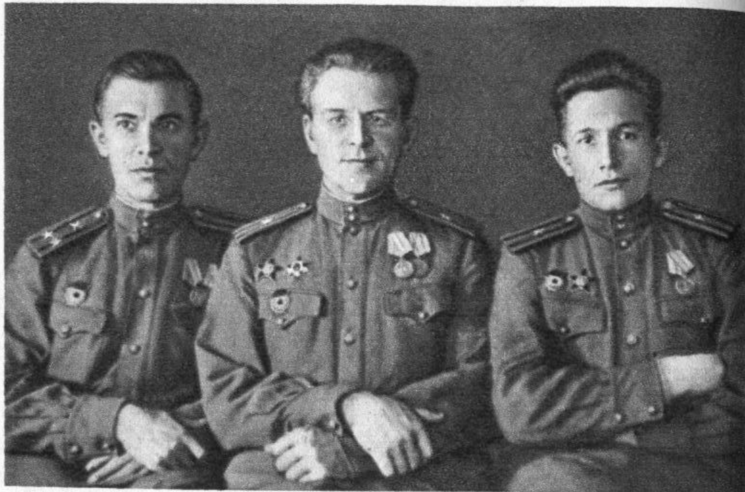

С. А. Курмахин


И. И. Федоров


В. И. Кравченко


Н. М. Михеев


Н. Ф. Золотарев



Слева направо: М. У. Минчонок, В. А. Крылов, В. К. Запарованный



Вручение гвардейского Знамени 23-му Браиловскому ордена Александра Невского артиллерийскому полку

мает командование дивизионом. Помоги ему. — И мне: — Подгони ты, ради бога, второй.

Верхом мчусь к Дмитриевке. У меня хороший скакун, вполне оправдывающий кличку Ураган. 5-я батарея стоит, приткнувшись орудиями к маленьким белым хатам, чего-то ждет.

Подбегает парторг батареи старшина Бручиков:

— Командир ушел вперед выбирать огневую позицию, — докладывает он.

А утро уже наступило. Сейчас каждая минута дорога.

— Район нового ОП знаешь?

— Примерно.

— Тогда рысью марш! Поспешай, Александр Иванович, пока есть время. Отправляй поорудийно. Не жди, когда все вытянутся на дорогу. Того и гляди, налетят стервятники.

Проходит с полчаса, пока батарея вытягивается из садов и на рысях отправляется вперед. Теперь надо найти шестую.

Западнее Дмитриевки появляется большая группа вражеских бомбардировщиков. Невольно останавливаю лошадь, смотрю на небо. Сколько же их? Больше сотни, пожалуй! «Хейнкели». Гул самолетов заполняет все небо. От них отделились черные точки. Спрыгиваю с лошади, пытаюсь положить ее на землю. Ураган не хочет ни стоять, ни ложиться. Он уже знает, что такое бомбежка, и делает свечку за свечкой. «Ходу, ходу!» — так надо понимать его.

Минут через десять бешеной скачки сдерживаю коня. Над Дмитриевкой густые клубы дыма и пыли. Успела ли 5-я батарея проскочить село?

По дороге на Дмитриевку ползет трактор с двумя гаубицами. Подскакиваю к ним. Старшина Безлюдный докладывает:

— Поломался трактор. Не стал ждать ремонта, прицепил второе орудие к первому, и вот двинулись.

— Гони вовсю сейчас. Надо проскочить Дмитриевку до второй бомбежки. Пошли во второй взвод солдата, передай приказ: немедленно на новую огневую позицию.

Возвращаюсь в Дмитриевку. На выходе из села стоит 5-я батарея. Орудия на дороге. Лошадей нет. Из-под стены дома вылезает старший сержант Семенов. На лице ни кровинки. Кричит:

— Ничего не слышу, оглушило.
Подбегает командир второго орудия Николай Золотарев.
— Четыре лошади целы, — говорит он. — Сейчас одно орудие отвезу на огневые, сразу же вернусь за вторым. Два орудия вышли из строя. Пробиты накатники.
— Действуй, Николай!
Пишу на бумаге Семенову: «Убитых похороните на месте. Раненых отправьте в санчасть. И сам с ними».
Семенов смотрит на меня, отрицательно качает головой.
— Сделаю. А сам не пойду. Останусь с батареей. Я здоров, только не слышу.
Снова пишу, убеждаю: ты не сможешь командовать, не можешь быть и наводчиком.
— Буду подавать снаряды. Дайте возможность бить гитлеровцев.
Я не убедил Семенова. А может, и лучше, что останется в батарее? Он всегда поможет тому, кто встанет на его место. Потом и глухота пройдет.
А на передовой кипит бой. Фашисты контратакуют. Особенно ожесточенная схватка развернулась за высоту 211,5 на участке 11-го гвардейского полка. В течение дня полк отбил десять атак. На участок его 1-й роты противник двинул батальон пехоты и шесть танков. 1-я рота и наша 2-я батарея отбили все атаки врага. Под вечер от роты осталось только два человека: лейтенант Слепнев и сержант Ямковецкий. Последнюю атаку они отбивали с помощью солдат 2-й батареи. Четыре немецких танка остались возле высоты. Два танка подбили батарейцы и два — Слепнев и Ямковецкий.
Поздно вечером собираемся на НП.
— Задачу дня выполнили, — подвел итог Писанко. — Все атаки гитлеровцев отбиты. Восьмой и одиннадцатый полки продвинулись вперед на полтора километра. Пиши, замполит, наградные на отличившихся.
— А не рано? — заметил Минчонок. — Завтра опять будет горячий день.
Горячей оказалась вся последняя декада июля. Сопротивление врага все возрастало. Левее нашего корпуса действовала 2-я гвардейская армия. И ей не удалось сделать рывок вперед, хотя вместе с ней в бой вступил мехкорпус. Левее нас этот корпус занял большой населенный пункт Степановку, но дальше и он не продвинулся ни на шаг. 4-я гвардейская дивизия еще несколько дней с трудом прогрызала вражескую оборону — заняла хутора Зрубно, Пересей, Грушевый, Верхнее и Нижнее Передриево. И тоже на этом остановилась. Наш плацдарм был не особенно большим — всего около десяти километров в глубину и около того же в ширину.
Дни стояли на редкость жаркие. На небе ни облачка, но оно черно от самолетов. Над передним краем, над Дмитриевкой все время висят большие группы немецких самолетов. Отважно действуют наши летчики.
Запомнился один такой день. На земле установилось нечто вроде равновесия сил. Бои шли на одних и тех же рубежах. С первыми лучами солнца над нами появляются две группы вражеских самолетов. Полсотни Ю-87 начинают пикировать на соседнюю балку, где ночью сосредоточивались наши танки. Сегодня эти танки должны были пойти на прорыв неприятельской обороны. Но враг каким-то образом разведал район их сосредоточения.
Около сотни «Хейнкелей-111» тянутся к Дмитриевке. Бьют наши зенитки. Тут же патрулируют наши истребители. А ниже всех, с востока плывут шестерки «ильюшиных». Ряд за рядом. Армаде советских самолетов не видно конца.
Наши «ястребки» наскакивают на «хейнкелей». Те смыкаются в плотный строй, ощетиниваются свинцовыми очередями. Но вот в головной тройке вспыхивает ярким пламенем средний самолет. Взрыв настолько силен, что машина разлетелась вдребезги. Вероятно, от детонации взорвались два соседних «хейнкеля».
Фашисты подбили один наш истребитель. Летчик выбросился с парашютом, но был расстрелян набросившимися стервятниками.
Наши «илы» возвращаются со штурмовки. Летят низко, буквально в десяти метрах от земли. Иначе нельзя — за ними охотятся вражеские истребители. Один из «ильюшиных» появляется над огневыми позициями 4-й батареи. Летит он трудно, все больше и больше прижимаясь к земле. Над ним «мессер». Несколько коротких очередей. «Ил» клюет носом. Но летчик все же выравнивает машину и, не выпуская шасси, сажает ее рядом с огневой позицией. Несколько батарейцев сразу же бросились к самолету.

Летчик вылез из кабины, погрозил кулаком вьющемуся над ним «мессеру».

— Ладно, сволочь! Еще встретимся. В следующий раз оставим и для тебя очередь.

«Месс» действительно не ушел от расплаты. Откуда-то сверху на него навалился наш истребитель. Много раз приходилось мне видеть воздушные бои, но такого каскада фигур, какие выполнял в тот раз наш летчик, да еще на небольшой высоте, я не видывал. Фашистский пират оказался увертливым, всячески пытался уйти. Но не тут-то было. «Месс» вынужден был сесть у огневых позиций нашей 7-й батареи, буквально рядом с орудийным окопом. Начальник связи полка капитан А. М. Даниленко бросился к «мессершмитту». Из кабины с пистолетом в руке выскочил здоровенный гитлеровец. Даниленко все же успел ударом кулака сбить его с ног и обезоружить.

Грудь немецкого летчика была увешана различного рода наградами. Сейчас уже забыл его воинское звание, но хорошо помню ответ немца на вопрос «Кто тебя сбил?».

— Алелюхин. Только он мог сбить меня.

Алелюхин... Наши радисты частенько слышали в эфире тревожное: «Ахтунг! Ахтунг! Алелюхин! Алелюхин!» После такого предупреждения вражеские истребители старались как можно скорее убираться восвояси.

Еще до начала боев политотдел дивизии провел семинар замполитов и парторгов полков. Была произведена расстановка политаппарата, рассмотрели примерные планы политработы в наступлении. Но планы, конечно, не могли предусмотреть всего. В ходе боя очень часто появляются новые задачи, требующие от политработника умения быстро и правильно понять их. У нас же в полку почти все политработники были молодыми, опыта партийной работы в наступлении еще не имели. Особое внимание мы уделяли парторгам дивизионов. Капитан Абушкевич дневал и ночевал в батареях, учил старшин Федина, Ардышева и рядового Бондаренко.

Все трое были отважными воинами, не раз отличались в боях на Волховском фронте и под Сталинградом. За партийную работу взялись ревностно, но многого не знали. И Абушкевич добросовестно разъяснял им, как проводить собрания, оформлять документы на вступающих в

партию, подбирать поручителей и тут же, в боевой обстановке, принимать подавших заявления (а таких товарищей было много: только за неделю боев коммунистами стали 75 человек).

Каждый вечер замполиты дивизионов приходили ко мне. Вместе мы подводили итоги политработы за день. Обычно разговор был немногословным. Короткий доклад о делах, о настроениях личного состава, об отличившихся в бою, наметка плана на будущий день.

На одном из таких совещаний я задал замполитам вопрос:

— Что, по вашему мнению, самое характерное в этом бою?

— Наступательный порыв солдат, — ответил майор Алексеев. — Все убеждены, что фашисты не смогут устоять.

— Высокая дисциплина личного состава, — уточнил капитан Горелов. — За все время наступления не было ни одного нарушения дисциплины.

Такой же вывод сделал и представитель политотдела армии, изучавший опыт партполитработы в наступательном бою.

24 июля Абушкевич сообщил мне, что к приему в партию подготовлен еще сорок один человек, на двадцать шесть человек оформляются документы. Нужно, дескать, провести заседание парткомиссии. Звоню начальнику политотдела. Николай Васильевич ответил не сразу.

— Трудно сейчас. Секретарь парткомиссии майор Урсул на передовой, все время в стрелковых полках. Очень много заявлений.

— Верю. Но и нас не надо забывать.

— Хорошо. Завтра к вечеру Урсул придет.

Заседание парткомиссии состоялось на огневой позиции 7-й батареи. Члены парткомиссии — Урсул, Абушкевич и Бондаренко — сидели на срезе ровика. Тут же и мы с Алексеевым. Георгий Филиппович недавно получил новое воинское звание — стал майором — и был в приподнятом настроении.

Батарея вела огневую дуэль с противником. Бойцы действовали слаженно. Только и слышно было: «Первое готово, второе... третье...» И голос старшего на батарее:

— Осколочной гранатой... пять снарядов... беглый огонь!

Рядом с батареей рвались вражеские снаряды. Гитлеровцы пытались нащупать батарею.

Абушкевич зачитал первое заявление, представил вступающего в партию:

— Тепляков Андрей Павлович, наводчик. Двадцать первого июля подбил танк и самоходное орудие противника. Рекомендации действительны.

— Кто может быть членом нашей партии? — спросил Урсул Теплякова.

Тот смутился. Вместе с парторгом дивизиона Фединым изучал он устав партии, кажется, все запомнил, а вот рассказать трудно. Наконец он ответил:

— Я так понимаю: членом партии может быть такой боец, который хорошо бьет немецких оккупантов. Ну и который выполняет точно устав партии, платит исправно членские взносы.

— Что ж, все правильно, — сказал Урсул. — Какие будут предложения?

— Принять кандидатом в члены партии.

— С удовольствием жму руку человеку, подбившему танк и самоходную установку противника, — поздравил Урсул солдата.

Парткомиссия заседала до позднего вечера. В тот день было принято в партию 15 человек.

...Чуть свет 29 июля мы уже на ногах. Абушкевич обзванивает дивизионы, вызывает на КП полка молодых членов партии. Сегодня для них самый торжественный день — начальник политотдела дивизии будет вручать партийные документы.

В землянку входит Ляпунов. Поздоровавшись, он с радостью сообщает:

— Не справляемся с выдачей документов. Очень большой поток вступающих в партию.

— Это хорошо, — откликается Абушкевич. — В начале войны у нас во всем полку было только двадцать коммунистов.

— В сорок первом у меня в дивизионе было лишь девять человек. А сейчас в каждой батарее десять — двенадцать коммунистов. В третьей — девятнадцать, — говорю я.

— Не забыл Красницы-то? — спрашивает меня Ляпунов.

— Как можно забыть? Трудно было.

— Верно, трудно. — Ляпунов провел рукой по выгоревшей в знойных степях шевелюре. — На этом плацдарме тоже нелегко. И все же не то, что было под Тихвином. Другие времена, другие песни. Вот и на Курской дуге гонят наши фашистов.

— А у нас левый сосед, кажется, немного дрогнул, — заметил я. (До нас уже дошли сведения о трудном положении 2-й гвардейской армии.)

— Да, второй тяжело. Основной удар пришелся по ней. Сюда переброшены две танковые дивизии: «Райх» и «Мертвая голова».

— На Волховском многие из «Мертвой головы» действительно стали мертвыми, — снова замечаю я.

— Есть данные, что фашисты перебрасывают сюда танки из африканской армии Ромеля. Даже без перекраски в зеленый цвет.

— Встретим и «тигров пустыни». — Я сразу же наметил план работы на день. — Обойду сегодня все дивизионы, проинструктирую политсостав. Проведем еще раз беседы о немецких танках.

— Одобряю. Теперь показывай отличившихся. — Ляпунов пояснил: — После обеда я назначил выдачу документов в полку Коковихина.

Здесь следует заметить, что в политдонесениях, в статьях дивизионной газеты полки назывались по фамилии замполитов. К этому привыкли. Майор Коковихин был замполитом 8-го гвардейского полка.

На дне балки Сметанина в тени кустов сидят солдаты, сержанты и офицеры, пришедшие получить партийные документы. Ребята прихорошились. У всех подшиты свежие подворотнички.

Фотограф политотдела, высокий, немного нескладный солдат, хлопотливо устанавливает экран для фотографирования. Мне хотелось бы присутствовать при вручении партбилетов, но день обещает быть напряженным. С утра надо обязательно побывать в 4-й батарее, поговорить с лучшим комсоргом дивизиона Василием Голубитченко — предстоит выступить с обзором его работы в политотделе дивизии.

Ляпунов словно бы угадывает мои мысли:

— Ты, Валериан, делай свое дело. Твое присутствие не обязательно.

— Есть!..

Через полчаса я был уже на огневой позиции 4-й батареи. Отсюда до переднего края каких-нибудь триста метров. На нашем участке еще тихо. Но левее нас, там, где находятся части 2-й гвардейской армии, уже кипит горячий бой.

Невольно окидываю взглядом передовую. Хорошо видна конусообразная, похожая на египетскую пирамиду, вершина Саур-могилы. Об этой горе сложены легенды. Говорят, ее насыпали казаки, уходившие с родного Дона на войну. Есть и другая легенда, связанная с походом Батыя на Киев. Но мне хочется верить первой — она както созвучнее русскому сердцу.

У подножия горы оборонительные линии врага. Их пытаются преодолеть 34-я и 40-я дивизии нашего корпуса.

Правее Саур-могилы, дальше к северу, маячат терриконы города Снежное. Самого города не видно, до него далеко еще, но к нему уже приковано внимание наших войск — взяв Снежное, мы откроем ворота в Донбасс.

Возле орудия Голубитченко сидят молодые батарейцы. Я подошел к ним. Голубитченко подал команду:

— Товарищи комсомольцы!

— Продолжайте, друзья.

— Мы уже заканчиваем, товарищ майор. Остался один вопрос: прием в комсомол Самата Маматкаримова. Как решим, ребята?

Самат Маматкаримов отличился в последних боях. Он хочет быть членом ВЛКСМ.

— А что тут решать? — заметил Чистохвалов. — Маматкаримов рядом со мной в расчете. Молодец. Хорошо действует. Голосуй, Вася. Я за то, чтобы принять.

Комсомольцы дружно проголосовали. Голубитченко обнял Маматкаримова:

— Теперь ты комсомолец, Самат. Вместе с нами.

Я попросил слова. В нескольких словах рассказал о боях на Курской дуге, о положении на нашем участке, о появлении новых танковых дивизий противника.

— Раз наши научились бить фашистов на Курской дуге, будем и мы следовать их примеру, — горячо сказал Голубитченко. — «Тигров» нам еще не приходилось бить, но если они появились здесь, научимся на практике. Подпустим поближе, проверим их крепость. В общем, ребята, выносим резолюцию: ни шагу назад.

К нам подошел старший на батарее лейтенант Щербаков.

— Передали с НП: фашисты начинают атаку. Разрешите дать команду к бою?

— Разрешаю.

— По местам!..

Весь день батареи полка вели огонь. Было отбито восемь атак. Даже поздно вечером гитлеровцы пытаются пробить брешь в обороне дивизии. Град немецких снарядов обрушивается на огневые позиции полка. Но и эта попытка оказалась безрезультатной.

— Ну вот, еще один день закончился, можно сказать, удачно для нас, — вздохнул Писанко, когда мы собрались вечером на КП полка.

Повар Епимахов приносит ужин. Это и обед в то же время. Днем не было времени думать о еде. Подождав, пока уйдет Епимахов, Писанко продолжает:

— Положение во второй гвардейской ухудшилось. Только что говорил с командиром дивизии. Он сообщил, что фашисты вклинились в ее оборону на несколько километров.

Мы с Минчонком переглянулись. Если завтра 2-я гвардейская опять начнет отходить, наше положение на плацдарме станет совсем плачевным.

— Завтра будет труднее, чем сегодня. Есть предположение, что гитлеровцы предпримут наступление на наш корпус. Менять огневые не будем. Все равно не успеем. Встретим врага как положено. Не отступим ни при каких обстоятельствах. Так, комиссар?

Я понял, почему Писанко назвал меня по-старому. Это значит, что он целиком полагается на коммунистов.

— Так. Ночью проведем собрания коммунистов и комсомольцев. Повестка дня: ни шагу назад. Все политработники будут на главных участках боя.

— Эх, свежий бы корпус сюда! — вырвалось у Минчонка. В последние дни Михаил Устинович осунулся, почернел. Большие, немного выпуклые, серые глаза смотрят устало. — Дали бы мы фашистам жару.

— Будем драться, надеясь только на свои силы, — хмуро ответил Писанко.

Ночью иду на НП 2-го дивизиона. Главный удар гитлеровцы нанесут, вероятнее всего, в стыке между 8-м и 11-м стрелковыми полками. Там стоят наши 1-я и 4-я ба-

тареи. Вот и землянка Бородина. Открываю плащ-палатку, повешенную вместо двери. Светится чуть заметный огонек. Бородин лежит, укрытый шинелями. Возле столика сидят парторг старшина Ардышев и военфельдшер Сергей Плехов.

— Что с ним?

— Заболел. Вот уже несколько дней. Температура за тридцать восемь. А в санчасть не хочет идти, — докладывает Плехов.

— К утру встану как миленький, — тихо ответил Бородин. — Грипп, видимо, подхватил.

— Иди в санчасть, Михаил.

— Не время сейчас.

Выхожу из землянки. Кругом тишина. Даже трудно поверить, что через несколько часов эту тишину снова взорвет грохот орудий и бомб, рев самолетов.

Возле НП на земле спят разведчики и связисты, мои старые друзья: Залесский, Дубина, Михеев.

Ткачук выглянул из землянки.

— Товарищ майор, вас к телефону.

Замполиты дивизионов доложили, что собрания проведены, настроение у всех хорошее. Сейчас все отдыхают. Все, кроме политработников, хотя и они участвовали в бою наравне со всеми. Вечером они проводили беседы, собрания, позаботились о том, чтобы к утру было доставлено питание, подвезены снаряды. А ночью, оставаясь добровольными дежурными в своих подразделениях, дают возможность отдохнуть командирам. Утром же вместе со всеми снова в бой. Если потребуется — встанут к орудию, будут подносить снаряды. Они, конечно, такие же, как и все. Им тоже нужен отдых. Но у политработника всегда есть запас жизненной энергии, позволяющий ему вести себя вот так, с дополнительной нагрузкой на свои физические силы. Этот запас жизненной энергии именуется партийным долгом перед Родиной, перед своими товарищами. Политработники просто не могут поступать иначе.

Сейчас они находятся там, где больше всего необходимо их присутствие. Горелов говорил со мной с огневой 1-й батареи. Туда же ушел комсорг полка старший сержант Молчанов. 1-я батарея на прямой наводке на высоте 211,5. Это один из ответственных участков нашей обороны. Иванов в 5-й батарее. Командир батареи старший лейтенант Сигов только что назначен на эту должность,

и ему нужна помощь. Ардышев будет с 4-й батареей. Она стоит рядом с НП на прямой наводке и тоже на главном направлении вражеского удара. Алексеев в 7-й батарее. Туда же, в 3-й дивизион, ушел и Абушкевич.

Солнце еще не вышло из-за горизонта, а Писанко уже ведет разговор с командирами подразделений. Сейчас связь в полку налажена так, что можно говорить сразу со всеми. Прислушиваюсь. Писанко спрашивает командира 1-й батареи старшего лейтенанта Чернышева:

— Как дела?

— Нормально, товарищ «тридцать девятый». Ночью ребята принесли несколько ведер воды. Так что хорошо освежились. Сейчас все на ногах.

— Сегодня будь начеку. У фашистов появились новые танковые части. Могут быть и «тигры».

— Мы готовы. Ночью пополнили запас подкалиберных.

Анатолий Яковлевич Чернышев командует 1-й батареей с января 1943 года. Личный состав подразделения знает хорошо. В боях за Россошанку проявил личную храбрость. На него можно положиться. В любой обстановке не растеряется.

После разговора с командиром полка Чернышев еще раз обошел орудийные окопы, придирчиво осмотрел пушки, поговорил с солдатами и сержантами, предупредил их:

— Сегодня ожидается атака немецких танков на нашем участке. Будут и «тигры». Нам еще не приходилось встречаться с ними. Но ни один фашист не должен прорваться на высоту. Это наша ключевая позиция.

Комсорг Молчанов беседовал с комсомольцами батареи.

— Ну, ребята, драка будет такая, что только держись. Позавчера и вчера гитлеровцы потеснили вторую гвардейскую. Сегодня полезут на нас.

— Ну и что? — пылко ответил сержант Чентария, командир 3-го орудия. — Встретим. Будем драться как положено. С высоты не уйдем.

Обойдя батареи, Чернышев вышел на самый бугор, где был вырыт окопчик его НП. Отсюда хорошо просматривалась вся местность. Высота 211,5 — господствую-

щая. Значит, кто владеет ею, у того в руках ключ к победе.

Перед батареей — большое поле, засеянное кукурузой. Издали зеленая масса, подернутая синеватой дымкой, казалась застывшими волнами моря. Левее виднелась позолоченная лучами утреннего солнца Саур-могила. Правее высоты — большая лесистая балка. Отсюда надо ждать выхода вражеских танков.

Прошло с полчаса. Недалеко от позиции 1-й батареи начался бой. Чернышев подумал, что главный удар враг опять наносит по 2-й гвардейской армии. По гулу можно было предположить, что неприятель уже теснит левый фланг нашего корпуса. Чернышев соединился по телефону с Писанко и доложил свои соображения.

— За левый фланг вы не беспокойтесь, — ответил Писанко. — Тридцать четвертая и сороковая дивизии держатся крепко на своих позициях.

Из глубины балки глухо ударила вражеская артиллерия. Возле высоты разорвалось около десятка снарядов.

— Началось и у нас, — доложил Чернышев.

Через несколько минут вся высота покрылась дымом. Мне с огневой позиции 4-й батареи хорошо видно, как в этом дыму появляются частые вспышки разрывов. И все же я отмечаю, что неприятель не может создать такого массированного огня, какой был у нас 17 июля.

Писанко передал по телефону:

— Полк, внимание! По фашистским батареям...

Гаубицы сразу же включились в бой. Вся передовая затянулась дымом. Около часа длилась артиллерийская канонада. Как ни старался враг подавить наши огневые точки, батареи продолжали интенсивную стрельбу.

И как обычно, гитлеровское командование бросило на нас авиацию. Девятнадцать Ю-87 построились в круг над высотой 211,5. Вторая группа — пятнадцать штук — стала кружить над передним краем 11-го стрелкового полка.

Беру трубку телефона. Слышу тревожный голос Писанко:

— Держитесь, товарищи! Наблюдайте за полем. Сейчас появятся танки.

Вот они в самом деле вылезают из балки. Казалось, по полю ползут большие неуклюжие черные жуки. Два, пять... десять... пятнадцть... двадцать девять... И все держат курс на 1-ю батарею.

Подвижной заградительный огонь гаубиц трех батарей полка на какое-то время задержал продвижение вражеских танков. Открыла огонь и 1-я батарея.

Шейко подбил танк.

— Одним стало меньше! — крикнул Дженабаев своему расчету. — Давай, Шейко...

Он недоговорил. Рядом с орудием разорвался снаряд. Шейко, охнув, привалился к панораме. Дженабаев оттащил товарища в ровик и сам встал к панораме. Подбитый танк продолжал вести огонь.

Несколько выстрелов, и машина загорелась.

— Сейчас еще сниму...

Дженабаев всегда отличался точностью наводки. Быстро развернув орудие, он поймал в перекрестие вторую машину и стал ждать, когда она подставит свой бок.

Но он не успел выстрелить — возле орудия опять разорвалось несколько снарядов. Дженабаев упал. Через несколько минут он открыл глаза. Санинструктор Булатов перевязывал ему грудь.

— Идти можешь? В балке санчасть.

— Как орудие? Цело? — с усилием спросил Дженабаев. Заметив, что Булатов утвердительно кивнул головой, ответил: — Однако, не пойду. Буду стрелять. Где ребята? Ранены? Давай снаряды.

Вскоре командир второго орудия сержант Тужиков подбил еще один танк.

Вражеские машины опять начали маневрировать по фронту. Одна из них вдруг вырвалась вперед и устремилась к высоте. На какое-то мгновение она подставила свой бок. Командир 3-го орудия Чентария крикнул наводчику Лубину:

— Бей фашиста, не зевай!

Грянул выстрел, танк остановился. Остальные, ведя огонь, начали отходить. Ранило Тужикова и Лубина. Опять появились Ю-87.

Над высотой снова грохот бомб.

Через полчаса Чернышев опять доложил:

— Бомбили нас. Два орудия вышли из строя. Убито четыре человека, ранено девять. Но мы будем держаться.

— Держись, Чернышев. Сейчас вышлю вторую батарею.

В это же время 4-я батарея отбивала атаку 15 вражеских танков. И здесь фашисты применили ту же тактику.

Танки шли осторожно, словно нащупывали огневые позиции наших пушек. Бородин приказал командиру батареи старшему лейтенанту Костоломову подпустить танки на расстояние прямого выстрела и только тогда открыть огонь.

— Так будет наверняка.

И Костоломов ждал. Вот несколько танков подошли совсем близко. До них метров пятьсот — не больше.

— Огонь!

Первыми же залпами подбили две машины. Остальные, отстреливаясь, начали пятиться. Костоломов продолжал вести огонь. Но дистанция становилась все больше и больше. И когда танки были уже далеко, как-то сразу задымили еще три из них.

— Это не мы подбили, — доложил Костоломов, внимательно осмотрев поле боя. — Это бронебойщики действуют.

Как выяснилось потом, Костоломов сообщил правильно. Бронебойщики 11-го стрелкового полка быстро приспособились к тактике вражеских танкистов и организовали самую настоящую охоту за их машинами. Маскируясь в кукурузном поле, бронебойщики короткими перебежками подбирались к танкам на близкое расстояние и расстреливали их в упор.

...Чернышев собрал остатки батареи. Нераненых осталось только четверо: он сам, разведчик Кириллов, командир взвода лейтенант Галашов да санинструктор Булатов. Но многие из раненых не пошли в санчасть, остались возле орудий.

К ним пришла помощь. На высоту быстрым шагом поднялись двенадцать бронебойщиков из 8-го стрелкового полка.

— Велели занять огневую позицию здесь, — доложил старший сержант, командир бронебойщиков. — Будем охотиться за немецкими танками. Где нам лучше обосноваться?

— Становитесь, ребята, рядом. — Чернышев повеселел от такого подкрепления. — Живем!

Вечером на высоту пришла 2-я батарея. Но бой уже затихал. Чернышев похоронил погибших: сержанта Мамию Чентария, солдат Черняева, Колесника и Федорова. Раненых отправил в санчасть. Командир полка приказал Чернышеву идти в тыл полка, получить новую матчасть.

Поздно вечером мы подвели итоги дня. Все атаки врага отбиты. Дивизия не отступила ни на шаг. Наш полк уничтожил 12 танков, свыше 600 гитлеровцев.

Связисты штабной батареи принесли мертвого Моисеенко. Во время обхода линии связи с 1-й батареей его ранило. Но он все же нашел порыв, однако связать концы провода у него не хватило сил. Тогда Моисеенко взял концы в зубы и крепко сжал их. Так он и умер, держа связь НП полка с 1-й батареей.

Ночь прошла тревожно. Никто не спал. Восстановили разрушенные за день орудийные окопы.

31 июля и 1 августа мы отражали беспрерывные атаки вражеских танков и пехоты. Оба дня над нашими позициями висели неприятельские самолеты. В ряде мест фашистам удалось вклиниться в оборону дивизии. Около 15 танков прорвалось к высоте 128,1. Создалось угрожающее положение. Овладей гитлеровцы этой высотой, они вышли бы к реке Миусс и разрезали оборону дивизии на две части. Пехота 11-го полка не выдержала натиска и стала отходить к реке. Писанко выдвинул навстречу танкам два орудия 5-й батареи. Старший лейтенант Сигов с ходу развернул их. Артиллеристов было мало, всего лишь десять человек, но они отважно встретили танки врага. В короткой схватке было уничтожено три машины, остальные повернули обратно. В этом бою сержант Золотарев подбил два танка. Почти все батарейцы получили ранения, а их командир, старший лейтенант Сигов, погиб.

Поздно вечером 1 августа Писанко срочно вызвал на свой КП командиров дивизионов. Он только что вернулся из штаба соединения. Вид у него хмурый. С минуту сидел понуря голову, что-то обдумывая. Потом провел рукой по волосам, будто успокаивая себя.

— Вторая гвардейская армия отходит на старые рубежи, — хрипло произнес командир. — Тридцать четвертая и сороковая гвардейские дивизии нашего корпуса остались с оголенным флангом и тоже отходят. Комдив приказал полку отходить, прикрывая огнем пехоту. Четвертая и седьмая батареи снимаются первыми и занимают огневые позиции возле Дмитриевки, остальные в полночь следуют в район прежних позиций. К шести утра все подразделения должны быть готовы к открытию огня. Седьмая батарея, пропустив пехоту дивизии на левый берег реки Миусс, переходит на прежние позиции. Четвер-

тая остается на прямой наводке до особого распоряжения. Задача: не допустить врага к мосту через реку. Действуйте.

Приказ был выполнен точно и в срок.

3 августа гитлеровцы пытались переправиться через Миусс, но под огнем батарей повернули вспять. Пехотные полки соединения в тот же день ушли в район Дьяково.

4 августа и мы сдали свой район артполку 151-й стрелковой дивизии.

Первое время после отхода с плацдарма настроение у нас было неважное. Кажется, все силы приложили к тому, чтобы пробиться в Донбасс, солдаты дрались с невиданным упорством, а результат наступления вон какой... Утешало только одно — наше наступление было большой помощью войскам на Курской дуге. Гитлеровские части, которые дрались здесь, могли бы оказаться там.

13 августа состоялось полковое партийное собрание. Коммунистов у нас стало много: 125 членов и 135 кандидатов в члены партии. Мы подробно разобрали действия каждой батареи в июльских боях. Выступавшие в прениях по докладу майора Писанко, отмечая высокий боевой дух солдат, сержантов и офицеров, говорили и о недостатках в организации обеспечения боя.

Прощаясь с нами, полковник Ляпунов сказал:

— Готовьтесь. Скоро опять начнем наступать.

И он оказался прав — ночью 17 августа полк занял боевой порядок в первой линии, а утром — снова залпы орудий. Кое-где гитлеровцы попытались было открыть ответный огонь, но наши батареи сразу же подавили их. Едва артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника, как пехотные части нашей дивизии ринулись вперед. Первая и вторая траншеи врага были заняты без сопротивления.

Писанко перекинул все 76-миллиметровые орудия в боевые порядки стрелковых батальонов. С закрытых позиций стреляли только гаубичные батареи.

В первый же день наступления дивизия овладела населенными пунктами Мариновка и Федоровка. Таким образом, за один день была решена задача, которую мы не смогли выполнить за 15 дней июльского наступления.

Гитлеровское командование еще раз сделало отчаянную попытку остановить советские войска. Против нашей дивизии оно бросило новые части. Появились танки и авиация. И все же эти контратаки были не такими, как в июле. Они всякий раз захлебывались под ударами нашей артиллерии.

— Июль был хорошей школой для нас, — отметил Писанко.

Верно, мы стали более опытными. Полк к тому же перешел на механическую тягу — почти все батареи получили автомашины марки «Студебеккер». Маневренность значительно возросла.

2-я гвардейская армия, словно исправляя ошибки июльских боев, стремительным ударом освободила Таганрог и большое количество населенных пунктов. 1 сентября части 5-й Ударной армии окончательно сломили сопротивление врага и раскрыли ворота Донбасса.

3 сентября части нашей дивизии вышли на южную окраину города Орджоникидзе. На улицах — толпы народа. Радостные возгласы, поцелуи. Каждого зовут в хату, где уже накрыт стол с угощением.

Комдив приказал сформировать подвижной отряд на автомашинах. С ним пошла 7-я батарея полка. Уехал и парторг Абушкевич.

Отступая, фашисты жгут города и деревни. И мы торопим солдат:

— Быстрее, быстрее! Не дадим врагу жечь Донбасс!

Подходит вечер. Багровый шар солнца словно торопится скрыться в клубах дыма. Он везде, этот дым, темно-синий, почти черный, дым пожарищ.

Севернее нас идет бой. Гулко ухают пушки, рвутся снаряды. Наш правый сосед — 40-я гвардейская дивизия — спешит выйти к городу еще до наступления потемок.

Торопимся и мы. Передовые отряды дивизии на автомашинах нашего артполка и тыла дивизии уже переброшены поближе к городу Сталино. Сейчас машины вернулись за орудиями конных батарей. На первую садится майор Минчонок. Дает сигнал:

— Тронулись!

Сажусь в кабину вместе с командиром орудия старшим сержантом Юдиным. У меня с ним свой разговор.

— Яков Иванович, у партбюро есть мнение возложить на вас обязанности парторга батареи. Как думаете?

Юдин смущается.

— Не рановато ли, товарищ гвардии майор? Справлюсь ли?

— На первых порах поможет капитан Абушкевич. Научит вести партийное хозяйство. А работать с людьми вы давно уже умеете.

Машины идут полным ходом. Юдин, прежде чем дать окончательный ответ, свертывает толстую цигарку.

— Разрешите курить?

Неожиданно справа от нас загрохотала артиллерия. Возле дороги стали рваться снаряды. Идущая впереди автомашина съехала в кювет, завалилась набок. Из кузова выпрыгивают солдаты, что-то кричат. Наш шофер резко затормозил. Мы с Юдиным выскакиваем из кабины.

— Расчет, к бою! — командует Юдин.

Батарейцы быстро развертывают орудия. Прогрохотал второй вражеский залп. Разрывы снарядов впереди нас — недолет. Определяем, откуда бьют гитлеровцы. Юдин подает команду открыть огонь.

Через несколько минут неприятельские пушки замолкли. От первой автомашины к нам бежит Минчонок.

Шофер докладывает:

— Пробило мотор. Повреждено переднее колесо.

Солдаты не пострадали. Они уже откатывают пушки за дорогу. Минчонок говорит командиру орудия:

— Пока стойте тут. Если гитлеровцы еще раз начнут обстрел, открывайте огонь. Из Сталино пришлю за вами автомашину...

И снова вперед. Около полуночи подъезжаем к городу. Там идет ружейная перестрелка. Изредка бьют орудия. Развертываем к бою и мы свои батареи. Здесь, по нашим данным, должны действовать 3-й и 11-й гвардейские полки нашего соединения.

Бой за город шел всю ночь. В журнале боевых действий дивизии появилась краткая запись: «7.9 1943 года. В 23.30 3-й гвардейский стрелковый полк вышел на западную окраину города Сталино; 8-й гвардейский стрелковый полк вышел в тыл узлу сопротивления противника в районе высоты 252,0, атаковал и в 5.00 8 сентября взял ее; 11-й гвардейский стрелковый полк в 1.30 8.9 вышел на северо-западную окраину города и овладел станицей Сталино» *.

* Архив МО СССР, ф. 1052, оп. 1, д. 49, л. 45.

Передовой отряд дивизии ушел далеко вперед, внося панику среди отступающих вражеских частей. Схватки отряда с фашистами были скоротечными. Успех боя решала быстрота. Вот несколько эпизодов.

Два орудия 7-й батареи достигли деревни Корсун, где большая группа гитлеровцев готовилась к обороне. Пушки стремительно развертываются к бою. Автоматчики и орудийные расчеты спрыгнули с автомашин. Через полминуты оба орудия открыли огонь. Несколько выстрелов, автоматчики развертываются в цепь... Гитлеровцы, не приняв боя, в панике оставили деревню.

К орудиям сразу же подошли автомашины. И снова погоня. Возле села Петровское фашисты попытались организовать сопротивление. Группа человек в 200, поддерживаемая танком и самоходной установкой «фердинанд», перешла в контратаку. Но «фердинанд» не сделал ни одного выстрела. Наводчик Алексей Шевцов успел упредить врага. Самоходная установка взорвалась. Не ушел и немецкий танк.

Вражеские артиллеристы торопливо прицепили к машине автоматическую пушку, чтобы увезти ее, но Шевцов и тут не промахнулся. Единственный солдат, оставшийся в живых, сдался в плен нашим батарейцам.

...По всем дорогам мчатся автомашины с орудиями и пехотой, торопятся к Днепру. Сплошного фронта нет. Часто бывает так, что передовые отряды действуют далеко впереди, а основным силам снова приходится выбивать врага из тех же населенных пунктов, через которые прошли наши передовые группы. Именно такой случай произошел с нами у хутора Роскошное.

Штаб полка выехал вперед. Новый начальник штаба майор Василий Запарованный каждой батарее передал маршрут дальнейшего движения (стрелковые полки нашего соединения остались во втором эшелоне, а нас, артиллеристов, переподчинили 40-й гвардейской дивизии). Вот уже последняя — 4-я — батарея достигла хутора и направилась к Октябрьфельду. Севернее Роскошного, примерно в километре от него, появилось около двухсот человек. Высокие стебли кукурузы мешали разглядеть, что это за люди. Вслед за первой группой показалась вторая, затем третья.

Наблюдая в бинокль, Запарованный увидел кургузые пилотки, длинные, без ремней, шинели. Это были враже-

ские пехотинцы. Правее их появились танки. На одном из них отчетливо виден белый крест.

— Ну, Василий Кононович, что будем делать? Повернем назад или поедем вперед, к батареям? — спросил я.

Запарованный неопределенно пожал плечами. В это время на окраину Роскошного влетели два виллиса. Из первой машины выскочил командир нашего корпуса генерал А. В. Утвенко. Он отдал какое-то распоряжение офицерам, сидевшим во второй машине, и она сразу повернула обратно.

Утвенко подошел к крайнему домику, стал внимательно наблюдать за вражеской колонной. Примерно пятьдесят наших пехотинцев с двумя пулеметами заняли на северной окраине хутора оборону. Запарованный собрал своих штабников и тоже приготовился к бою.

В районе Октябрьфельда началась стычка. В колонне неприятеля вспыхнули разрывы снарядов.

Орудийная канонада продолжалась минут двадцать. Одна из вражеских групп изменила направление и пошла прямо на нас. Командир корпуса куда-то уехал.

— Сейчас пришлет какую-нибудь часть, — заметил Запарованный. — А пока мы попытаемся задержать фашистов.

Но драться не пришлось. С юга из-за придорожной лесопосадки вылетели три кавалерийских эскадрона, а за ними — три конные батареи.

Батареи конников на полном скаку обогнали эскадроны и быстро развернулись для боя. Семь-восемь фашистских танков, скрывавшихся в кукурузе, открыли по ним огонь.

Недалеко от нашей обороны эскадрон стал развертываться для конной атаки. Кто-то крикнул:

— Фашистские самолеты!

Девятка «юнкерсов» шла по направлению к Роскошному. Молоденький офицер вылетел вперед, выхватил из ножен шашку и крикнул:

— Черт с ними, с самолетами. В атаку!

Красивое зрелище — атака конников. С восхищением наблюдаем мы за мчащимися на врага лихими кавалеристами. Гитлеровцы не выдерживают, поворачивают вправо, бегут в балку. Но с севера их встретила огнем наша подоспевшая пехота. Мало чего достигли и вражеские бомбардировщики. Конники растеклись по всему полю, и

бомбы не причинили им вреда. Все это произошло буквально в несколько минут.

Ждать конца боя мы не стали. Проезжаем Октябрьфельд. На дороге стоят две обгорелые автомашины и две гаубицы 6-й батареи.

— Наскочили на засаду немецких танков, — докладывает командир взвода. — Погибли командир батареи старший лейтенант Байбарышев, командир первого огневого взвода старшина Безлюдный и солдат Тарасов. Ранено шестеро рядовых и арттехник дивизиона Заболотнов.

Как же это произошло?

Байбарышев вел свою батарею вслед за 7-й, поэтому не особенно обращал внимание на окружающую обстановку. Да ничто и не предвещало схватки с гитлеровцами. 7-я батарея спокойно прошла Октябрьфельд, 6-я же остановилась там — ждали автомашину с Безлюдным, вызванным в штаб полка за направлением в артиллерийское училище.

Через полчаса Байбарышев подал команду двигаться дальше. Проехали больше километра. И вдруг из лесопосадки, что виднелась справа от дороги, открыли огонь неприятельские танки. Первыми выстрелами были подожжены автомашины, на которых ехали Байбарышев и Безлюдный.

Командир 2-го огневого взвода крикнул шоферу своей машины:

— Жми вовсю. Проскочим!

Проехав с полкилометра, взвод развернулся для боя. Солдаты, сидевшие на двух первых автомашинах, не растерялись. Они успели выскочить из кузовов, отцепили гаубицы, откатили их от горящих машин, сбросили ящики со снарядами.

Заболотнов принял команду над орудийными расчетами.

Вражеские танки находились близко, в посадках обнаружить их можно было только по вспышкам выстрелов. А гаубицы стояли на самом бугре, видные отовсюду. Орудийные расчеты выстрелили несколько раз по посадке, но второпях не попали в танки. Через несколько минут неприятельские танкисты вывели обе гаубицы из строя. Заболотнов и шесть бойцов были ранены.

Танки повернули пушки против 2-го огневого взвода. Но взвод опередил фашистов — подбил две машины. Ос-

тальные скрылись в посадке, затем вышли в тыл 7-й батарее и так же неожиданно открыли огонь. Одна автомашина загорелась.

Солдаты 7-й батареи, привыкшие в передовом отряде ко всяким неожиданностям, встретили танки сильным огнем и подбили еще два.

В последних боях полк потерял около десятка автомашин, в том числе четыре студебеккера. Поэтому Писанко перевел 4-ю батарею опять на конную тягу.

Пройдя хутор Октябрьфельд, Г. А. Костоломов вынужден был сделать остановку для кормежки и отдыха лошадей. Услышав грохот орудий возле хутора Роскошный, он понял, что какая-то группа противника, не успев вовремя удрать из района Макаровка — Новоадаровка, теперь пытается пробиться на запад, но повсюду натыкается на наши наступающие части. Между Октябрьфельдом, Роскошным и Новоадаровкой лежала большая низина, местами поросшая кустарником и мелким лесом. Костоломов, прислушиваясь к грохоту орудий, пришел к выводу, что, вероятнее всего, противник будет пробиваться на запад через Октябрьфельд. И он принял решение занять боевой порядок и встретить врага огнем батареи.

Через полчаса батарея была готова к бою. Посланный на разведку старший сержант Гузеев вернулся и подтвердил опасения командира.

— В кустарнике, недалеко от Роскошного, сосредоточиваются танки и пехота гитлеровцев, — сообщил он.

— Батарея, к бою! — скомандовал Костоломов. Посмотрев на стоявшего рядом командира первого орудия старшего сержанта Голубитченко, добавил: — Вот и пришлось встретиться с танками врага, хотя мы и на конной тяге. Теперь жди...

Ждать пришлось недолго. Головной танк, ломая кустарник, выскочил из леска и понесся к западной окраине хутора, который недавно прошли 6-я и 7-я батареи. За первым показалось еще шесть танков.

Батарейцы слились с орудиями. Видно, как бешено крутятся гусеницы головного танка с большим черным крестом на башне.

— Огонь!

Орудия коротко подпрыгивают, звонко лязгают латунные гильзы, вылетевшие из казенников. Бойцы быстро зарядили орудия.

Второй залп — и головной танк осел на один бок, потом бешено крутнулся и остановился. Его пушка стала медленно поворачиваться в сторону батареи. Костоломов крикнул:

— Голубитченко! Бей в башню подкалиберным. Не давай ему выстрелить.

Одновременно с Голубитченко орудие Коростелева ударило по последнему танку. Снаряд попал в основание башни и заклинил ее. Вторым снарядом Коростелев поджег машину. Теперь все танки оказались как бы в огненных клещах. Костоломов уже не подавал команды. Он понимал, что сейчас каждый командир орудия и без него знает, что делать.

— Так их, Вася, круши, Степан! Давай, комсомол! — по-узбекски и по-русски кричал обычно неразговорчивый Маматкаримов, подтаскивая снаряды.

Один из пяти танков, развернувшись, открыл по батарее огонь. Костоломова ранило. Командование принял лейтенант Б. И. Кожушко. Ему шел только двадцать первый год, и командиром взвода он стал всего лишь месяц назад.

— Еще один есть, задымил! — воскликнул сержант Коростелев.

Четыре танка, отстреливаясь, отошли назад, а затем повернули в сторону Новоадаровки. В завязавшемся бою орудийный расчет сержанта Дженабаева подбил две машины. Но и сам сержант был тяжело ранен и, не приходя в сознание, умер.

К месту боя подошли остальные орудия батареи. Два танка гитлеровцев снова повернули в лес.

К вечеру того же дня 4-я батарея с трудом дотащилась до небольшого хутора Санжаровский, где мы должны сделать остановку на ночь. Командира полка там не было. Лишь на другой день я нашел его северо-восточнее хутора Зеленый Гай.

Впереди лежало кукурузное поле, ограниченное с востока и запада лесопосадками. В ста метрах от западной посадки густо дымил «фердинанд». Второй полыхал пламенем на середине поля. Обе самоходки подбил старший сержант Васильев. Сам он тоже погиб.

— Один из самых опытных командиров орудий, — произнес Писанко во время похорон Прокопия Прокопиевича Васильева. — Полтора года командовал расчетом. Как жаль терять таких людей...

А мне вдвойне жаль: Васильев был еще и парторгом 2-й батареи.

Командиром орудия Писанко назначил наводчика сержанта Федорова.

Во второй половине дня батальон 40-й гвардейской дивизии подошел к окраине Зеленого Гая. Орудие Федорова шло вместе с батальоном. Возле хутора пехотинцы залегли, прижатые к земле огнем пулеметов противника.

Федоров под обстрелом выкатил пушку на прямую наводку и несколькими выстрелами подавил вражеский огонь.

Через полчаса мы были уже в Зеленом Гае.

А 19 сентября 1-й дивизион ворвался в город Орехов, где застряли неприятельские обозы. Минчонок и капитан Березуев развернули орудия и открыли огонь вдоль улиц. Гитлеровцев обуяла паника. Однако, установив, что в эту часть города вошли одни артиллеристы, они начали просачиваться через сады к орудиям. Артиллеристам пришлось взяться за автоматы и пулеметы. Два раза немцы ходили в атаку, но никакого успеха не добились. А когда в Орехов вошли стрелковые полки нашей дивизии, немцы поспешно отступили.

Вскоре над городом появилось сорок бомбардировщиков Ю-87. Бомбежка нанесла весьма ощутимый урон: погибло шесть рядовых и два офицера, ранило заместителя командира 2-го дивизиона по политчасти капитана А. И. Иванова и семь солдат. В 1-м дивизионе был разбит обоз...

До Днепра оставалось около тридцати километров. Писанко уже отдал распоряжение: готовить подручные средства для переправы разведчиков. Но форсировать Днепр нам не довелось: наш корпус был повернут на юг, на прорыв «линии Вотана» — вражеской обороны у реки Молочная.

«Линия Вотана» была основательно укреплена целой системой траншей, отдельных узлов сопротивления с бетонными колпаками. Взять ее с ходу не представлялось возможным, тем более что наши части подошли к ней уже основательно измотанными. В стрелковых полках дивизии не хватало людей. В нашем артполку не было и

половины личного состава. Во 2, 6 и 7-й батареях осталось только по два орудия, в остальных — по три.

Вражеское командование стремилось во что бы то ни стало сохранить за собой Таврию, а значит, и Крым, поэтому оно сосредоточивало на «линии Вотана» свежие силы. Так, перед фронтом нашей дивизии оказалась 101-я пехотная дивизия, недавно переброшенная сюда из Франции. Большие группы неприятельских самолетов бомбили город Орехов и прифронтовые деревни. Ночами весь горизонт полыхал заревом пожаров.

К нам прибыло новое пополнение. Писанко приказал приготовить для новичков хороший обед.

— Пусть знают, что пришли в гвардейский артиллерийский полк, — сказал он.

Пока готовится обед, беседуем с вновь прибывшими. Кратко рассказываю им о боевом пути нашей части, о фронтовых делах батарейцев.

Молодой сержант попросил слова.

— Пожалуйста, говори.

Сержант привычным движением поправил чисто выстиранную гимнастерку. Большие синие глаза смотрят открыто.

— Нестерюк Анатолий Алексеевич, — доложил он. — Прибыл из госпиталя. На фронте с первого дня войны. Два раза был ранен. Командовал орудием в истребительном противотанковом артиллерийском полку. Если можно, прошу назначить наводчиком.

— А если командиром орудия? — спросил Писанко.

Видно было, что парень понравился ему с первого взгляда.

— Можно, товарищ гвардии подполковник, — весело отозвался Нестерюк.

Командир подошел к молоденькому пареньку, с улыбкой смотревшему на всех нас.

— Как фамилия?

— Шарашкин Александр.

— Хочешь учиться на наводчика?

— Хочу, товарищ гвардии подполковник.

— Пойдешь в расчет к Нестерюку. Сначала побудешь подносчиком снарядов, а потом, когда научишься артиллерийскому делу, станешь и наводчиком.

— Спасибо.

Писанко идет к пожилому, угрюмому на вид солдату.

— Штепа моя фамилия, — представился тот, неловко переминаясь с ноги на ногу. — Зовут Александром Кирилловичем. На шахте работал. А теперь вот буду фашистов забивать в землю.

Писанко улыбнулся:

— Будешь забивать, товарищ Штепа. Пойдешь орудийным номером в четвертую батарею.

— А меня в разведку назначьте, товарищ гвардии подполковник, — попросил рядом стоявший старшина. — В прежней части я был разведчиком в батарее. Образование среднее. На фронте с начала войны, три раза ранен.

— Пойдешь в разведку, товарищ Любицкий.

Командиру доложили, что обед готов.

— Стройте вновь прибывших и ведите обедать, — приказал Писанко Любицкому.

Новым пополнением мы остались довольны.

Во второй половине октября «линия Вотана» была прорвана. А ведь враг собирался провести здесь зиму, был уверен в прочности своей обороны на реке Молочной. Но ни блиндажи, ни дзоты и бетонные колпаки, ни противотанковый ров и целая система проволочных заграждений — ничто не помогло фашистам.

21 октября в прорыв вошли танковый и кавалерийский корпуса. Гитлеровцы всеми силами стремились закрыть пробитую брешь. Особенно ожесточенный бой разгорелся у маленького хутора Зеленый Гай.

— Опять Зеленый Гай? — удивился Писанко.

— Их на Украине столько же, сколько в России Ивановок, — заметил я.

Борьба за этот хутор продолжалась неделю. Немцы бросали на нас то большие группы «фокке-вульфов» и Ю-87, то танки, в том числе «тигры». Особенно трудно пришлось нашему левому соседу — 34-й гвардейской стрелковой дивизии. На помощь ей командир корпуса несколько раз посылал нашу часть.

Самым тяжелым был, пожалуй, день 26 октября. Погода выдалась ясной, и вражеские самолеты буквально заполонили небо.

Писанко чуть свет ушел на НП, расположенный на восточной окраине Зеленого Гая. Перед уходом Иван Иванович хмуро заметил:

— Сегодня будет решительный бой. Пошли политработников на огневые позиции батарей прямой наводки.

О 1-й батарее можно было не беспокоиться: Анатолий Чернышев — опытный офицер. Командиры взводов лейтенанты Харис Маликов и Николай Галашов также имеют опыт борьбы с немецкими танками. Да и командиры орудий сержанты Толстой и Филиппенко в полку с начала войны.

7-ю батарею недавно принял капитан Л. В. Золотов. Людей он еще мало знает. Однако и тут для беспокойства как будто нет оснований: командир дивизиона капитан Коваль и его замполит майор Алексеев — проверенные фронтовики.

Несколько сложнее положение во 2-м дивизионе. Там много новеньких. 29 сентября приступил к работе новый замполит капитан Андрей Петрович Андреенко. Ему сорок три года. Член партии с 1930 года. Командиры 5-й и 6-й батарей — молодые лейтенанты М. А. Попов и Н. Г. Лебедев. Из старого офицерского состава в подразделении остались только капитан Бородин, лейтенанты Барсуков и Плехов. Значит, прежде всего надо побывать во 2-м дивизионе.

И вот я шагаю в 4-ю батарею. Это юго-восточнее хутора. Левее огневых позиций — длинная, поросшая лесом балка, которая тянется от наших тылов до переднего края вражеской обороны. На северном склоне ее — левый фланг 3-го гвардейского стрелкового полка, на южном — подразделения 34-й гвардейской стрелковой дивизии. Не знаю, чем объяснить, но между нашим левым флангом и правым флангом этого соединения локтевой связи не было. Такое положение накладывало на артиллеристов 4-й батареи дополнительные обязанности — нужно было следить за балкой.

Орудийные расчеты, как обычно, чуть свет были уже на ногах. Чувствовалось напряжение последних дней. При прорыве «линии Вотана» погибли командир отделения разведки старший сержант И. И. Гузеев и четверо солдат, тяжело ранило начальника штаба дивизиона капитана Г. С. Колотыгина.

— Что-то твоя комсомолия не в духе сегодня? — спрашиваю Голубитченко.

Василий протирает пушку. Она у него всегда выглядит как новенькая.

— Немножко приустали. Всю неделю почти без сна. С утра до ночи то бомбежка, то отражение контратак немецких танков. Ну и повымотало.

Подошел командир третьего орудия старший сержант Ф. А. Коростелев. Широкоплечий, коренастый, Федор Антонович был типичным русским крестьянином. На круглом лице небольшой вздернутый нос и маленькие, с припухлыми веками живые глаза.

— Так уж и «повымотало», — насмешливо произнес он. — Всего недельку и не поспали-то. Забыли сорок первый...

— Ничего, — ответил Голубитченко. — Пойдем вперед, и усталость как рукой снимет.

— Это, пожалуй, верно, — согласился Коростелев. — Самое приятное занятие для воина — гнать врага. Наши войска уже форсировали Днепр и успешно продвигаются дальше. Взята Пятихатка. Значит, пора и нам...

Но фашисты пока контратакуют. Их первый удар нацелен сегодня на нашего левого соседа. После основательной обработки переднего края самолетами они двинули против 34-й дивизии около тридцати танков.

По гулу боя мы стараемся определить, как развертываются события. Часто бьет наша артиллерия. Вражеские танки мы не видим, но по вспышкам разрывов догадываемся, что они врываются на позиции нашего соседа.

Прошло около двух часов. Теперь можно определить исход борьбы. На поле боя горят девять немецких танков. Остальные ушли обратно.

— Хорошо стукнули соседи! — восхищенно произнес наводчик орудия Курмахин. — Позавидовать можно.

— Ничего, осталось и на твою долю, — резонно заметил Коростелев. — Скоро полезут и к нам.

Но пока на линии нашей обороны идет самая обычная ружейно-пулеметная перестрелка. Изредка ведут огонь гаубичные батареи, занятые подавлением немецких минометов.

Примерно час спустя с передового наблюдательного пункта батареи передали:

— Появилось девять немецких танков. Два из них — «тигры». За ними идут автоматчики.

Не дожидаясь команды с НП, батарейцы быстро заняли свои места. Открыли огонь полковые пушки. Все поле перед передним краем 3-го полка окуталось дымом.

Но гаубицы 6-й батареи еще молчат. Звоню на НП дивизиона Бородину:

— В чем дело, Михаил Андреевич?

— С командиром полка нет связи, — отвечает Бородин.

— Так чего же ты?..

— Связисты ушли на линию...

— Да не об этом я. Открывай огонь шестой батареей.

— Уже подал команду.

Между наступающими вражескими танками поднялись высокие столбы дыма с характерной кудреватой шапкой. Все в порядке — гаубицы открыли огонь.

Несколько немецких танков подбили пехотинцы. Фашистских автоматчиков, как я узнал позже, очень удачно встретили огнем стрелки 3-го гвардейского полка. Я тогда еще мало знал нового командира этой части полковника А. С. Левина, но уже неоднократно слышал, что Левин не только смелый, но и очень умный командир.

Несколько танков, в том числе оба «тигра», появились в непосредственной близости от нас. 4-я батарея открыла огонь. Первый залп не причинил им никакого вреда.

— Ребята, бронебойные не берут! — кричит Курмахин.

«Тигры» идут напролом. Их пушки бьют по батарее.

— Подкалиберный!

Снова залп четырех орудий по головному танку. Курмахин ликует:

— Взяло! Моя пушка подбила.

Второй «тигр» подошел уже совсем близко. Видно, как крутятся его гусеницы. Вот он вздыбился, поднимаясь на взгорок. Видимо, что-то помешало ему идти прямо на батарею, и он вдруг круто развернулся, подставив батарее свой бок. Залповый удар сразу же поджег его.

Остальные танки стали отходить. Но батарейцы уже не могут стрелять: на позицию навалилось двадцать «фокке-вульфов». Самолеты выскочили со стороны солнца, чуть ли не у самой земли и открыли огонь из пулеметов. Пришлось забираться в ровики. Промчавшись над огневой, «фокке-вульфы» развернулись и снова обрушились на нас.

Но и это не помогло фашистам. Сломив последнюю контратаку немецких танков, наши войска перешли в наступление.

...Мы спешим вперед. Взяты села Бурчак, Волковка, Большая и Малая Белозерки. По всем дорогам навстречу нам идут мирные жители. Крестьянские повозки, ручные тележки, детские коляски, нагруженные домашними вещами, узлами, мешками. Возле них — женщины, старики, дети. Усталые, измотанные, они все же находят силы улыбнуться нам, приветственно помахать рукой.

Неубранные кукурузные поля перепаханы гусеницами танков, разрывами бомб и снарядов. На одном из таких полей стоят два танка, один на другом — внизу немецкий, а на нем — тридцатьчетверка. Она как бы вдавила вражескую машину в землю.

— Хороший памятник нашим танкистам, — сказал кто-то из бойцов.

НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

В первых числах декабря 1943 года 31-й гвардейский стрелковый корпус вышел из боев. 4-я гвардейская дивизия была расквартирована в большом селе Веселое и прилегающих к нему деревнях. В Веселом расположился штаб дивизии и наш артиллерийский полк.

Начались дни мирной учебы. Я не оговорился. Фронт был так далеко от нас, что мы ни разу не видели даже вражеских бомбардировщиков.

Писанко с утра до ночи пропадал в поле. Он успевал везде: то присутствовал на занятиях по отражению танковой атаки батареей, то изучал со штабными офицерами опыт прошедших боев. Возвращался домой усталый, но довольный.

— Вот еще один день прошел с пользой, — заметил он однажды. — Сегодня орудийные расчеты показали класс быстроты при отражении танковой атаки. Теперь можно доложить, что полк готов к боям.

Партийная организация работала планомерно и умело. Коммунисты и комсомольцы во всем были примером. Дивизионная газета «Боевой товарищ» предоставила слово бывалым солдатам и сержантам. Их рассказы об опыте прошлых боев, о политико-массовой работе во фронтовой обстановке дали многое для нового пополнения. «Так надо бить немецко-фашистских захватчиков» — гласил подтекст каждого выступления.

В канун Нового года мы собрались в большом зале местного клуба. За праздничными столами — офицеры, сержанты, солдаты. Командир полка произнес небольшую речь и всех призвал почтить память погибших минутой молчания.

— А теперь дадим слово, что в 1944 году будем еще беспощаднее громить гитлеровских захватчиков. На днях прибудет армейская комиссия. Она проверит нашу готовность к предстоящим боям, — сказал Писанко в заключение.

Вскоре комиссия действительно приехала. Командарм — пожилой суровый генерал — побывал во всех подразделениях дивизии, придирчиво вникал во все детали. Чем ближе к завершению подходила проверка, тем боль-

ше разглаживались суровые складки лица командующего, по-молодому блестели пронзительные, под густыми бровями, глаза.

— Ваши гвардейцы — молодцы! — сказал он нам на итоговом совещании. — Да, признаться, иного я и не ожидал. Что ж, теперь поедем туда, где будет нанесен по врагу один из главных ударов.

На всех фронтах развертывались большие бои. Первый Украинский фронт развернул широкие наступательные операции. На Правобережной Украине освобождено много городов и населенных пунктов. Наши войска перешли старую границу и бьются с врагом на территории Западной Украины. Начал наступательные операции и Волховский фронт.

20 января наш полк погрузился в вагоны.

Через два дня мы прибыли на станцию Елизарово, сплошь забитую эшелонами. Теперь все стало ясным: 31-й гвардейский корпус будет действовать на криворожском направлении в составе 46-й армии.

Передний край обороны наших войск на этом участке проходил от Федоровки до Милорадовки почти прямой линией с востока на запад. Слева от нас вела бои 8-я гвардейская армия, справа — 37-я.

Сменяем стоявшие здесь части, занимаем их позиции. Наши солдаты ходят задрав нос: «Мы — корпус прорыва. Раз пришли сюда, значит, скоро наступление». Старожилы радушно посмеиваются и предупреждают: «Что ж, наступайте, но учтите, что трудностей, которые мы пережили в обороне, и вас не минуют; во-первых, противник занимает сильно укрепленные высоты, во-вторых, у него много артиллерии и танков, в-третьих, здесь не из чего делать накаты на блиндажах, в-четвертых, тут нет даже сносной питьевой воды...»

В том, что на новом месте нет хорошей питьевой воды, мы убедились сразу же. Как ни старались наши повара, но ужин получился на редкость невкусным, а от чая многие вовсе отказались — горьковато-солоноватый привкус воды вызывал тошноту.

Пришлось искать питьевую воду по окрестностям; нашли недалеко от станции Елизарово. Возить ее оттуда к передовой было, правда, далековато, но расторопные старшины все же справлялись с этой задачей.

Второй проблемой, как и предупреждали нас товарищи, оказались блиндажи — нечем покрыть их. Погода в те дни выдалась дождливой, промозглой. Высидеть в ровиках было нелегко, особенно ночью, когда люди отдыхали. Но и тут гвардейцы вышли из положения — разведали заросли кустарника. Над блиндажами сплели из прутьев куполообразные крыши, выдерживающие слой земли в четверть метра толщиной. Блиндажи приобрели жилой вид. А делать земляные печурки гвардейцы научились еще на Волховском фронте.

Пока шла подготовка к прорыву, на передний край обороны были выдвинуты 34-я и 40-я гвардейские дивизии. А наша осталась во втором эшелоне. Тот же порядок, что и перед прорывом вражеской обороны на реке Миусс.

Наш артиллерийский полк выдвинут на поддержку 34-й дивизии. Проводим партийные и комсомольские собрания. Принимаем решение: «Коммунисты и комсомольцы должны возглавить подноску снарядов на передовую». Это вызвано тем, что из-за плохой погоды дороги стали непроезжими.

Подносили снаряды и мирные жители, и солдаты, возвращавшиеся из госпиталей в свои полки. Мы, артиллеристы, были особенно благодарны заместителю командира нашей дивизии полковнику Прокопию Яковлевичу Елсукову. В тылах армии он принял новое пополнение в количестве 800 человек. Идя к передовой, солдаты принесли в наш полк 800 снарядов.

Ходил за снарядами и я вместе с Иваном Гончаровым, Харитоном Плаксиным, Иваном Ткачуком и другими ветеранами 2-го дивизиона.

На этом участке фронта гитлеровцы проявляют повышенную активность, все время держат под обстрелом передний край. То на правом, то на левом флангах наших боевых порядков то и дело шлепаются снаряды 105-миллиметровок. Но это не останавливает подготовку к наступлению.

Правее наших огневых позиций на исходные рубежи вышли новые танки ИС. Кое-кто из солдат, выкроив минутку, сбегал посмотреть новинку, поговорить с танкистами. Командир орудия 5-й батареи сержант Золотарев один из первых побывал в гостях у танкистов. Вернулся возбужденный. По натуре человек очень общительный, Николай умел как-то быстро сойтись с людьми, не зря

в батарее он был постоянным редактором боевого листка и агитатором.

— Вот это танки! Гроза для фашистов, — убежденно заявил сержант. — Они не боятся минных полей. А пушка? С двух километров прямым выстрелом может разбить фашистский танк...

Но не только новые танки занимали умы солдат. Рядом с нами минометчики устанавливали рамы для пуска реактивных снарядов.

В моем дневнике есть такая запись: «Через два часа тридцать минут начнется наше наступление, цель его — окружить вражескую группировку, обороняющую район Криворожья — крупную металлургическую базу юга Советской Украины.

Сейчас Ленинградский и Волховский фронты ведут успешное наступление. Вражеская группа «Север» трещит по всем швам.

Вчера вечером пришел ко мне Иван Гончаров. В руках у него газета.

— Вот, товарищ гвардии майор, те самые места, где мы в сорок втором горе мыкали. — Зеленоватые глаза Ивана радостно поблескивали. — Те же самые, а поди как стебанули фашистов. Сегодня по радио передали: Чудово-то окружено. Вот как мы выросли!

Гончаров давно уже не ездовой. Теперь он заряжающий у 122-миллиметровой гаубицы, учится на наводчика. Учеба дается трудно — ведь окончил только один класс начальной школы, но Иван все же надеется овладеть трудной специальностью.

— А ведь и ты вырос, Иван Николаевич, — говорю ему.

— Определенно вырос. Да еще как. Самое главное — чихать я хотел на фашистские самолеты. А как было в сорок первом? Чуть заслышу их гугнявый вой — душа в пятки уходит. А теперь хочу вот схватиться с «тигром». И одолею этого зверюгу. Как пить дать одолею.

Никогда не унывающий балагур вдруг помрачнел.

— Об одном только жалею, товарищ майор: нету с нами Кузьмы. Пришлось похоронить друга сразу же после выхода из Рогачиков.

— Тринадцатого ноября, возле деревни Павловка, — уточняю я.

— Верно, там. А ведь мы мечтали с ним вместе дойти до Берлина. Знать, не судьба Кузьме. А я дойду. Я и за своего друга воевать буду...

Рогачики... Да, тогда, 6 ноября, гитлеровцы все же испортили нам праздник. Несколько дней шли упорные бои. Батареи полка сожгли шесть вражеских танков, но и сами потеряли семь орудий. Погиб старший сержант К. В. Егорычев, были ранены Сергей Плехов и Наум Меркулович. Несколько позднее погиб капитан П. Г. Прохоров и тяжело ранен майор Г. Ф. Алексеев...»

Ночь перед наступлением была очень тихой, даже пулеметчики почти не вели огня.

Вчера 34-я дивизия провела разведку боем, захватила пленных. Теперь точно известно, что против нас стоят части 123-й вражеской пехотной дивизии и 9-й танковый батальон.

На окраине Ново-Ковно КП командира нашего соединения полковника Гавриила Ефимовича Кухарева. Г. Е. Кухарев недавно принял командование дивизией, во время нашего отдыха в Веселом.

Многие офицеры дивизии знали полковника еще с времен боев на Волховском фронте, под Ольховкой. Там полк Кухарева был нашим левым соседом. Левым соседом он оказался и во время оборонительных боев северо-западнее Сталинграда. Да и в июльских боях на реке Миусс полк Кухарева тоже был рядом с нами.

Во всех боях его часть показала умение бить врага. А нас, артиллеристов, привлекало и то, что новый командир дивизии хорошо знал артиллерийское дело. В этом мы убедились во время проверки полка в Веселом.

В час ночи Кухарев вызвал Писанко и меня на КП. Через полчаса мы были на окраине Ново-Ковно. Доложили о прибытии.

Подошли командиры и замполиты стрелковых полков. Хотя лиц докладывающих не видно, по голосу каждого можно было определить, что передислокация на исходные позиции прошла благополучно.

— Передайте солдатам благодарность за точное исполнение приказа, — произнес Кухарев, выслушав доклады. — Прошу командиров полков зайти в хату.

Политработников пригласили в соседний дом. Начальник политотдела дал нам последнее напутствие перед началом боя. К концу совещания пришел Кухарев.

ли жену, пробился с пулеметом на господствующую высотку и занял оборону. Огнем своего пулемета Харьковский отсек вражескую пехоту, шедшую за танками, прижал ее к земле. Его ранило в обе ноги. Пробравшийся к нему санинструктор хотел отнести его в санчасть.

— Перевяжи ноги, — ответил Харьковский. — В санчасть потом, надо бить фашистов.

Отважный пулеметчик продолжал вести огонь до конца боя.

Заняв Софиевку и Малую Воронцовку, части дивизии сразу же повели наступление на Апостолово.

Апостолово — небольшой город, но крупный железнодорожный узел. Его обороне вражеское командование придавало особое значение. Как известно, около 50 процентов всей потребности в марганце гитлеровцы покрывали за счет Никополя. А Апостолово было тем опорным пунктом, который прикрывал всю никопольскую группировку врага.

Весь день 4 февраля шел бой на подступах к городу. Солдаты дивизии шаг за шагом продвигались к Апостолову, воюя за каждый метр земли.

Особенно трудно было на правом фланге, где наступал 11-й стрелковый полк под командованием подполковника С. С. Мищенко. Сильный огонь вражеской артиллерии заставил одну из рот полка отходить. Заметив это, заместитель командира дивизии полковник П. Я. Елсуков бросился к солдатам.

— Кого испугались? Гитлеровцев, которых вчера били? Вперед, за мной!

Не обращая внимания на сильный артиллерийский огонь врага, полковник повел роту в наступление.

Трудности встречались нередко. Да их не всегда и предусмотришь.

В 3-м полку молодые солдаты, утомленные беспрерывными боями и не спавшие уже несколько суток, к вечеру 4 февраля стали засыпать на ходу. Замполит подполковник Гаврилов созвал политработников части.

— У коммунистов и комсомольцев должен найтись резерв сил — коммунистическая убежденность. Надо попросить их поднять молодых солдат для боя ночью. Задача должна быть выполнена. К утру мы возьмем Апостолово.

В час ночи дивизия пробилась к городу. Против

3-го полка был брошен батальон мотопехоты с 9 танками. Гитлеровцы подожгли дома и при свете пожаров отчаянно атаковали 9-ю роту, с которой шла только одна пушка — сорокапятка под командой сержанта Федота Федько. Артиллеристы отважно встретили атаку гитлеровских танков. Но одна пушка не смогла бы отразить натиск девяти бронированных махин, и тогда воины снова пустили в ход гранаты. Атака противника была отбита.

В три часа ночи на северо-западную окраину Апостолова ворвались солдаты 11-го, а на южную — 8-го стрелковых полков. К 7 часам утра город был полностью очищен от врага. При этом взяты большие трофеи: 1000 автомашин, 40 танков, 3 самолета, 40 орудий разного калибра, 4 паровоза, 150 автотягачей и тракторов, несколько вагонов с боеприпасами.

В эти дни артиллеристам пришлось преодолеть большие трудности. Уже в Еленовке часть автомашин с орудиями застряла в грязи. Хожу от батареи к батарее, подбадриваю солдат:

— Поднатужьтесь. Надо как можно скорее быть в Апостолове. Фашисты, несомненно, попытаются вернуть город. С его потерей над Никопольской и левобережной группировками врага висит угроза окружения. И надо сделать эту угрозу фактом. А для этого мы должны занять оборону на западной окраине города.

Особенно труден был перегон между Каменкой и Апостоловым. Вся дорога забита исправными, груженными разным имуществом немецкими автомашинами. А мы пробиваемся прямо по полю. Через каждые 300—500 метров останавливаем наш поезд из 18 автомашин, очищаем колеса от грязи. Через полчаса снова трогаемся. Идем возле машин. И как только слышим, что шофер дает газ, подскакиваем к кузову:

— Давай, давай, газуй! Пошел, пошел!

Потом дело пошло лучше. Кому-то из солдат пришла мысль очищать колеса на ходу. И вот уже понеслась команда:

— Не зевай, очищай колеса на ходу.

От всех валит пар. Сброшены шинели, ватники. И все же гимнастерки мокрехоньки, лица залеплены грязью. Наравне с солдатами работают и офицеры.

5 февраля полк занял оборону западнее Апостолова. Под вечер во всех батареях провели беседы, посвященные

взятию города. Перед этим было передано обращение Военного совета фронта в связи с годовщиной разгрома гитлеровцев под Сталинградом. И эти беседы как-то само собой превратились в митинги. Солдаты просят слова, выступают с призывом еще смелее и решительнее громить немецко-фашистских захватчиков. Посмотришь на выступающего — выходит из строя побледневший, усталый, но вот начинает говорить — и куда девалась усталость. Позабыто и то, что несколько суток почти не спали, и то, что частенько тащили орудия на себе, и то, что при смене огневых позиций рыли и рыли землю... Радость победы, высокий моральный дух — вот та живительная сила, которая вела нас вперед.

На другой день дивизия получила задачу выйти к реке Ингулец в районе населенного пункта Широкое. А нам, артиллеристам, опять мешала грязь. С пехотой ушли только три конные батареи. 7-я батарея была на тракторной тяге. Но тракторы смогли дотянуть пушки только до хутора Октябрьский.

Пока шел ремонт тракторов, командир батареи старший лейтенант Адам Швед поставил орудия на огневую позицию; офицер хорошо знал закон артиллеристов: где бы орудие ни остановилось, оно должно быть готово к бою.

Швед словно в воду глядел. Под вечер того же дня перед Октябрьским появились вражеские танки. Первые две легкие машины (разведчики) артиллеристы подпустили на близкое расстояние и подбили двумя выстрелами.

В тот день мне снова пришлось заниматься подтягиванием отставших орудий. К вечеру 8 февраля я собрал 9 автомашин с пушками. Попытался было по дороге пробиться на поселок им. Сталина, где уже были наши части, но застрял. Выручила одна из местных женщин.

— Вы, хлопцы, езжайте по старой насыпи, — посоветовала она. — Дюже гарно будет.

К Октябрьскому мы подошли вовремя.

Вечером помощник командира полка по материально-техническому обеспечению майор Н. А. Корольков прислал в Октябрьский нарочного с запиской: «Возле Апостолова появились танки противника. Тыл полка под ударом. Пришли из Октябрьского пару орудий».

У меня, кроме арттехника 3-го дивизиона старшего

лейтенанта И. Г. Тихонова, из офицеров никого нет. Спрашиваю Тихонова:

— Огнем батареи управлять можешь?

— В училище знакомили.

— Бери четыре орудия и сейчас же с ними в Апостолово, в распоряжение майора Королькова.

Гитлеровские танки вечером подошли к станции, обстреляли ее. Но когда Тихонов подошел к Апостолову, немцы, не приняв боя, ушли в южном направлении.

Утром Тихонов вернулся.

Зима все же взяла свое. Ударили морозы, повалил снег, и даже разгулялась плакальщица-вьюга.

Немцы сделали еще одну попытку приостановить наше наступление к Кривому Рогу.

10 февраля передовые отряды нашей дивизии подошли к южной окраине поселка Широкое. Ночью передовой отряд 8-го стрелкового полка форсировал реку Ингулец и выбил гитлеровцев со станции и юго-западной окраины Николаевка-1.

Неприятель пытался контратаковать основные силы. Так, 14 февраля группа немецкой пехоты при поддержке десяти танков атаковала правого соседа нашей дивизии — части 236-й стрелковой дивизии и к 16.00 вышла к высоте 105,8.

На эту высоту только что были выдвинуты два орудия 4-й батареи. Командовал ими лейтенант Г. И. Щербаков. Поскольку орудия стояли на прямой наводке, Щербаков был связан непосредственно с НП командира полка. Он сразу же доложил Писанко:

— Правый сосед отошел. Орудия остались без пехотного прикрытия.

— А что у немцев? — спросил Писанко. В этот день мела поземка, видимость была плохой.

— Говорят, и здесь появились танки, но пока я не вижу их. А если увижу, будем бить, — заверил Щербаков.

— Действуй, дорогой. А прикрытие я сейчас постараюсь прислать, — пообещал командир полка.

Писанко тут же позвонил командиру 11-го стрелкового полка, тот согласился послать роту пехотинцев, хотя и знал уже об отходе 236-й дивизии.

Первым орудием командовал старший сержант Голубитченко. Рядом с ним стоял Степан Курмахин — коман-

дир второго орудия. В последнее время саратовец Голубитченко и вологодец Курмахин крепко подружились и понимали друг друга с полуслова.

— Надо справа, Вася, их ждать, — заметил Степан.— Появятся, подпустим....

— Согласен, — кивнул головой Голубитченко. — Вон, смотри...

Появилась какая-то темная масса. Голубитченко подошел к панораме. Он решил подпустить танк как можно ближе.

Вскоре показался второй танк, за ним третий. Голубитченко крикнул Курмахину:

— В первый правый навожу я.

Поймав машину в перекрестие панорамы, он уже не отпускал ее. Ждал, когда она доползет до кустика степной травы. Вот танк у намеченной черты. Голубитченко еще раз проверил точность наводки и нажал на рукоять ударного механизма.

Танк задымил. Голубитченко снова нажал на спуск — он знал, что расчет уже зарядил орудие. Машина вспыхнула огнем.

Курмахин дважды выстрелил по второму танку, но тот продолжал ползти вперед. Возле орудия шлепнулась болванка, потом вторая. Курмахин выпустил еще несколько снарядов. Наконец и этот танк загорелся.

Голубитченко бьет по третьей машине, но та, маневрируя по полю, начала отходить. Несколько снарядов, выпущенных ею, разорвались возле орудий. Голубитченко и Курмахин послали вдогонку еще несколько снарядов, но, видя, что попасть уже не удастся, прекратили стрельбу.

После, рассказывая мне о ходе боя, Писанко предложил:

— Надо послать парня на курсы подготовки офицерского состава. Из него получится хороший офицер-артиллерист. Какое у него образование?

— Маловато. Всего пять классов.

— Жаль. Но если подвернутся курсы, на которые Голубитченко подойдет, обязательно пошлем.

Окраина деревни Ивановка. Рядом с Кривым Рогом. Сидим с подполковником Писанко в домике, обедаем. Рассказываю ему о своих мытарствах на пути от Малой Воронцовки до хутора Влажный. Возле этого хутора я целую ночь просидел с шофером автомашины в кабине на холоднющем ветру, продрог до костей. Рассказываю, а у самого зуб на зуб не попадает. Не могу согреться. Иван Иванович подливает в мой стакан чаю и подкладывает лучшие куски мяса.

Ивановку обстреливает немецкая тяжелая батарея. Изба дрожит от разрывов. Все стекла вылетают разом. Обед испорчен. Еще удар. Снаряд развалил угол.

Бежим вон из избы. Снова визг снаряда, жуткий, противный, словно с живого поросенка кожу сдирают. Лечу вниз, брошенный чьей-то сильной рукой. На меня наваливается что-то тяжелое.

Проходит минут пятнадцать. Обстрел наконец прекратился. Надо мной стоит связист штабной батареи Демид Тимошенко. Он подает мне руку и помогает выбраться из ровика. Говорит, словно бы извиняясь:

— Чуть-чуть было не по нас. Рядом разорвался. Вон Швед в соседнем ровике сидел, так его осколком зацепило.

— Но ведь и тебя могло ранить?

— Могло, но не ранило. А раз не задело, то и говорить нечего.

— Спасибо тебе, Демид.

Позже я узнал, что Тимошенко все же ранило осколком. И сейчас, когда пишу эти строчки, передо мною встает простой скромный парень из Орловской области.

Вечером идем с Писанко к командиру 8-го стрелкового полка. С полчаса бродим по улицам Нового Кривого Рога. Подполковника Кишко нашли в глубоком подвале. Подвал забит до отказа: тут и командир 3-го стрелкового полка полковник А. С. Левин, и замполиты стрелковых частей, и наши разведчики.

Кишко и Левин о чем-то спорят. Первый, как обычно, — на повышенных тонах, второй — спокойно и рассудительно. Мы, три замполита, сидим в сторонке и тихо беседуем.

Вдруг часовой, стоящий у выхода из подвала, крикнул:

— Немцы!

В подвале нас около взвода. Но большинство вооружено только пистолетами. Да с десяток автоматов у раз-

ведчиков. Выбегаем на улицу. Кругом горят дома. Повсюду автоматная пальба. Совсем рядом рвутся ручные гранаты. Наши пехотинцы медленно отходят.

Слышу голос Писанко:

— Замполит, ты здесь?

— Здесь.

Иду на голос. Подполковник стоит возле дома и спокойно отдает распоряжение вызвать к рации командиров дивизионов. Возле него в решительных позах стоят наши разведчики: Вячеслав Голенков, Владимир Кравченко, Алексей Кулаков.

— Нет, врешь, из деревни я не уйду! — кричит Писанко в сторону неприятеля. — Вот доберусь до своего НП, вызову огонь полка. Хоть на себя, а из деревни не уйду.

И не ушел. Минут через десять мы пробрались на свой наблюдательный пункт, и Писанко действительно обрушил на фашистов всю мощь своей артиллерии. После этого огневого налета уже не слышно было автоматной стрельбы.

Днем 20 февраля части дивизии выбили гитлеровцев из поселка Новый Кривой Рог и стали готовиться к штурму города. Особенно запомнилось начало. Темная, беззвездная ночь. Небо закрыто тяжелыми снежными облаками. В колоннах люди едва различают друг друга.

Справа и слева от нас движутся батальоны 3-го гвардейского стрелкового полка: на участке наступления дивизии они первыми должны выйти на южную окраину города и начать штурм. Наша часть придана полку Левина.

Писанко идет рядом с командиром пехотинцев. Чуть позади — мы, замполиты. Заместитель А. С. Левина подполковник Влас Николаевич Гаврилов — один из старых гвардейцев соединения. В 1941 году он был комиссаром разведроты, воевал под Ельней. В боях за город Тихвин он и командир разведроты капитан Михаил Барабанов прославились лихими штыковыми атаками, особенно под Ново-Никольском. В том бою Михаил Барабанов погиб.

Летом сорок второго года Гаврилов принял 3-й гвардейский полк, стал его комиссаром, затем замполитом. На совещаниях в политотделе дивизии Власа Николаевича часто ставили в пример как боевого политработника, умеющего воодушевить солдат и словом и личным примером. В бою под Апостоловым, когда создалось трудное

положение, Влас Николаевич появился в цепях наступающих, призвал коммунистов и комсомольцев на штурм города. 3-й батальон отбил контратаку мотобатальона и 9 танков противника и, преследуя их, в час ночи ворвался в город Апостолово.

Впереди нас осторожно идут разведчики, позади — связисты. Неслышными тенями подходят связные, докладывают Левину, получают распоряжения и так же бесшумно исчезают в ночи...

Чуть свет батальоны полка ворвались на южную окраину города Кривой Рог. В районе развалин крупного завода фашисты предприняли контратаку. Гаврилов опять появился в боевых порядках батальона, повел коммунистов и комсомольцев в атаку. Его ранило в ногу. Превозмогая боль, он все же шел вперед.

Здесь же наш правый сосед — особая рота, насчитывающая в своем составе бойцов больше, чем у нас в стрелковом полку, — застрял на месте. Представитель этого подразделения, старший лейтенант, пришел к нам.

— Товарищи артиллеристы, помогите огоньком, — попросил он Писанко. — Засел, проклятый, бьет, нет спасенья. Три раза пытались атаковать...

— Поможем! Покажите их огневые точки.

— Вот здесь, в подвалах домов, засели вражеские пулеметчики, — показывает старший лейтенант на полуразбитые здания.

Писанко выдвинул на прямую наводку вторую батарею. Артиллеристы быстро развернули свои орудия. Гитлеровцы не сразу поняли наш маневр. Командир батареи старший лейтенант Василий Наконечный открыл огонь. Одна за другой стали умолкать пулеметные точки врага.

Но фашисты все еще не хотят отойти из этого района. Справа, из боковой улицы на площадь выскакивает танк. Командир орудия старший сержант Иван Федоров подбил его первым выстрелом. Для верности он дает еще несколько выстрелов. Через минуту в танке раздается сильный взрыв, а сверху появилось большое пламя.

Выскакивают еще две машины. Одну из них Федоров подбивает. Вторая, развернувшись, скрылась.

Спустя минут пятнадцать наши пехотинцы пересекают площадь, занимают дома. Гитлеровцы отходят к центру города.

Бой шел весь день. Шаг за шагом наши части теснили гитлеровцев...

Вечером мы остановились в маленьком домике. Повар Павел Петрович Епимахов привез обед и ужин — все вместе. Едим молча. Слишком много впечатлений за день. Да и устали. Сейчас бы поспать...

В домик входят двое гражданских. Представляются, подают документы. В памяти осталось только имя и отчество старшего — человека лет под шестьдесят, с седой львиной гривой. До войны он был главным инженером завода, возле которого мы вели бой. Второй, молодой еще, — инженер-конструктор. По заданию дирекции завода они сегодня утром пришли в город вместе с наступающими частями.

Пока мы выбивали гитлеровцев с территории завода, инженеры обошли ее, осмотрели. Пришли к выводу, что завод взорван врагом еще до начала боев за Кривой Рог. Инженеры наметили план, с чего начинать восстановление предприятия.

— Что восстанавливать-то? — удивился я. — Тут и за полгода концов не найдешь, с чего начинать. Мне кажется, что легче построить новый завод.

— О, нет. Мы быстро восстановим его, — произнес главный. — Только гоните фашистов, а за нами дело не встанет. Новые же заводы будем строить после войны.

— Успешной вам работы, — пожелал я главному.

Пока шли упорные бои за Кривой Рог, немецкая группа войск, усиленная прибывшими с западного фронта новыми частями, перешла в контрнаступление из района Широкое с целью отрезать наши войска, штурмующие город, окружить и уничтожить их.

Удар пришелся по 116-му стрелковому полку 40-й гвардейской стрелковой дивизии, на участке которой застряли 4 орудия нашего полка.

Прорвав оборону 116-го полка, неприятель начал развивать наступление по направлению к городу Апостолово. 21 февраля десять танков и более двадцати бронетранспортеров пошли в атаку на огневые позиции двух орудий 4-й батареи.

Рота пехоты, прикрывавшая эти орудия, не сдержала вражеского натиска и отошла.

Лейтенант В. Н. Сынков, совсем еще молодой парень, недавно принявший взвод, не растерялся:

— Будем драться, товарищи, до последнего снаряда, — сказал он. — Я попрошу лейтенанта Орлова помочь нам огнем. Гаубицы шестой батареи в километре позади нас.

То, что между случайно остановившимся здесь взводом В. И. Орлова и взводом Сынкова была установлена телефонная связь, говорило о многом. Это позволяло подразделениям обеспечивать взаимную поддержку при любой неожиданности.

Сынков позвонил Орлову:

— Ты видишь нашу огневую?

— Вижу.

— Помоги. Сюда движутся немецкие танки и бронетранспортеры. Вот-вот они появятся перед нами.

В нескольких километрах западнее огневых все еще кипел бой. Небольшими группами оттуда отходили пехотинцы. Прошел майор.

— Держитесь! — предупредил он. — Сейчас на вас навалятся немецкие танки.

— Будем держаться. — Долженко хотел было спросить майора, почему, мол, отхóдите, но сдержался.

Показались бронетранспортеры. Орудие Долженко стояло на правом скате высоты 103,4, впереди орудия старшего сержанта Гребенкина, и приняло первый удар на себя. Еще совсем недавно Долженко и Гребенкин были наводчиками. Старые командиры получили ранения, а они стали на их место.

Вслед за бронетранспортерами появились и танки.

— Огонь! — скомандовал Долженко наводчику.

Багичеву удалось подбить передний бронетранспортер лишь после нескольких выстрелов.

— Целься точнее. Огонь!

— Заклинило гильзу! — крикнул Багичев.

Долженко схватил лежавший возле станины топор и попытался выбить из казенника гильзу.

Бронетранспортеры открыли по орудию огонь из пулеметов. Долженко упал.

Лейтенант Сынков подбежал к пушке и вытащил затвор.

— Отходите к шестой, — приказал он Багичеву, Чугунову и Щедрину. — Захватите с собой Ковалева и Землякова.

Солдаты побежали по направлению к позиции 6-й батареи, но и туда двигались немецкие бронетранспортеры. Тогда они взяли вправо, к совхозу.

Сынков и Багичев протащили на себе затвор орудия метров сто и бросили его. Вскоре их догнал бронетранспортер... Рядовой Чугунов, бежавший позади своей группы, упал. «Лежачего-то и не заметят», — подумал он. Чугунов видел, как несколько немецких солдат стали осторожно подходить к орудию.

У Долженко хватило силы взять в руки карабин. Он открыл по фашистам огонь. Чугунов не знает, убил ли кого-нибудь Долженко, но несколько раз все же выстрелил. Гитлеровцы подобрались к Долженко и в упор застрелили его из автоматов.

Санинструктор батареи старшина В. С. Ковалев, артмастер старший сержант К. Д. Земляков, рядовые Чугунов и Щедрин сумели уйти от немцев. Этому помогли наступившие сумерки. Ночью, правда, они несколько раз попадали под обстрел. Совхоз оказался в руках врага. Тогда они повернули на Пологи. Оттуда и пришли в свою часть. А 27 февраля возвратились Багичев и Сапунов.

Что произошло с расчетом старшего сержанта Гребенкина, выяснить не удалось. Абушкевич и Авраменко нашли на огневой позиции подбитое орудие, двадцать стреляных гильз и сорок снарядов. Расчет стрелял по врагу.

...Предупрежденный Сынковым, лейтенант Орлов объяснял солдатам задачу:

— Орудия четвертой батареи подверглись нападению немецких танков и бронетранспортеров...

Он не успел закончить объяснения — перед пушками появились вражеские бронетранспортеры.

Командиры орудий старший сержант А. Ф. Любимов и старшина Д. Я. Коваленко первыми же выстрелами подбили два бронетранспортера.

Немецкие танки открыли огонь по орудиям. Шли они с разных сторон, поэтому отбиваться от них было трудно.

Вскоре вражеский танк подбил орудие Любимова. Коваленко продолжал стрелять...

Авраменко и Абушкевич обследовали огневые позиции взвода. Вокруг орудийного окопа лежали убитые старшина Коваленко, рядовые Клевцов, Кузьменко и телефонист Шпарковский. Рядом — пять мертвых пехотинцев. У одного из них были найдены документы на имя сержанта Циркуна Трофима Михайловича.

Два орудия 8-й батареи почти без снарядов остановились в километре от поселка Мариенфельд. Они тоже приняли участие в бою. Расстреляв снаряды, орудийные расчеты на руках дотянули пушки до Мариенфельда, куда в это время пришла автомашина с боеприпасами. Взвод снова вступил в бой, подбил два немецких бронетранспортера. Фашисты отказались от дальнейшего наступления на Мариенфельд и повернули на Пологи.

Авраменко и Абушкевич вывезли все орудия. Повреждения их оказались незначительными и были исправлены в артмастерских полка.

На заседании партийного бюро Писанко с присущей ему горячностью обрушился на командира 2-го дивизиона Бородина и его заместителя по политчасти капитана Андреенко.

— Четыре орудия стоят в отрыве от дивизиона, и туда не удосужились сходить ни замполит, ни парторг дивизиона. В результате потеряли четыре орудия.

— Но их уже восстановили, — тихо заметил Бородин. Он понимал свою вину, поэтому не особенно протестовал против предъявленных обвинений.

— Что мне орудия? Орудия легче всего восстановить. Людей, хороших солдат потеряли, — негодовал командир полка.

После заседания бюро, когда мы остались вдвоем, Писанко долго сидел за столом, опустив голову.

— Мы тоже виноваты, Иван Иванович, — произнес я. — Следовало бы предвидеть...

— Они же ответственные командиры, должны думать и понимать. Бородина я еще на Миусс-реке предупреждал. Полагал, что сделает для себя выводы.

Писанко долго о чем-то размышлял.

— Да, виноваты и мы с тобой, замполит. Вот ты тоже все время стремишься быть впереди. И стоило тебе пробыть со мной несколько дней... Нет уж, в дальнейшем, если батареи отстанут, поезжай на поиски без всяких разговоров. Сам или Абушкевич. Тогда я буду спокоен.

В воздухе аромат весны. Наступили туманные утра и солнечные дни. Снег сразу же растаял. Опять грязь. Густая, липкая, почти непроходимая.

Части дивизии форсируют реку Ингулец и ведут наступление на Александров-Дар. Немцы пытаются задержать нас короткими контратаками.

В районе переправы через реку 2-я батарея подбила два вражеских танка, 7-я батарея — самоходную пушку «фердинанд». Орудийный расчет старшего сержанта И. И. Федорова, будучи на прямой наводке, отбил несколько контратак противника.

В этом бою командир 3-го дивизиона капитан Коваль применил новый способ поддержки пехоты орудиями. Солдаты 3-го гвардейского полка шли в атаку. Вместе с ними артиллеристы на руках тащили пушки. Орудийные расчеты вели огонь почти на ходу. Так и двигались в цепи наступающих.

Самым трудным местом оказалась железнодорожная насыпь, где немцы оборудовали большую часть своих огневых точек. Солдаты Коваля подтаскивали орудия как можно ближе к насыпи и били в упор.

И вот фронт немецкой обороны прорван на большую ширину и глубину. В прорыв вошли танковые корпуса. Наша пехота добивает остатки вражеских подразделений в Александров-Даре, выкуривает фашистов из шахт. А в это время советские танки ворвались уже в город Новый Буг, давят там немецкие штабы и обозы. Когда мы добрались до Нового Буга, нам особенно бросилась в глаза картина разгрома немецких тылов.

Дороги немного подсохли. Если не будет дождей, то через несколько дней и мы сможем идти вперед со скоростью сорок—пятьдесят километров в день. А пока продвигаемся медленно, мешают разлившиеся в низинах воды.

Вот и сейчас путь преградила широкая балка. На дне ее протекает ручей. Берега его обрывисты.

Первый студебеккер как-то подпрыгивает в ручье и упирается в противоположный берег. Шофер сконфуженно вылезает из кабины.

— Не сумел выскочить...

Останавливаем колонну, собираемся возле застрявшей машины, обсуждаем, как будем переправляться. Шофер штабной полуторки сержант Бородай ухмыляется:

— Я сейчас перемахну. А вы наблюдайте.

Он выводит свою машину на пригорок и оттуда берет разгон. У самого ручья мотор полуторки ревет во всю силу. Вот она бухнулась в воду, подняла фонтан брызг и в следующую секунду, словно конь, сделала скачок и вылетела на противоположный берег ручья. Все в восхищении:

— Вот это класс!

Старшина Черноусов молча подходит к своему могучему, с лебедкой студебеккеру и тоже выводит его на пригорок. Разгон, и препятствие осталось позади.

— Молодец, Черноусов!

Старшина подводит свою машину к берегу, заводит лебедку. Через минуту застрявшую в ручье автомашину вытащили.

Несколько шоферов пытаются повторить маневр Бородая и Черноусова, но это им не удается.

Писанко, большой любитель рискованных опытов, все же вынужден отдать приказ переправляться с помощью лебедки студебеккера Черноусова.

В следующей балке повторяется та же история, разве что с несколько иными вариациями...

Наш маршрут Ново-Лазаревка — Покровское — Николаевка — Новый Буг — Майоровка — Ермоловка. Значит, танковые части действуют впереди нас километрах в пятидесяти.

Река Ингул. На правобережных высотах немцы. Наша пехота с ходу форсирует реку. Гитлеровцы лениво отстреливаются.

Через два часа прибрежные высоты в наших руках.

Политотдел дивизии проявляет исключительную оперативность в работе: использует радио, записки, посыльных, инструкторов для передачи последних известий с нашего участка фронта; выпускает листовки и боевые листки-«молнии», посвященные воинам, отличившимся в боях.

Как ни старались мы с Иваном Ивановичем, полк снова растянулся. Писанко сейчас труднее — заместитель по строевой части подполковник М. У. Минчонок получил назначение на новую должность и выбыл из полка, а замену еще не прислали.

Переправляемся через Громоклею, похожую своими каменистыми берегами на Миусс-реку. Две батареи 1-го

дивизиона вырвались вперед. Березуев решил форсировать Громоклею без поддержки отставшей пехоты.

На полном ходу батареи ворвались в Суворовское. В деревне оказалась большая группа гитлеровцев. Березуев развернул орудия и ударил по врагу. Фашисты, ошеломленные дерзким налетом, оставили деревню. Тринадцать немецких солдат сдались в плен. Но за околицей враг опомнился. Две группы (человек сто) пошли в контратаку. Артиллеристы встретили их шквальным огнем. Разведчики, связисты, шоферы с автоматами и ручными пулеметами заняли позиции впереди орудий. В коротком, но упорном бою немцы были разбиты и разбежались по балкам.

На другой день в Суворовском появилась вражеская автомашина с продовольствием. Разведчики вытащили из кабины здоровенного фельдфебеля. Потом выскочил шофер, молодой, шустрый солдат.

— Ганс Кляйн не хочет больше быть немецким солдатом, — заявил он по-русски. — Сдаюсь. Карош?

Ганс Кляйн пришелся по душе ребятам и оказался на редкость хорошим автомехаником. Капитан Березуев оставил его в дивизионе. Но об этом я узнал уже значительно позже. Надо сказать, что Кляйн, житель города Вены, честно служил, умело ремонтировал автомашины и даже воевал вместе с нами во время Будапештской битвы.

Потом в дивизион приплелся еще один немецкий солдат — Богацки. Ведем допрос. Окончил архитектурный техникум. От политики открещивается: «Ничего не знаю, не понимаю».

— Считает ли Богацки, что Германия уже проиграла войну?

Немец долго молчит. Глаза его бегают по сторонам. Наконец он решается ответить:

— В Германии не считают так. У нас есть еще силы. Говорят о новом секретном оружии.

— А почему сейчас бежите?

— У нас здесь нет нового вооружения. И старое растеряли. А солдат мало.

Кто-то из наших солдат замечает:

— Позавчера на нас шло больше сотни.

— А что они сделают автоматами против ваших пушек? — Богацки чмокает губами. — Пушки у вас гут, гут...

— Ты член наци?

— Я состоял в гитлерюгенде с 1939 года.

— Где воевал?

— Все время на юге России.

— Под Сталинградом был?

— О, да. — Немец помрачнел. — Сталинград был черным днем для немецкой армии.

— А что, сейчас для нее наступили светлые, что ли?

Солдаты хохочут.

И все-таки Богацки не вызвал у нас добрых чувств, как, скажем, Ганс Кляйн. Сдали мы его куда положено. Там разберутся...

Опять то сеют дожди, то падает мокрый снег. Пока шли от Ингульца до Громоклеи, дни были ясными и дороги подсохли. Мы уже наметили, что к 15 марта выйдем к реке Южный Буг в районе Новой Одессы, но погода снова затормозила наше продвижение.

Маленький населенный пункт Шведовка. С нами только 16 орудий из 31. Писанко нервно бродит по комнатенке.

— Что делать, замполит? — говорит он резко. — Придется тебе ехать обратно. Собирай отставших. К 17 марта мы должны привести их в Новую Одессу.

И вот я мотаюсь по маршруту Балка Очеретная, Катериновка, Новый Буг, Покровское, Скелеватка, собираю отставшие орудия, заправляю автомашины горючим.

— В Новую Одессу, — говорю командирам орудий. — Постарайтесь быть там к утру 17 марта. Соблюдайте осторожность. В степи бродят группы гитлеровцев.

К тому времени здесь создалась очень сложная и путаная обстановка. Еще в начале марта в районе Березнеговатое — Снегиревка около 13 гитлеровских дивизий оказались под угрозой окружения. Более того, мы считали, что они полностью окружены и им уже не вырваться из тисков наших войск. Но часть этих дивизий пробилась сквозь заслоны и двинулась в западном и северо-западном направлениях. Отдельные группы гитлеровцев добрались даже до Ново-Полтавки и Нового Буга.

Вместо того чтобы двинуться к Новой Одессе, нам пришлось драться с врагом. Особенно трудным был бой двух орудий 5-й батареи в районе Ново-Полтавки. Боль-

шая группа гитлеровцев в сопровождении трех танков стала обходить батарейцев. Отступать не было возможности — автомашины стояли без горючего.

Артиллеристы дрались до последнего снаряда, подбили два танка. В бою погиб командир батареи лейтенант Н. П. Лебедев. Оставшись за командира, сержант Н. Золотарев сказал своим товарищам:

— Пока есть ручные гранаты, будем драться, орудий не бросим.

Их выручили два орудия 1-й батареи, подоспевшие к месту боя.

К утру 17 марта я собрал 10 орудий и повел их к Новой Одессе. Недалеко от села Привольное нас остановили солдаты из 34-й стрелковой дивизии.

— Привольное занято гитлеровцами, — сообщили они и обнадежили: — Сейчас прибудут наши полки. Будем выбивать оккупантов из села.

— А куда выбивать-то? — спросил мой шофер Черноусов. — Кругом наши.

Солдат пожал плечами:

— Выбьем в степь. А там видно будет.

Во второй половине дня я добрался до села Архангельское. Здесь находился тыл полка.

— В Новой Одессе идет сильный бой, — сообщил мне майор Корольков. — Тяжело ранило Писанко. Пулевое ранение в лицо.

Через несколько минут, не дав солдатам даже поесть, я повел десять орудий в Новую Одессу. Была дорогá каждая минута.

Новая Одесса расположена в низменной пойме левого берега реки Южный Буг. Это большое село, раскинувшееся на несколько километров с севера на юг, играло большую роль в обороне гитлеровцев. Здесь была почти единственная переправа через Южный Буг. Немецкое командование, зная, что сюда пробиваются вырвавшиеся из района Березнеговатое — Снегиревка остатки их войск, перебрасывает новые части. Так, нашей разведкой было установлено, что 16 марта в Касперовку (в настоящее время этот большой населенный пункт влился в Новую Одессу) фашисты перебросили 18 танков и самоходных установок типа «Фердинанд».

16 марта 8-й и 11-й стрелковые полки подошли к Новой Одессе и завязали бой на восточной окраине. Он

длился весь день. Гитлеровцы отходили к району переправы. С севера их теснили солдаты одного из пехотных полков соседней дивизии. В течение дня большая часть Новой Одессы была очищена от врага.

Писанко устроил свой наблюдательный пункт на чердаке двухэтажного здания. С ним была небольшая группа разведчиков и связистов.

Вечером 16 марта Кухарев предупредил Писанко:

— Наш левый фланг не прикрыт. 40-я дивизия все еще не подошла к Касперовке. Постарайся, Иван Иванович, перебросить к южной окраине села хотя бы одну батарею.

В этот день с командиром полка подошли к городу только шесть орудий. За ночь прибыло еще несколько пушек. Писанко поставил эти орудия в район каменоломни. Но снарядов было мало — по десять — двадцать штук на ствол.

17 марта гитлеровцы начали контратаку на 8-й стрелковый полк, бросили на него танки и самоходные установки. Наши пехотинцы дрались упорно, несколько раз схватывались с немецкими автоматчиками врукопашную, но выдержать натиск танков и самоходок не смогли и стали отходить на восточную окраину села.

Гитлеровцы усилили нажим, ведя массированный артиллерийский огонь. В середине дня возле НП Писанко появились вражеские танки и автоматчики.

— Надо отходить, товарищ подполковник, — предложил начальник разведки полка капитан Кривенко.

— Отобьемся. Нас целая группа, все с автоматами.

Писанко ждал, что к району НП вот-вот должны подойти батареи, вызванные им по радио.

Гитлеровцы стали окружать здание. Разведчики, стоя у оконных проемов, отстреливались, несколько раз заставляли вражеских автоматчиков отходить от здания. Но вот начали бить танки.

— Надо отходить, — снова предложил Кривенко. — Иначе мы потеряем управление боем.

Писанко с трудом разжал губы:

— Пошли...

Разведчики сняли стереотрубу, радисты взвалили на спину рацию. Подождав какую-то долю минуты, словно еще надеясь, что скоро заговорят его орудия, Писанко вышел из здания.

По главной улице, совсем рядом с ними, шли вражеские танки, ведя частый огонь по домам.

— На восточную окраину, к району каменоломни, — скомандовал Писанко.

Восточная окраина Новой Одессы была на косогоре. И с нее к главной магистрали сбегали улочки и переулки. Пройти к каменоломне было не так-то просто: здесь тоже появились вражеские танки и автоматчики. Выломав в каменном заборе проход, группа Писанко прошла не то через пустырь, не то через кладбище. Здесь земля была исковеркана, взрыта бомбами и снарядами. Сделали еще проход и выбрались на другую улицу. Но и там уже появились гитлеровцы.

Отстреливаясь, группа Писанко стала перебегать улицу. В этот момент командир полка был ранен и упал. К нему подбежал Володя Кравченко.

— Комполка ранен! — крикнул он.

Разведчики окружили своего командира.

— Голенков, Кравченко, Кузьминов и Кулаков, несите командира! — распорядился Кривенко. — Остальные со мной, прикроем отход.

Кривенко взял у разведчиков стереотрубу с треногой и взвалил себе на спину.

— Пошли!

Писанко был без сознания. Осторожно подхватив отяжелевшее тело командира, разведчики быстрым шагом двинулись вперед. Пришлось еще раз выламывать какой-то забор. Снова улица. Здесь были уже наши пехотинцы. Капитан Кривенко остановил пробегавшего через улицу старшего лейтенанта Оборина из 3-го стрелкового полка.

— Друг, дай плащ-палатку. У нас тяжело ранен командир полка.

Тот без слов снял с себя плащ-палатку.

Голенков достал индивидуальный пакет и перевязал голову Писанко. Потом разведчики положили командира на плащ-палатку и понесли дальше. Прошли еще с полкилометра и наткнулись на батарею истребительно-противотанкового дивизиона нашего соединения. Капитан Кривенко отправил на автомашине иптаповцев и Писанко в сопровождении Голенкова, а сам со всей группой остался на месте, чтобы вести бой. Командир полка выбыл, и нужно кому-то передать командование.

Радисты развернули радиостанцию, стали вызывать

командиров дивизионов. Раньше всех откликнулся майор Бородин.

Кривенко сообщил, что Писанко тяжело ранен.

— Знаю, — ответил командир 2-го дивизиона. — Он здесь. Отправляю его на своей автомашине в санчасть. Передай всем: принимаю командование полком на себя.

...Командир 2-й батареи старший лейтенант В. С. Наконечный сразу же после приказа Писанко выдвинул две пушки ближе к району школы. Быстро развернув их, артиллеристы подготовились к встрече немецких танков. Через несколько минут на улицу выползли два «фердинанда». Шли они довольно быстро, стреляя на ходу.

Орудия открыли огонь. Первый «фердинанд» загорелся сразу же после нескольких выстрелов.

— Бей второго!

Сержант Ковалев повернул орудие. «Фердинанд», прикрываясь домами, начал отстреливаться. Несколько снарядов разорвалось недалеко от пушки. Но стоило самоходке на какое-то мгновение выползти из-за дома, как оба орудия ударили по ней. «Фердинанд» загорелся.

На этом участке наступление неприятеля было приостановлено. Трудный бой выдержало и орудие 7-й батареи под командой старшего сержанта Д. Ф. Печикина. Несколько раз немецкие автоматчики ходили в атаку, но каждый раз не выдерживали беглого огня и откатывались назад.

Этот бой был последним для старшего сержанта Печикина — вражеский снаряд оборвал его жизнь.

Гитлеровцам удалось прорваться к восточной окраине, где был командный пункт дивизии. Разрозненные группы пехотинцев 8-го полка отходили к близлежащим высоткам. Кухарев и Ляпунов бросились к ним.

— Стой! — скомандовал Кухарев. Лицо его выражало и боль и гнев. — Гвардейцы не отступают. Приказываю: залечь здесь, держать оборону.

В Новой Одессе все еще шел бой. Хотя и редко, но били артиллерийские орудия, минометы, шла частая ружейная и пулеметная стрельба. Там все еще продолжал драться 11-й полк Мищенко.

Ляпунов стоял на дороге, останавливая отходивших пехотинцев, указывал им место в обороне.

— Сейчас соберемся и ударим по врагу, — сказал начальник политотдела дивизии.

Солдаты, сделав из камней укрытия, начали вести огонь по гитлеровцам. Теперь каждому было неловко за недавнюю растерянность. Сейчас воины готовы идти в бой с удесятеренными силами.

Этот момент настроения солдат Кухарев почувствовал сердцем. Он поднял вверх автомат:

— За мной, гвардейцы! Вперед!

За ним поднялась вся цепь. Бежали молча, неся с собой всю накипевшую ярость за то, что пришлось отступать, гордясь тем, что их атаку возглавляет командир дивизии. И, только ворвавшись в село, солдаты крикнули:

— Ура-а-а!

В этот момент к Новой Одессе подошли еще десять орудий нашего полка. Они сразу же включились в бой. Гитлеровцы не приняли удара и обратились в бегство.

К вечеру все атаки врага были отбиты. Подоспевший к этому времени 3-й стрелковый полк дивизии сломил сопротивление гитлеровцев, отбросил их от переправы. Ночью пехотные части переправились на правый берег реки Южный Буг. Переправа через реку была трудной. У Новой Одессы в обычное время ширина Южного Буга достигает 250 метров. Но в весенний разлив широкая пойма на правом берегу, заросшая тростником, заливается водой, и река становится шире раз в шесть.

С первыми же группами пехотинцев переправились командир дивизии полковник Г. Е. Кухарев, начальник политотдела дивизии полковник Н. В. Ляпунов и командиры полков.

Пехотные части, сбив немецкое охранение, заняли две деревни — Ткачевку и Ковалевку. Бой переместился на высоты, западнее этих населенных пунктов. Гитлеровцы предприняли отчаянную попытку сбить наше соединение, отбросить его на левый берег реки. В бой были введены две новые пехотные и одна танковая дивизии.

С НП нашего полка нам с Бородиным были отлично видны и Ткачевка, и Ковалевка, и прилегающие к ним высоты, на которых развертывалось сражение. На НП находится также и новый командующий артиллерией дивизии полковник Плешаков Яков Семенович.

— Плохи дела у нашей пехоты, — сказал Плешаков, глядя в стереотрубу. — Отходит. А мы и помочь не можем.

Стреляли до последнего снаряда. И вот одна за другой умолкли наши батареи.

Трудно передать словами то состояние, когда видишь, как гибнут твои товарищи и ничем не можешь помочь им.

— Чертова дорога! Все отстало. Снаряды, снаряды... — хрипло говорит Плешаков.

Я предложил сходить в соседний артполк, попросить у них. Плешаков посмотрел на меня так, как будто я сказал нелепость.

— Какие там снаряды...

Да, умолкают и батареи наших соседей.

Весь автотранспорт дивизии давно уже ушел на армейский склад за боеприпасами. Но скоро ли оттуда привезут? Я не выдерживаю и посылаю шофера Черноусова навстречу.

А в это время в районе Ткачевки все еще кипел бой. В ряде мест гитлеровцы подожгли деревню. Зловещее пламя освещало путь «тигров» и «пантер». Теперь на высотах 96,7 и особенно 116,9, где был командный пункт Кухарева, их появилось около 50.

Стрелковые полки отходили. К 19 часам вечера линия обороны пролегала по высоте 116,9.

Все, кто был на командном пункте, взялись за автоматы и пулеметы и, сдерживая натиск врага, упорно сражались. Погибли начальник инженерной службы дивизии инженер-капитан Смирнов, начальник разведки дивизии старший лейтенант Зайцев. Тяжело ранило заместителя командира дивизии по строевой части полковника П. Я. Елсукова, ранило агитатора дивизии полковника Г. А. Деборина.

Саперный батальон, защищавший командный пункт дивизии, значительно поредел. Тогда Кухарев отдал команду отходить к берегу. Туда же отнесли раненых, потом эвакуировали их к переправе.

Здоровых осталось немного: Кухарев, Ляпунов, несколько разведчиков и связистов.

К берегу реки отошел с группой автоматчиков и заместитель командира 3-го стрелкового полка подполковник Гаврилов. Разведчики 8-го полка принесли тяжелораненого командира полка подполковника Кишко. Кухарев приказал отнести его к переправе и немедленно отвезти в медсанбат.

— Он уже кончается, — ответил один из разведчиков. — Ему прошило всю грудь и живот.

Ляпунов обошел солдат и офицеров, залегших в углублениях, сделанных из торфа и грязи.

— Патроны есть? — спросил он крайнего бойца.

— Нету. Драться будем прикладами, кулаками.

— Будем драться, солдат. Отступать нам некуда. Позади Южный Буг.

Ляпунов вернулся к месту, где лежал Кухарев.

— Вот, Николай Васильевич, — произнес Кухарев, посмотрев на часы. — Если немцы до двадцати часов не начнут атаку, мы спасены. А если же начнут раньше — придется всем нам погибнуть здесь.

Танки гитлеровцев, выйдя к берегу реки, вели огонь по плавням, куда отошли группы пехотинцев. Правее и левее них все еще шел бой. Гвардейцы бились с врагом насмерть.

Минут за пятнадцать до наступления темноты на берегу реки появилось около сотни гитлеровцев. Редкой цепью они начали спускаться к плавням. Когда до фашистов осталось метров пятьдесят, Ляпунов поднялся и крикнул:

— За мной, товарищи! Бей гадов!

Он бросился вперед. За ним поднялась вся группа. Гитлеровцы пришли в замешательство. Ляпунов уже не видел, что одновременно с ним на врага бросилась еще одна группа гвардейцев, возглавляемая майором Заславцевым, начальником штаба 8-го стрелкового полка.

Ляпунов только почувствовал короткий удар в грудь, хотел как будто сделать еще один шаг вперед, но не удержался на ногах, упал.

Группа Заславцева смяла противника и открыла дорогу к переправе. Майор наткнулся на раненого начальника политотдела дивизии, подхватил его. На голос Заславцева подбежало еще несколько солдат. Один из них сбросил с себя плащ-палатку, на нее положили Ляпунова и отнесли к переправе, защитой которой руководил командир дивизии полковник Кухарев.

Инструктор полиотдела старший лейтенант Владимир Желнин, больше известный в дивизии своими стихами, регулярно печатавшимися в дивизионной газете «Боевой товарищ», добровольно принял на себя командование

переправой. Уже отправлены на тот берег Елсуков и Деборин, больше сотни бойцов и офицеров.

Лодок было мало. Еще днем немецкие самолеты разбомбили большинство переправочных средств, и теперь люди использовали подручные материалы и надувные лодки. Желнин сам перевез начальника политотдела на восточный берег реки.

Уже вечером полковник Кухарев собрал группу солдат и повел их в атаку на гитлеровцев.

Натиск был таким стремительным и неожиданным, что враг отошел от берега, открывая дорогу к переправе для наших бойцов. Кухарева ранило. Но он остался в строю. Проконтролировав отход последней группы солдат к переправе, комдив вошел в плавни, из которых уже не вышел: по плавням немцы вели огонь из пулеметов и орудий...

Через несколько дней в штаб дивизии пришло сообщение, что гвардии полковнику Кухареву присвоено новое воинское звание «гвардии генерал-майор» и он награжден орденом Суворова.

Ныне в Новой Одессе генералу Кухареву поставлен памятник. Его именем названы одна из улиц города и средняя школа № 1.

...Чуть свет уезжаю в деревню Ленино, в госпиталь. Писанко еще не пришел в сознание. Даже в бреду он живет боем. Рядом с командиром полка лежит Н. В. Ляпунов. Его ранило в левый бок.

Рассказываю Николаю Васильевичу о положении в дивизии. Писанко вдруг приподнимается и кричит:

— Вперед, товарищи!..

С тяжелым сердцем выхожу из палаты. Спрашиваю доктора:

— Будет жить?

Доктор пожал плечами:

— Трудно сказать. В наших условиях сложную операцию не сделаешь. Его надо немедленно эвакуировать в глубокий тыл. Везти же на автомашине по весенней дороге невозможно.

— А если вызвать самолет?

Доктор опять пожал плечами: «Где его взять?»

Николай Васильевич передал мне наказ, чтобы его заместитель майор Павлов связался с политотделом армии и попросил выслать санитарный самолет для Пи-

санко. Я так и поступил. Через день Ивана Ивановича отправили на самолете в глубокий тыл.

Больше года Писанко лежал в госпитале города Тбилиси. Потом его перевезли в Москву. Врачи предприняли все, чтобы Иван Иванович не только остался в живых, но и мог работать. Сделали несколько пластических операций. Только не удалось спасти глаз.

Через два года госпитального лечения Писанко вышел в отставку и поселился в подмосковном городе Ступино. Он долго оставался все таким же неугомонным. Ряд лет вел общественную работу...

30 апреля 1968 года И. И. Писанко был похоронен с воинскими почестями на кладбище города Ступино. Провожали в последний путь Ивана Ивановича его родные и знакомые, жители города, ветераны Великой Отечественной войны и мы, его друзья-однополчане...

Нашу дивизию отвели в тыл на переформирование. Полк остановился в Ново-Украинке и сразу же начал принимать новое пополнение.

Из штаба армии сообщили, чтобы на время командира части Плешаков подобрал сам. Перебрав несколько кандидатур, он вдруг сказал:

— Командиром полка будешь ты.

Я даже привстал от удивления.

— Ну какой из меня командир?

— Я знаю какой. Пиши приказ: с сего числа исполняю обязанности... Принимайся за работу.

Пришлось приняться. Первым делом надо было подумать о помощниках. Говорю Запарованному:

— Ты будешь заместителем по строевой. А на должность начальника штаба кого-нибудь попросим у Плешакова.

Трудно работать без помощников. А тут еще неожиданно выбыл Андрей Абушкевич. Политотдел армии отозвал его в свое распоряжение, чтобы послать на учебу. В 1-м дивизионе тоже нет парторга. Однако как ни трудно было, а со своей задачей мы справлялись.

И вот снова марш. Дороги окончательно развезло. Кое-как добрались до села Балайчук. Отсюда пехотные полки дивизии пойдут на Днестр. С ними должны пойти минимум три батареи на конной тяге. А в последних

боях почти все кони побиты, упряжь пришла в негодность.

Собираю арттехников, артмастеров, кузнецов, бывших ездовых, рассказываю им о создавшемся положении.

— Разрешите слово? — Орудийный мастер 1-й батареи старший сержант П. Чесноков поднялся с места и посмотрел на присутствующих. — Главное — у нас нет вальков. Но мы знаем, как их делать. Если будет железо, то завтра вальки будут готовы. Дайте мне человек семь артмастеров и кузнецов. Все сделаем.

— Железо будет. — Это говорит старший техник-лейтенант А. А. Заболотнов. Недавно его назначили начальником артснабжения полка. — В крайнем случае пустим в перековку ло́мы.

— Вопрос о вальках решен. А упряжь тыл полка частью восстановит, частью сделает новую. Придется мобилизовать всех знающих шорное дело. Как ты думаешь, Николай Андреевич? — обратился я к Королькову.

— Завтра к вечеру все обеспечу.

— Прекрасно. А кони? Придется взять тех, что есть еще в хозотделениях.

Через сутки 1, 5 и 7-я батареи пошли вперед вместе с пехотными полками.

Наконец прибыли и новые политработники: майор А. Л. Горбатенко — на должность парторга полка и старший лейтенант И. П. Оробинский — на должность парторга 1-го дивизиона.

Оробинский — тридцатилетний офицер, с большим лбом и немного усталыми глазами. На мой вопрос, почему он решил уйти с должности начальника общего отдела политотдела армии, ответил просто:

— Надоело заниматься бумагами. Там должен работать человек, которому из-за ранений нельзя быть на передовой. А мне давно хотелось поработать в подразделении.

Майор Горбатенко до назначения в нашу часть был заместителем командира 1145-го стрелкового полка по политчасти. Он был года на три моложе меня. С первых же дней новый парторг начал работать хорошо.

В начале апреля, как только подсохли дороги, полк выступил к Днестру. 5-я батарея первой подошла к реке.

— Будем переправляться, не дожидаясь подхода пехоты, — предлагает Запарованный.

Новый командир дивизии полковник К. Д. Парфенов заранее нацелил всех нас на то, чтобы при выходе на Днестр немедленно захватить плацдарм на правом берегу.

Полковая разведка разыскала паром. Первым было переправлено орудие сержанта Золотарева. Солдаты на руках выкатили пушку на горку и тут же стали готовить окоп. Немцы пока еще не появились в этом районе.

Когда переправлялось третье орудие, недалеко от парома вдруг вырос фонтан — вражеская артиллерия открыла огонь.

— Теперь уж поздно, — усмехнулся Запарованный. — Плацдарм мы заняли.

Вскоре над позициями батареи появилось 24 «фокке-вульфа». Во время бомбежки погибли майор Запарованный, капитан Кривенко и лейтенант Дандин.

После налета вражеские автоматчики небольшими группами начали атаковывать позиции 5-й батареи. Ее командир, старший лейтенант Лисименко, предупредил своих солдат:

— Подпустим их поближе и будем бить в упор.

Мой наблюдательный пункт был на левом берегу Днестра. К реке подошли почти все пушки полка, и мы приняли меры к тому, чтобы их огнем оградить 5-ю батарею от неприятельских атак. В течение дня гитлеровцы несколько раз пытались сбросить батарею в реку, но все их атаки были отбиты.

Ночью на западный берег переправился 3-й стрелковый полк нашей дивизии. 17 апреля полк расширил плацдарм. Орудия 5-й батареи пришлось поставить в разных местах, чтобы прикрыть танкоопасные направления. Особенно трудно в тот день пришлось орудийному расчету сержанта Николая Золотарева. На его участке фашисты постоянно контратаковали. За день орудие уничтожило 55 гитлеровцев. Наших пехотинцев было мало, поэтому артиллеристам приходилось не только стрелять из пушки, но и браться за автоматы.

Под вечер золотаревцы подбили два танка. Но и из орудийного расчета никого не осталось: погибли Золотарев, наводчик и радист сержант Гладко, остальные были ранены.

Непрерывные бои за плацдарм длились с 18 по 26 апреля, и все эти дни 5-я батарея стойко дралась с врагом. Старший лейтенант Лисименко проявил исключительную стойкость и умение командовать батареей. Словом и личным примером он вдохновлял людей на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

...18 апреля в селе Глинное, недалеко от школы, мы похоронили гвардии майора Запарованного Василия Кононовича, гвардии капитана Кривенко Николая Петровича, гвардии лейтенанта Дандина Ивана Сергеевича, гвардии сержантов Золотарева и Гладко, рядового Перетокина.

Короткое прощальное слово. Троекратный залп из винтовок и автоматов. Продолжением его был залп всех орудий полка, направленный в сторону обороны врага.

28 апреля дивизия вышла из боев и сдала свой плацдарм пришедшей на смену стрелковой дивизии.

В эти же дни прибыл и новый командир полка подполковник Н. В. Космачев.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ БРАТУШКИ!»

Знойный августовский день. Прошедший недавно сильный дождь сегодня кажется приятным сном. Воздух раскален, и дышать трудно. Ни одного дуновения ветерка. Прибрежные деревья, опустив посеревшие от пыли листья, дремлют в истоме.

Сижу на берегу реки Турунчук и смотрю на оживленную возню солдат в воде. Турунчук быстро катит свои желтые воды в Черное море, торопится на поворотах, шумит в узких местах, завивая большие воронки в заводях. Собственно, Турунчук не самостоятельная река, а рукав Днестра. Южнее Тирасполя, совсем недалеко от места, где мы сейчас находимся, Днестр делится на два рукава, почти одинаковые по ширине. Правый — это сам Днестр, а левый — Турунчук. Между рукавами широкая пойма, поросшая буковым лесом, и знаменитые днестровские плавни.

Перед нами на правом берегу Днестра раскинулось молдавское село Толмаз. Ниже, по течению, такие же большие села Чобручу и Рэкауцы. По правобережью проходит линия немецко-румынской обороны.

Напротив нас румынские части. Румыны ведут себя тихо, за неделю — ни одного выстрела. Наши солдаты спокойно разгуливают по левому берегу Днестра, загорают, купаются, поблескивая в ослепительных лучах солнца бронзовыми спинами. Под видом купальщиков наши разведчики плавали к правому берегу, но по ним не стреляли. Кто-то из румын крикнул на ломаном русском языке:

— Эй, Иван, когда наступать будешь?

Ответил Володя Кравченко:

— Когда прикажут.

За несколько дней до начала прорыва мы решили провести проверку боевой готовности личного состава полка. Комиссия из наиболее опытных офицеров, сержантов и рядовых коммунистов придирчиво осмотрела материальную часть, провела ряд бесед с воинами.

На заседании партийного бюро части я доложил результаты проверки. И хотя активисты сами работали в

комиссии, основательно разобрались во всем, обобщенный материал выслушали внимательно.

В нашем полку насчитывалось к тому времени более 250 членов и кандидатов партии и около 130 комсомольцев. Это почти две трети всего личного состава. Только за восемь месяцев 1944 года в члены партии было принято 54 человека и 76 стали кандидатами.

В моей памяти крепко засели слова первого комиссара полка Павла Семеновича Барстока, сказанные им 29 апреля 1943 года: «В 1941 году, когда мы собрались выбирать партийное бюро части, нас было всего пятнадцать человек. А за период тяжелых боев с врагом мы выросли в несколько раз, окрепли. Это важнейший момент в работе нашей парторганизации».

Коммунисты полка — опытные воины, прошедшие славный боевой путь от Ельни и Тихвина до Днестра. У нас сложился крепкий костяк младших командиров. Я. И. Юдин, В. И. Макаров, А. Т. Дубина, В. Е. Голубитченко, Н. Г. Давыдов, Г. Т. Васин, С. А. Курмахин, И. И. Федоров — всегда впереди, во всем показывают пример служения Родине, выполнения своего воинского и партийного долга.

На заседании бюро мы наметили подробный план политико-воспитательной работы на время наступления и преследования противника. Каждый из нас хорошо понимал, что перед нашей армией ставится великая миссия — освободить народы Европы от фашизма. Поэтому все бойцы, а коммунисты в первую очередь, должны высоко нести звание советского воина-интернационалиста.

...Каждую ночь к нам переправляются перебежчики. По одному, по два, а то и целыми группами. «Долой «разбой» (войну), — говорят румынские солдаты, поблескивая черными глазами. — Руманешти воевать за Гитлера не хочет. Румын хочет домой. Дома хозайка кушать нет чего».

На рассвете 20 августа я обошел батареи, которые должны переправляться через Днестр вместе с пехотой. Артиллеристы готовы к наступлению. Уже в который раз они спрашивают, скоро ли начнется настоящее дело.

Недалеко от наших огневых позиций стоят саперы. У них также все готово к прорыву: с первым же залпом артиллерии саперные подразделения начнут наводить понтонный мост для артиллерии и танков.

Ко мне подошел парторг 8-й батареи Григорий Трофимович Васин, коренной уралец, житель деревни Шумиха, Свердловской области. Сержант в обычное время нетороплив, рассудителен, а в бою упорен и смел. Особенно отличился он в бою под Мариенфельдом и Новой Одессой.

— Разрешите открыть митинг? — спросил Васин.

— Начинайте.

На поляне возле орудий выстроились солдаты батареи.

— Товарищи! Нам приказано прорвать оборону врага на западном берегу Днестра. — Сержант на какое-то мгновение задумался, затем продолжал: — Настала пора полностью очистить нашу землю от фашистской нечисти. Разрешите от вашего имени заверить командование: восьмая батарея с честью выполнит боевое задание. Что касается нас, коммунистов, то мы будем впереди, на самых ответственных участках сражения.

После Васина выступали солдаты и сержанты. Они говорили мало, но горячо, взволнованно, торжественно клялись с честью выполнить свой воинский долг, беспощадно громить гитлеровские полчища, освободить народы Европы от фашистского рабства.

Мы знали, что нашей дивизии при поддержке четырех артиллерийских минометных полков предстоит прорвать оборону противника на двухкилометровом участке.

И вот в назначенный срок по всему Приднестровью прокатился орудийный грохот. Мы сидим на помосте, на самой вершине высоченного бука. Это наш наблюдательный пункт. Отсюда как на ладони видны село Толмаз и река Днестр. Залпы орудий следуют беспрерывно. Медленно оседает высокая колокольня в Толмазе, поднимая вверх клубы белой пыли. По реке уже снуют лодки — саперы тянут понтоны, наводят переправу.

По плану артиллерийского наступления мы должны были вести огонь по обороне противника 45 минут. Но уже через полчаса с передовых пунктов передали:

— Пехота бросилась к переправам.

Наши радисты, шедшие вместе с передовыми подразделениями, попросили:

— Прекратите огонь по Толмазу.

Батареи умолкли. Космачев спросил у командиров дивизионов по радио:

— Где вы находитесь?

— За Толмазом, — ответили они. — Выбрались на горки, наблюдаем. Противник отступил.

— Все батареи на правый берег! — приказывает Космачев.

Перебрались туда и мы. Прикрытие с воздуха надежное, поэтому не видно ни одного вражеского самолета. Мы быстро идем на бугры. Перед нами бескрайняя бессарабская степь.

Пехотинцы строятся в походные колонны. Наши батарейцы садятся на автомашины.

— В Румынию!

— На Бухарест!

Под вечер в районе деревни Поповка появились первые группы противника и около десятка танков, в том числе несколько «тигров». Немецкое командование пытается организовать сопротивление. Три «тигра» выползают на бугор и открывают огонь по колонне пехотинцев. Те сразу же рассыпаются в цепь.

Навстречу танкам мчатся батареи нашего полка и еще чьи-то орудия. Разворачиваются к бою. Кто-то кричит:

— Эй, замполит двадцать три! Куда?

Оборачиваюсь. И не верю своим глазам: передо мною — подполковник Минчонок.

— Устиныч! Какими судьбами?

Обнимаемся.

— Воюю. Вон против «тигров» мои зверобои пошли. Сейчас зададут им...

Мимо нас проносятся самоходки. ИСУ-152. Они открывают огонь по «тиграм». Один из танков сразу же вспыхивает ярким пламенем. Остальные пятятся.

И снова команда:

— По машинам!

Прощаюсь с Минчонком:

— Ну, бывай жив, Устиныч! До новой встречи.

— До новой.

Крепко жмем друг другу руки. Хороший человек Михаил Устинович, прекрасный друг. Больше года работали мы вместе. Сейчас Минчонок командует истребительно-противотанковым артиллерийским полком.

Он бежит к своей машине. Смотрю ему вслед. Перед тем как сесть в машину, подполковник оборачивается и машет рукой.

— Встреча — в Вене!..

Но встретиться с Михаилом Устиновичем не довелось. На следующий день я увидел его ординарца. Лицо расстроенное.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Подполковника нашего убило...

Он махнул рукой и побежал куда-то. Надо бы задержаться, но я не мог: радио передало, что 2-й Украинский фронт устремился к Бухаресту. Значит, надо торопиться.

Молдаванские деревни как будто уснули в зелени. Пыль на дорогах. Она клубится вслед за колоннами наших войск. Навстречу идет большая группа румынских солдат. Усталые, запыленные, шагают они на восток. Румынский лейтенант поднимает руку, просит нас остановиться. Подходит к нам, щелкает каблуками высоких, с ремешками, сапог.

— Домну колонель-локотенент. Разрешите узнать, где есть русский плен?

В самом деле, где? О пунктах сбора пленных нас не информировали. Видимо, не рассчитывали, что прорыв наших войск будет таким стремительным. Что же сказать этому «локотененту»? Машу рукой на восток.

— Там... В Бендерах.

В каком-то селе снова встретилась группа румынских солдат. Но мы уже не останавливаемся — некогда.

Вот и река Прут. Мост не взорван. Румынам уже не до мостов. Их старая армия развалилась. Они поняли всю глубину того, что сделали раньше, воюя против нас, и теперь готовы помогать нам в борьбе против немецко-фашистских оккупантов.

Переезжаем реку. Это — граница, последний рубеж нашей Родины. Дальше идет чужая, неведомая нам земля. Она расстилается перед нами в жарком августовском мареве, мерцает беленькими домиками в зеленых островках фруктовых деревьев, акаций и каштанов; повсюду видны полоски кукурузы и подсолнухов. Почти совсем нет пшеницы.

Невольно смотрю назад, на оставшуюся позади нашу Родину. Думаю о разрушенных немецко-фашистскими извергами городах и селах, уже встающих из пепла.

У моста я пересел на машину Юдина. Яков Иванович — один из самых старых сержантов. Ему уже сорок восемь. Рязанский колхозник из села Новоселки, он прекрасно знает сельское хозяйство. Сейчас Яков Иванович изучающе поглядывает по сторонам. На остановках берет в руки землю, растирает ее и долго нюхает. С усмешкой посматривает на узкие крестьянские наделы.

— Ну и полоски...

— Единоличники. Чему тут удивляться.

— Как же они работают? Тут и повернуться-то негде.

— Як наши диды, — смеется веселый белозубый солдат из нового пополнения, недавно назначенный в орудийный расчет Юдина.

Прибыли и другие машины батареи. Подходит старший сержант Васин. Ему тоже в диковину отсталая румынская деревня.

— У нас поле глазом не окинешь, — говорит он, — а тут шагнешь — и межа соседа...

И снова марш. Взбираемся на гору. Впереди большая деревня. Останавливаемся на ее окраине, ждем, пока подтянутся все машины. Справа от нас к деревне движется большая колонна солдат.

— Не нравится мне эта колонна, — говорит Коваль.— Правее нашей пехоты не должно быть никого.

Он долго смотрит в бинокль, что-то бурчит себе под нос и вдруг командует:

— Дивизион, к бою! — Потом передает бинокль мне: — Гитлеровцы. Посмотрите.

Да, это была неприятельская колонна.

Батарейцы разворачивают орудия к бою. Дивизион стреляет залпами. Фашисты начинают развертываться для наступления.

Правее нас открывает огонь еще один дивизион. Немецкие пехотинцы бегут вниз по балке. Вскоре они скрываются в лесу. А вражеские автомашины мчатся на полной скорости. Видимо, решили все же проскочить. Коваль открывает огонь по машинам. Две из них вспыхивают. Несколько машин все же прорвались в деревню и ушли на запад.

А в это время первый дивизион нашего полка вырвался далеко вперед. Заместитель командира дивизиона по строевой части капитан А. Т. Дьяченко ехал на головной машине 1-й батареи. Он не спал несколько ночей, а потому подремывал. Шофер неожиданно резко затормозил.

Перед машиной вырос корпус тридцатьчетверки. Откинулся люк, и Дьяченко увидел подполковника.

— Хлопцы! — крикнул танкист. — Вы откуда? Не с Третьего ли Украинского?

— Так точно, товарищ подполковник!

— Ну, а мы с Второго Украинского.

Капитан выскочил из автомашины и лихо козырнул:

— С окружением немцев, значит?

— Выходит, так, — засмеялся подполковник. — Куда путь держите?

— На Бухарест!

— Ого! Тогда нам по пути. Давай жми за нами, капитан.

И танки снова ринулись вперед, взметая облако пыли.

Ночью подъезжаем к какой-то деревне. Коваль остановил дивизион на пригорке, развернул орудия на виднеющуюся вдали деревню.

— Дальше ехать без разведки нельзя, — сказал он и послал группу разведчиков вперед.

До утра нам приказали оставаться на месте. С рассветом мы были уже в деревне. Улица на протяжении нескольких километров загромождена разбитыми немецкими повозками и автомашинами. С грехом пополам пробираемся на другую окраину селения. Там стоит наш танк. Молодой лейтенант попросил нас остановиться.

— Нет ли горючего?

— Ваша работа? — показываю на улицу.

— Вчера под вечер. Вот даже машину поломали, пробивая себе дорогу. Теперь наши, наверное, уже к Бухаресту подходят. Горючего-то дадите?

— Бери, пожалуйста.

Из кузова автомашины солдаты скатили бочку солярки.

— До Бухареста хватит?

— Спасибо. Мне бы своих догнать, а там...

Командир соединения вызывал по радио Космачева и меня к себе в деревню, которая впереди нас. Вот тебе и на... А мы-то думали, обогнали всех. Оказывается, оперативная группа штаба дивизии выскочила вперед. Вскоре выяснилось, что полковник Парфенов специально выехал вперед, чтобы поставить новую задачу.

— Надо захватить Олтеницу, Кэлараши и Джурджу, — говорит он. — В Олтеницу пойдет первый, в Кэлараши — третий, в Джурджу — второй дивизионы со своими стрелковыми полками. На каждую автомашину вам дадут по два отделения автоматчиков. Двигайтесь на полной скорости. На бродячие группы гитлеровцев не обращайте внимания. Бой завязывайте только в том случае, если немцы будут оказывать сопротивление. С румынскими частями в схватку не вступайте: Румыния уже вышла из войны. Наши танки подходят к Бухаресту. А может, вошли уже в город.

...Мчимся по полям Румынии. Мягко шуршат шины студебеккеров. Грохочут повозки пехотинцев. Сейчас нет пеших. Каждое отделение пехотинцев имеет в своем распоряжении повозку, запряженную парой, а то и четверкой лошадей.

27 августа передовой отряд, составленный из автоматчиков 3-го гвардейского стрелкового полка и 3-го дивизиона, столкнулся с большой группой противника, стремившегося задержать наше наступление к румынским городам Галац и Браилов.

Наши воины быстро развернулись для боя и начали разведку сил противника. В это время подошли передовые отряды 8-го и 11-го стрелковых полков с 1-м и 2-м дивизионами нашего артполка.

Противник бросил в бой бронетранспортеры и танки, отбил атаку передовых отрядов. А во второй половине дня гитлеровцы перешли в контратаку.

К вечеру все наше соединение втянулось в бой.

Храбро сражались советские солдаты. Орудийный расчет старшего сержанта Григория Трофимовича Васина первым появился у Балени. Гитлеровцы, заметив только одно орудие, отрезали ему отход. Но Васин и его солдаты и не думали об отходе. Они знали, что вот-вот появятся и остальные пушки батареи.

Васин развернул орудие и открыл огонь. Пока были снаряды, артиллеристы вели беглый огонь и не подпускали противника. Подожгли бронетранспортер. Погибли Федор Нетег и Исаак Кравец. Васин и молодой боец-сибиряк вдвоем бросились на подходивших гитлеровцев и пали смертью отважных.

Бой шел до самой ночи, пока не было окончательно сломлено сопротивление противника. Большая группа немцев сдалась в плен. Только наша часть пленила 140 солдат. Огнем артполка было разбито 23 повозки с

— Хлопцы! — крикнул танкист. — Вы откуда? Не с Третьего ли Украинского?

— Так точно, товарищ подполковник!

— Ну, а мы с Второго Украинского.

Капитан выскочил из автомашины и лихо козырнул:

— С окружением немцев, значит?

— Выходит, так, — засмеялся подполковник. — Куда путь держите?

— На Бухарест!

— Ого! Тогда нам по пути. Давай жми за нами, капитан.

И танки снова ринулись вперед, взметая облако пыли.

Ночью подъезжаем к какой-то деревне. Коваль остановил дивизион на пригорке, развернул орудия на виднеющуюся вдали деревню.

— Дальше ехать без разведки нельзя, — сказал он и послал группу разведчиков вперед.

До утра нам приказали оставаться на месте. С рассветом мы были уже в деревне. Улица на протяжении нескольких километров загромождена разбитыми немецкими повозками и автомашинами. С грехом пополам пробираемся на другую окраину селения. Там стоит наш танк. Молодой лейтенант попросил нас остановиться.

— Нет ли горючего?

— Ваша работа? — показываю на улицу.

— Вчера под вечер. Вот даже машину поломали, пробивая себе дорогу. Теперь наши, наверное, уже к Бухаресту подходят. Горючего-то дадите?

— Бери, пожалуйста.

Из кузова автомашины солдаты скатили бочку солярки.

— До Бухареста хватит?

— Спасибо. Мне бы своих догнать, а там...

Командир соединения вызывал по радио Космачева и меня к себе в деревню, которая впереди нас. Вот тебе и на... А мы-то думали, обогнали всех. Оказывается, оперативная группа штаба дивизии выскочила вперед. Вскоре выяснилось, что полковник Парфенов специально выехал вперед, чтобы поставить новую задачу.

— Надо захватить Олтеницу, Кэлараши и Джурджу, — говорит он. — В Олтеницу пойдет первый, в Кэлараши — третий, в Джурджу — второй дивизионы со своими стрелковыми полками. На каждую автомашину вам дадут по два отделения автоматчиков. Двигайтесь на полной скорости. На бродячие группы гитлеровцев не обращайте внимания. Бой завязывайте только в том случае, если немцы будут оказывать сопротивление. С румынскими частями в схватку не вступайте: Румыния уже вышла из войны. Наши танки подходят к Бухаресту. А может, вошли уже в город.

...Мчимся по полям Румынии. Мягко шуршат шины студебеккеров. Грохочут повозки пехотинцев. Сейчас нет пеших. Каждое отделение пехотинцев имеет в своем распоряжении повозку, запряженную парой, а то и четверкой лошадей.

27 августа передовой отряд, составленный из автоматчиков 3-го гвардейского стрелкового полка и 3-го дивизиона, столкнулся с большой группой противника, стремившегося задержать наше наступление к румынским городам Галац и Браилов.

Наши воины быстро развернулись для боя и начали разведку сил противника. В это время подошли передовые отряды 8-го и 11-го стрелковых полков с 1-м и 2-м дивизионами нашего артполка.

Противник бросил в бой бронетранспортеры и танки, отбил атаку передовых отрядов. А во второй половине дня гитлеровцы перешли в контратаку.

К вечеру все наше соединение втянулось в бой.

Храбро сражались советские солдаты. Орудийный расчет старшего сержанта Григория Трофимовича Васина первым появился у Балени. Гитлеровцы, заметив только одно орудие, отрезали ему отход. Но Васин и его солдаты и не думали об отходе. Они знали, что вот-вот появятся и остальные пушки батареи.

Васин развернул орудие и открыл огонь. Пока были снаряды, артиллеристы вели беглый огонь и не подпускали противника. Подожгли бронетранспортер. Погибли Федор Нетег и Исаак Кравец. Васин и молодой боец-сибиряк вдвоем бросились на подходивших гитлеровцев и пали смертью отважных.

Бой шел до самой ночи, пока не было окончательно сломлено сопротивление противника. Большая группа немцев сдалась в плен. Только наша часть пленила 140 солдат. Огнем артполка было разбито 23 повозки с

разным имуществом и боеприпасами, 12 автомашин, 3 бронетранспортера, 2 танка и самоходное орудие.

Особенно отличились сержанты Степан Курмахин и Анатолий Нестерюк.

Васина и его товарищей нашли уже после боя. Возле их орудия стоял подбитый бронетранспортер, а недалеко от него валялись 30 трупов противника.

28 августа форсируем реку Серет и врываемся в Галац и Браилов. Бои за эти города были скоротечными. Гитлеровцы поспешно отошли к переправам через Дунай.

За взятие Браилова 3-му гвардейскому стрелковому полку и нашему 23-му гвардейскому артиллерийскому полку было присвоено наименование «Браиловских».

...Большое румынское село. Останавливаемся на обед. Наши орудия возле домов на большой сельской площади, недалеко от церкви.

На площади появились крестьяне. С важным видом подходит к нам человек в полувоенной форме. Блестящие пуговицы, огромные, с ремешками, сапоги. На голове огромная фуражка с длинным лаковым козырьком. Перейдя на строевой шаг, он стучит каблуками, вздергивает подбородок, рапортует по-русски:

— Начальник жандармерии села...

Мы не обращаем на него внимания. Его красное лоснящееся лицо багровеет еще больше, он не знает, что ему делать дальше.

— Можно ли в честь прихода Красной Армии вывесить красные флаги? — спрашивает старый крестьянин.

— Пусть вывешивают, — отвечаю переводчику.

— И еще о земле. Помещик сбежал. Как быть с землей? — спрашивает тот же старик.

— Разрешите, товарищ гвардии подполковник, я им растолкую? — не выдержал ефрейтор Гончаров, стоявший рядом со мной.

Что ж, пожалуй, это хорошо — рассказать о земле устами нашего хлебороба.

— Говори, Иван Николаевич.

И тот рассказал, что земля должна принадлежать тем, кто работает на ней. Помещик же не работал, стало быть, ему ничего и не положено.

— Так вы по-нашенски сделайте: помещика в деревню не пускать, землю разделить промеж трудовиков-крестьян. Вот и весь сказ, — закончил солдат.

На хмурых крестьянских лицах появляются робкие улыбки. Старик опять что-то говорит переводчику.

— Крестьяне утверждают, что жандарм не позволит делить землю.

— Гоните жандармов в шею. — Лицо Гончарова становится злым. — Наши отцы так же поступали в семнадцатом году. Старая власть у вас кончилась. Теперь воля народа выше всего. Ему и решать, как быть дальше. Все в ваших собственных руках...

И снова — вперед, вперед!

Джурджу. Довольно крупный портовый город на Дунае. Напротив — болгарский город Рущук.

Возле меня группа солдат дивизиона. Рассказываю об истории Болгарии, о ее многострадальном и героическом народе-труженике, о его многовековой борьбе за свою независимость.

Ночью 7 сентября пришел приказ о вступлении в Болгарию.

Тихое солнечное утро. Возле причалов стоят большие баржи. Деловито пыхтят маленькие катера. На палубы вкатываем орудия, расставляем их.

И вот наша флотилия двинулась. Мимо мчатся суда Дунайской флотилии. Они раньше первыми достигают того берега. Набережная усыпана народом. Слышится громкоголосое «ура». Выходим на берег. Идем через плотные ряды болгар. Со всех сторон доносятся приветственные возгласы:

— Братушки пришли! Да здравствует Россия! Да здравствует Красная Армия — наша освободительница!

На набережной стоит группа болгарских офицеров. Погоны у них такие же, как и у нас. На фуражках кокарды, какие носили в старой русской армии. На воротниках — петлицы, заимствованные у немецкой армии. Один из офицеров подходит к нам, отдает честь.

— Начальник гарнизона города Русе полковник болгарской армии Кирчев. Добро пожаловать.

— Поблизости есть гитлеровские части?

— Нет.

— А где ваши солдаты?

Полковник широким жестом показывает на берег:

— Все здесь. Вышли встречать своих старших братьев.

В массе болгар наших солдат почти не видно. В гору поднимается автомашина, облепленная людьми. Это местные жители. Они сидят в кузове, висят на подножках, просто идут рядом. Вслед за машиной болгары выкатывают на руках орудие 5-й батареи. Старший лейтенант Лисименко, решительный в бою, сейчас в растерянности. Виновато разводя руками, говорит:

— Что я мог сделать? Не дали прицепить к машине. Просят: окажи честь, дай на руках вытащить пушку Красной Армии. Солдатам батареи не дают подойти к орудиям, все сами делают.

По широкой улице, спускаясь к набережной, движется большая колонна людей, вдохновенно поющих «Интернационал». Над колонной трепещут алые стяги, транспаранты. Впереди важно шагает мальчуган лет одиннадцати-двенадцати и играет на гармонике пролетарский гимн. Рядом с ним идут пожилые, седоусые дядьки.

— Рабочие железнодорожных мастерских, — сообщает кто-то.

Один из представителей говорит, что он председатель заводского комитета профсоюза и что рабочие города Русе приветствуют приход Красной Армии. Этого дня они ждали много-много лет.

Откуда-то появляется поднос с хлебом и высокими, на тоненьких ножках, рюмками. Старый рабочий наливает водку.

— Прошу, дорогие братушки...

Такие встречи выливались в длительные беседы о Советском Союзе.

13 сентября дивизия сосредоточилась в Туртукае. Это небольшой невзрачный городок. Старые дома с маленькими оконцами, узкие кривые улочки. Возможно, так выглядит только старый город?

Останавливаемся на окраине. Хозяин — рабочий какого-то местного предприятия кустарного типа — извиняется за бедность жилища, подает на стол кислое вино и бобы, усиленно сдобренные красным перцем и луком.

— Братушки, извините ради всего святого. Хлеба у меня нет, — виновато признается хозяин.

Теперь уже мы принимаемся угощать...

Напротив Туртукая город Олтеница. Румынские саперы наводят мост через Дунай. Капитан, руководитель работ, говорит:

— Мои саперы воодушевлены тем, что могут быть полезными великой Красной Армии...

Наш маршрут: Олтеница — Бухарест — Александрия — Крайова — Тыргу-Жиу — Тимошоара. Предстоит пройти свыше трехсот километров, почти через всю Румынию.

В Бухаресте задержались всего лишь на полчаса. Слов нет, румынская столица красива. Следующая остановка в Крайове. Это большой областной город, но довольно-таки грязноватый. Неподалеку расположен лагерь для немецких военнопленных. Их здесь тысяч двенадцать. Вчерашние «непобедимые» выглядят жалко.

По улицам проходят части нашей дивизии. Вчера мы отметили третью годовщину со дня присвоения нам гвардейского звания, а сегодня идем дальше по маршруту. Гремит музыка. Играет дивизионный оркестр, набранный из добровольцев — шахтеров Донбасса. Все машины украшены красными флажками, свидетельствующими о количестве уничтоженных данным орудием вражеских танков, самоходок и бронетранспортеров.

Румыны любуются парадом. Со всех сторон доносятся восхищенные возгласы.

Приближаемся к Трансильванским Альпам. Солнце только что выплыло из-за горизонта и позолотило своими лучами синеватые горы. После городка Тыргу-Жиу дорога пошла по ущелью реки Жеул. Природа здесь очень живописная, но нам некогда любоваться пейзажами: путь очень узок и извилист, часто идет над высокими обрывами, зазеваешься, можешь загреметь вниз, на дно ущелья.

Один за другим проезжаем населенные пункты. Вот и Лугош. По улицам города несутся звуки бравурного марша. Идет полк новой Румынии. Рядом с солдатами, теперь уже нашими союзниками, торопясь шагают женщины. В их руках букеты цветов. Музыка гремит медными голосами. Но стоит ей затихнуть на минуту, как над полком начинают свою песню пастушьи рожки.

Лугош провожает своих сынов на фронт, воевать против фашистов, воевать за новую жизнь. Солдаты выгля-

дят молодцевато. У них веселые лица, уверенные взгляды. Идут крестьяне горных деревень, решительные, смелые парни. Идут горняки Петрошани, рабочие Лугоша. Они знают, зачем их посылают на войну.

Притормаживаем движение своей части и идем рядом с полком румынской армии. Внимание населения переключается на нас. Раздаются приветственные крики. В кузова машин летят цветы.

Потом мы обгоняем румынский полк и мчимся дальше.

...Последний день сентября. И наш последний день на земле Румынии. Завтра переходим границу Югославии. К нам прибывает делегация этой страны.

— Поспешите, братья. Югославы изнемогают в борьбе с гитлеровскими головорезами. Каждый день дорог. Во всех наших городах и селах вас ждут, как самых дорогих гостей.

Дента-Модош. Переходим границу. Пограничные столбы и постовые избушки. При переправе через реку на нашу колонну налетело девять фашистских бомбардировщиков. Однако никто никуда не бежит. Все быстро делают свое дело. Машина за машиной преодолевают хрупкий мостик. Визг бомб. Разрывы. Впереди нас загорелись две автомашины. Солдаты пытаются потушить огонь.

На окраине деревни Сарча появились немецкие танкетки. Дивизион Коваля быстро расправляется с ними.

Перед Петровградом командир 3-й гаубичной батареи нашего полка старший лейтенант В. А. Зивзивадзе получил задачу разбить немецкий аэродром в районе Эчки. Ночью Зивзивадзе подтянул гаубицы к железнодорожной насыпи. Отсюда удобнее всего нанести удар по аэродрому.

Парторг батареи Василий Иванович Макаров собрал коммунистов. За жаркое лето старшина загорел до черноты. Хлопотливый, по-мужицки обстоятельный, тамбовский эмтээсовский работник в прошлом, он и военную работу выполнял обстоятельно, не упуская никаких мелочей.

— Хочу напомнить, — начал Макаров, — что перед батареей поставлена очень ответственная задача. Немцы, конечно, попытаются бомбить нас. Поэтому орудийные окопы надо оборудовать по всем правилам. Коммунисты должны показать в этом пример. Надеюсь, что в случае налета никто из нас не дрогнет.

Коммунисты заверили, что все будет сделано так, как положено.

Всю ночь артиллеристы оборудовали огневую позицию батареи. Старший лейтенант Зивзивадзе вынес свой НП на вышку у железнодорожного полотна. Разведчики батареи выдвинулись на ничейную землю — оттуда удобнее корректировать огонь батареи.

Утро выдалось на редкость туманным. Дымка рассеивалась медленно. С огневой давно уже доложили о готовности. Со стороны летной площадки доносился гул моторов.

— Огонь!

Расчет оказался точным.

— Вспыхнули самолеты! — доложили разведчики с передового наблюдательного пункта.

— Пять снарядов, огонь! — снова скомандовал Зивзивадзе.

— На аэродроме полное смятение,— сообщили разведчики. — Но в дальнем углу стояли истребители, они поднимаются в воздух.

Теперь и Зивзивадзе видел весь аэродром. Он очень большой, тремя орудиями трудно поразить всю его площадь. Но главное — не упустить бы транспортные самолеты.

— Огонь!

Немецкие истребители обнаружили позицию батареи и предприняли штурмовку. Над огневыми зацокали пули, стали взрываться небольшие бомбы. Но артиллеристы продолжали выполнять боевую задачу.

К тому времени с неприятелем завязал бой и 8-й стрелковый полк, дравшийся за Петровград. Пехотинцы дружно пошли в атаку, ворвались на аэродром. Только тогда Зивзивадзе прекратил огонь.

От Петровграда наша дивизия повернула на север, к городу Велика Кикинда и далее на Сегед.

В большом населенном пункте Башаид нас встретила югославская молодежь. Через всю улицу красный транспарант: «Живио Червона Армата! Добро пожаловать, дорогие братья!»

Парни и девушки пели русские песни. Переливались заливистые голоса маленьких гармошек, похожих на наши «ливенки». Молодежь лихо отплясывала свою любимую «Кола-кола».

Солдаты 3-го дивизиона уже щеголяли с подвязанными на левой руке вышитыми полотенцами. На повязке —

красная звездочка. Даже у серьезного и немного хмуроватого капитана Березина.

— Нарушение дисциплины? Ничего не поделаешь — подарок же...

Местные жители приглашали наших бойцов отобедать в их домах. Ко мне подошла старуха и осторожно тронула за руку.

— Господин офицер... Товарищ, — поправилась она,— старая Бианка одна. Мне недавно исполнилось сто лет. И меня обидели.

— Кто обидел, бабушка?

— Ни одного русского солдата не прислали в дом старой Бианки. А я так готовилась к встрече. Я ведь хорошо помню русских, хорошо. Когда молодой была, тогда тоже здесь русские воевали — за свободу Сербии, против турок.

И вот мы, несколько офицеров, сидим за столом в небольшой хатке одинокой женщины. Старая Бианка угощает нас вином и курицей. Это, видно, последнее ее богатство. Она потчует нас и неторопливо рассказывает:

— Тогда сербские девушки вышивали для русских знамя. Каждая девушка должна была сделать свой стежок. И я сделала стежок. А как наши девушки любили русских! И генерал русский, Чернявый или... забыла его фамилию. Такой хороший был генерал.

Мой ординарец Виктор Туриев, немного стеснительный, застенчивый в обращении с начальством, низко кланяется Бианке и говорит:

— Спасибо, бабушка, за привет и угощение...

В Драгутиново собираю на полчаса агитаторов, рассказываю им историю южных славян, говорю об их вековой борьбе с турецкими захватчиками. И не только с турецкими. Разве не лезли иные охотники до чужих земель?

...Югославский Банат. Черная плодородная земля. Среди необъятных полей маленькими островками выглядывают экономии немецких колонистов. И здесь хозяйничали немцы. А подлинные хозяева земли, югославы, были их батраками. Останавливаемся возле одной из таких экономий. Пустые дома, пустые дворы. Колонисты исчезли.

Заходим в крайний дом. Здесь ютится семья югослава. Хозяин — сухой, высокий, костлявый старик. Трое голых

ребятишек копошатся в углу. Молодая женщина, одетая в рубище, стирает белье, сшитое из мешковины. Женщина поправляет сползающую с плеч рубаху.

— Здравствуйте!

— Живио!

Старик вынимает изо рта потухшую трубку, показывает нам: «Нет ли табачку?» Капитан Елизаров подает ему пачку. В выцветших глазах хозяина вспыхивает радость.

Молодая женщина подходит к старику, трясет его за плечи:

— Деда, слышишь? Ведь это русские. Русские пришли!

— Русские? Хорошие юнаки. Помню, как мы вместе дрались против турок...

Малыши, словно воробушки, окружают нас. Самый маленький боязливо дотрагивается до кобуры пистолета.

— Пушка...

— Что же это ребята голышом ходят? — спрашивает женщину обычно молчаливый командир 3-го дивизиона капитан Коваль.

Женщина смотрит на нас большими удивленными глазами. Потом показывает пальцем на корыто.

— Вон их белье. Стираю.

— А еще? На смену? — спрашиваю я.

— А смены нету.

— Так и живете?

— Да...

Старик вмешивается в разговор. Он говорит хриплым, простуженным голосом:

— Проклятый богатей! Где динары? Нет их. Так всю жизнь...

— Динары? — Березин вдруг оборачивается ко мне. — Наши солдаты где-то нашли целый ящик динар. Сдать не успели еще. Так я...

Он приносит большую пачку югославских денег и отдает их старику.

Замполит Гриша Елизаров о чем-то говорит солдатам дивизиона. Через несколько минут в углу хаты вырастает куча подарков.

— Это от воинов Советской Армии, — говорит он.

Женщина сердечно благодарит.

По радио передали, что наши войска вступили на территорию Венгрии. Взяты два города.

Наш маршрут: Сегед — Кечкемет. Вихрем мчимся по дорогам восточной Венгрии. Низко плывут серые облака. Свободно гуляет осенний ветер по большой низменности. «Альфельд» — так зовут венгры эту часть своей территории. Лесов нет. Островками торчат маленькие хутора с высокими журавлями колодцев.

Мы стремимся к Будапешту. Там идут упорные бои.

ЛИНИЯ «ЦАРИЦЫ МАРГАРИТЫ»

В комнате прохладно. Командиры 1-го и 2-го дивизионов капитаны Березуев и Литашов стоят навытяжку. Оба высокие, стройные. Правда, Литашов несколько угловат. Лицо у него обветренное, брови насуплены. А Березуева, кажется, ни солнечный загар, ни осенние ветры не берут. Чистое, слегка смугловатое лицо покрыто румянцем.

Командующий артиллерией дивизии полковник Плешаков ставит задачу. У окна сидит командир части подполковник Космачев. Он почему-то в подавленном настроении. Надо сказать, в последнее время полковник днюет и ночует у нас и частенько, вмешиваясь в дела, фактически отстраняет Космачева от руководства полком.

— Дивизионы занимают боевой порядок в районе Харта, — говорит Плешаков и показывает на карте район огневых позиций. — Вот здесь. Готовность к открытию огня в... — Он смотрит на часы: — Сейчас десять ноль-ноль. В двенадцать занимаете ОП, час на выбор наблюдательных пунктов, к четырнадцати ноль-ноль должны быть готовы к ведению огня. Ясно?

Капитан Березуев изучает карту. По выражению его лица вижу, что он чем-то недоволен. Вот Березуев посмотрел на Космачева. Тот продолжает сидеть, опустив голову.

— Разрешите обратиться, товарищ полковник? — спрашивает Березуев.

— Что еще?

— Дорога, по которой вы приказали ехать, открыта для наблюдения противником. Со стороны Дунафельдвара она видна как на ладони.

— Ну и что?

— Может быть неприятность. В Дунафельдваре находится артполк венгров. Они не упустят случая нанести нам урон.

— Ничего, проскочите. Больше дерзости, Березуев.

— Ясно.

Кому-кому, а Березуеву дерзости не занимать. Но сейчас... В чем тут дерзость? Березуев сложил карту, рывком сунул ее в планшетку, козырнул:

— Разрешите выполнять?

— Да. И побыстрее.

Литашов все время молчал. Леонтий Савельевич принял 2-й дивизион от ушедшего на повышение майора Бородина совсем недавно и не хотел портить взаимоотношений с начальством.

Литашов и Березуев направились к выходу. Мне следовало бы вмешаться. Но приказ есть приказ. Возможно, у полковника Плешакова нет иного выбора.

— Одну минутку, — останавливаю я командиров дивизионов. И к Плешакову: — Я поеду с ними.

Недавно мы поссорились с Плешаковым из-за ремонта двух гаубиц 9-й батареи. «Старик» и сейчас дуется на меня за то, что я не скрыл от политотдела плохо проведенный дивизионными артмастерскими ремонт этих гаубиц. Полковник считал, что достаточно было его личной власти для наказания виновных, что политотдел не следовало посвящать в эти дела.

— Езжай. Это даже лучше...

Дивизионы быстро продвигаются к указанному району. Сижу в одной кабине с Березуевым. Иван Степанович все еще не может успокоиться.

— Не понимаю! Ведь можно было ехать по другой дороге, более безопасной.

— То обходной путь. А время ограничено. Ночью начнется переправа сороковой гвардейской дивизии через Дунай. Мы должны прикрыть переправу огнем полка.

— Все это понятно. Но если нас заметят венгры, короткий путь может оказаться длиннее длинного.

Подъезжаем к указанному району огневых позиций. Сейчас оба дивизиона рассредоточатся...

Грохот двух десятков орудий со стороны Дунафельдвара говорит о том, что венгры следили за нами. Ведь весь район огневых как на ладони. Но раздумывать некогда. Вылезаю из кабины. Березуев за мной. Оба кричим, словно командиры батарей могут услышать нас:

— Рассредоточиться!..

Грохот разрывов заглушает наш крик. Но офицеры понимают все и без команды. Вот Чернышев рванулся со своей батареей вперед по направлению к деревушке Дунаэдьхаза. Командир 2-й батареи капитан Наконечный взял вправо. Через минуту его машины скрылись за фруктовыми деревьями. Солдаты 2-го дивизиона выскакивают из машин, ищут укрытия. Литашов поворачивает свое подразделение тоже вправо.

Стою с Березуевым на маленьком пригорке. Совсем рядом рвутся снаряды. Все окутало густым едким дымом. Курю папироску за папироской. В голове только одна мысль: «Потери, потери...»

Во рту пересохло. Березуев, понимая мое состояние, достает из кармана яблоко, свежее, румяное.

— Съешьте. Утолит жажду. — И сам со спокойным видом начинает грызть такое же яблоко.

— Пожалуй, потери будут... — Я не договорил.

Березуев чуть заметно улыбнулся и подбодрил меня:

— Командиры батарей — ученый народ. Вырвались из района обстрела в одну минуту. А если потери и будут, то не очень значительные. Да, короткий путь оказался все же длинным. Теперь занятие огневых позиций затянется до вечера. Пойдемте в деревню. Наверное, все уже там.

Потери действительно оказались небольшими. Легко ранило командира отделения связи управления 2-го дивизиона сержанта Ткачука Ивана Архиповича, того самого Ваню Ткачука, который еще в 1941 году был комсоргом управления дивизиона.

Во второй половине дня пошел дождь. Мелкий, частый, больше похожий на густой туман. Под покровом дождя занимаем огневые позиции. Хожу от одной батареи к другой, беседую с солдатами.

— Могло бы быть и хуже, — заметил старшина Дубина. — Жаль нашего Ваню. Столько времени держался. Ну, да рана не опасна, быстро подлечится.

Ночью 40-я гвардейская дивизия начала переправу через Дунай. Мы прикрываем ее. Березуев все же сумел обнаружить огневые позиции венгров и довольно основательно прошелся по ним снарядами своего дивизиона.

В четыре часа утра 2 декабря в районе Харта начала переправу наша дивизия. Через несколько часов основные силы стрелковых полков были уже на западном берегу Дуная. Два батальона 8-го полка, переправленные одновременно, высадились ниже плацдарма 40-й гвардейской дивизии. Разгромив около двух рот гитлеровцев, батальоны с ходу повели наступление на станцию Белчке.

Переправа проходила исключительно организованно. Все делалось молча, каждый знал свое место, знал, что

ему делать. Следует отметить большую роль моряков Дунайской речной флотилии. Их четкая работа по переброске на лодках типа «А-3», прикрытие переправы огнем бронекатеров обеспечили высадку войск и захват плацдарма почти без потерь.

Во второй половине дня обе дивизии начали наступление на Дунафельдвар. Почти всю ночь шел ожесточенный бой. Мы вели огонь с восточного берега, помогая пехоте. Утром 3 февраля город был полностью очищен от противника.

Три конные батареи мы переправили ночью на западный берег Дуная. С ними переплыл реку и капитан Елизаров.

Во время переправы два орудия неожиданно соскользнули с парома и ушли на дно реки. Как это случилось, никто не смог объяснить. Вероятнее всего, орудийная прислуга небрежно поставила пушки и забыла закрепить их. Елизаров решил, что это его промах. По деревянным буйкам, привязанным к каждому орудию, он нашел места, где затонули пушки, и дважды нырял в ледяную воду, прикреплял тросы к станинам орудий. Через несколько часов трудной работы обе пушки были вытащены.

Батареи на механической тяге направились по маршруту Шольт — Калоча — Байя. В 30 километрах южнее Байи наши войска построили наплавной мост. Это пока единственный мост через Дунай.

Вечером 3 декабря останавливаемся километрах в двух от переправы. Впереди — огромная двухкилометровая колонна автомашин, главным образом, с орудиями. Всю ночь медленно двигаемся в этой колонне. Немецкие самолеты постоянно висят над районом переправы. Ожесточенно бьют наши зенитки.

Утром мы были уже на том берегу. Теперь наш маршрут пролегал по правобережью Дуная: Моча — Сексард — Дунафельдвар.

Части нашей дивизии уже завязали бой за Дунапентеле. Перед фронтом соединения действуют 8-й шольтовский полк венгров и 979-й полк 271-й пехотной дивизии, 4-й отдельный саперный батальон и 88-й артиллерийский полк венгров.

На подступах к этому городу особенно отличился 2-й стрелковый батальон 8-го гвардейского полка под командованием капитана Борисенко. В ночь на 6 декабря

батальон Борисенко обошел город и в 4.30 утра ворвался в него с северо-запада. Ошеломленный неожиданным ударом, противник не смог оказать организованного сопротивления.

При взятии Дунапентеле артиллеристы 1-го дивизиона захватили две зенитные батареи немцев и венгров. 85-миллиметровые пушки оказались исправными, снарядов к ним тоже было вполне достаточно. Хорошо зная материальную часть зениток, Березуев тут же подобрал из наиболее подготовленных солдат своего дивизиона орудийные расчеты и быстро обучил их стрельбе из зенитных орудий. В боях за крупные населенные пункты Адонь, Собольч, Шерагельеш капитан Березуев умело использовал свою новую батарею.

8 декабря части дивизии вышли на линию населенных пунктов: Кишфалуд — Бэргенд — Динеш, расположенных между озерами Веленце и Балатон.

10—12 декабря противник предпринял несколько контратак, пытаясь сдержать наше наступление. В этих боях 1-й дивизион поджег два вражеских танка и три бронетранспортера. Особенно отличился здесь старшина И. И. Федоров. Одного «тигра» подбил старший сержант В. Д. Гладков — командир орудия 9-й батареи.

Под Шерагельешем немцам все же удалось на какое-то время сдержать наше наступление. И это вполне закономерно. Перед нами оказалась еще одна линия обороны, подготовленная заблаговременно, — так называемая линия «царицы Маргариты».

Наступили дни подготовки к прорыву и этого оборонительного рубежа.

Политотдел дивизии созвал совещание полковых политработников. Во время наступления нам редко приходилось бывать в политотделе. Было не до совещаний. Все указания передавались через инструкторов, изредка заглядывал к нам и сам Николай Васильевич Ляпунов.

Из старых замполитов, воевавших еще на Дону, остались только я да майор С. М. Тимофеев, заместитель командира 11-го стрелкового полка.

Начальник политотдела знакомит нас с обстановкой. Нашей дивизии противостоят: 22-й полк 2-й пехотной дивизии венгров, отдельный карательный отряд венгров, сборный венгерский полк, 766-й учебный батальон 153-й пехотной дивизии немцев, 8-й артиллерийский полк

немцев, 12-й артдивизион венгров. Передний край вражеской обороны проходит от северо-западного берега озера Веленце, по каналу Часорваз, восточнее населенных пунктов Бэргенд, Янош и далее на юго-запад.

Неприятель имеет резерв в районе города Секешфехервар: 201-й танковый полк 23-й танковой дивизии и 979-й полк 271-й пехотной дивизии. По железной дороге Бергенд — Секешфехервар курсирует бронепоезд.

Оборона противника сделана основательно. Траншеи в две-три линии, перед ними проволочные заграждения в два-три кола. На танкоопасных местах много артиллерийских орудий, в засаду поставлены танки.

Такую оборону прорвать довольно трудно. Наша задача — довести до сведения всех солдат и офицеров, какие части противника стоят перед нами; объяснить артиллеристам, что необходимо подавить все огневые точки противника; подготовить орудийные расчеты для борьбы с вражескими танками (провести специальные занятия, пополнить группы истребителей танков в стрелковых полках комсомольцами); наступать решительно, не оглядываясь назад, с тем чтобы не только прорвать оборону противника, но и стремительно выйти к Дунаю северо-западнее Будапешта.

Подсчитываем и свои силы. Их не так-то уж много. Фронт наступления дивизии — 2,5 километра. На этом участке (нашу дивизию будет поддерживать 84-й гвардейский артполк) сосредоточено: гаубиц 122-миллиметровых — 15, пушек 76-миллиметровых — 46, пушек 45-миллиметровых — 7, минометов 120-миллиметровых — 17 и 82-миллиметровых — 48. Все это составляет только 50 стволов на километр фронта. Не густо. Тем более что половина 76-миллиметровых пушек, поставленных на прямую наводку, участия в разрушении оборонительных сооружений принимать не будет.

Совещание было коротким, деловым. К чему лишние слова? Задача предельно ясна.

На другой день созываю совещание замполитов и парторгов дивизионов. За последние месяцы политсостав полка обновился. Убыл на учебу майор А. И. Иванов. На его место назначен парторг дивизиона капитан И. П. Оробинский. На место заболевшего комсорга полка лейтенанта Евгения Молчанова назначили старшего сержанта Игоря Гринберга, командира отделения разведки 1-го дивизиона.

Парторг 2-го дивизиона старший лейтенант Яков Иванович Герасименко пожилой и несколько своеобразный человек. Прибыл он в полк 9 сентября 1944 года. Внешне нескладный, излишне шумливый, капитан в то же время был задушевным наставником.

Парторг 3-го дивизиона младший лейтенант Петр Семенович Шарков — полная противоположность Герасименко. В первое время он, бывший старший разведчик 265-го артполка, прошедший краткосрочные курсы, даже тяготился своей новой должностью. Но, как я убедился потом, солдаты полюбили Шаркова. В трудную минуту боя он всегда был там, где больше всего требовались его слово и пример.

На совещании мы обсудили план работы на дни подготовки к прорыву и во время преследования противника. В общих чертах нам была уже известна главная задача: прорвать линию «царицы Маргариты», выйти в районе города Естергом на Дунай и окружить будапештскую группировку врага...

Коротки декабрьские дни. Туманные, дождливые, нудные, они проходят так быстро, что не успеешь повернуться, а на дворе уже ночь.

Обходим с командиром полка огневые позиции батарей, проверяем, как идет учеба, особенно интересуемся занятиями истребителей танков. Начальник штаба капитан Фендриков сделал даже итоговую таблицу, в которой было указано, сколько каждым орудийным расчетом было подбито и сожжено танков, самоходок и бронетранспортеров врага.

— Танков и самоходок, — сообщил он, — в среднем по два на орудие. — Фендриков говорил быстро, словно куда-то торопился. — У старшины Федорова, старшего сержанта Голубитченко на счету по четыре, у сержанта Шевцова — три танка.

Прихожу в 7-ю батарею. Здесь только что закончилась тренировка по борьбе с вражескими танками. Командиры орудий А. С. Шевцов и А. М. Мусин, неразлучные друзья, дымят трофейными сигаретами.

— Знаешь, Алексей, к какому выводу я пришел? — говорит Шевцов, поблескивая бойкими серыми глазами. — Командовать первым орудием гораздо лучше, чем вторым или третьим.

— Это почему же? — усмехнулся Мусин. И внешне,

и в делах он нетороплив,спокоен. Это спокойствие никогда не покидает его и в бою.

— Да потому, что ты первым идешь. А первому всегда слава.

— Что ж, слава есть слава. Видимо, поэтому я не вылезаю из санчасти... Пока шли от Миусс-реки до Тиссы, ты три танка поджег, а я только один. После каждого боя — меня в медсанбат. То пуля царапнет, то осколок шлепнет. Не знаю, как насчет славы, а достается больше, чем, скажем, тебе. Пристрелку целей ведет первое орудие. На прямую наводку, если выставляют одно орудие, опять же первое. — Мусин немного подумал и, чуть растягивая слова, продолжал: — Первое, второе. Первенство орудия от этого не зависит.

— Согласен, — примирительно произнес Шевцов. — Зависит от солдат орудийного расчета. Мы недавно обсуждали этот вопрос и решили, что своего первенства не уступим.

— Посмотрим, — снова усмехнулся Мусин. — Тем более что скоро наступление. Разгромим вражину — подведем итоги.

Друзья так увлеклись беседой, что не заметили меня. И только когда я вмешался в их беседу, Шевцов, лукаво улыбнувшись, спросил:

— А что это за «царица» перед нами объявилась, товарищ подполковник?

— Вот начнем прорыв вражеской обороны, тогда узнаем, какова эта «царица Маргарита», — ответил я. — Готовьтесь, товарищи.

— А мы уже готовы. Ждем команды.

...Команда была подана в 9 часов 45 минут 20 декабря 1944 года. Массированный удар сосредоточивался по выявленным огневым точкам противника. На артподготовку отводилось всего полчаса.

В первые минуты противник пытался отвечать огнем, произвел несколько жиденьких налетов на наши артиллерийские позиции, но вскоре замолчал.

В 10 часов 15 минут взвилась серия красных ракет. 3-й и 11-й гвардейские полки нашей дивизии пошли в атаку. С наших наблюдательных пунктов хорошо видно, как пехотинцы, пригибаясь, бегут по нейтральной полосе. Саперы еще ночью проделали проходы в проволочных заграждениях. Специально выделенные орудия

в первые же минуты артподготовки расширили эти проходы.

Первую траншею противник сдал почти без сопротивления. Лишь кое-где вспыхнули было отдельные стычки, но наши пехотинцы действовали так напористо, что неприятель сразу же бросился наутек. Пехота быстро заняла и вторую линию траншей.

Потом началось наиболее трудное. Враг оправился от первого удара и усилил сопротивление. Из глубины обороны открыли массированный огонь бетонированные дзоты. Появились бронетранспортеры и танки.

Как только пехота заняла вторую траншею противника, командир 7-й батареи старший лейтенант И. Е. Денисов отдал команду поорудийно следовать в боевых порядках пехоты.

Командир первого орудия старшина Мусин не зря сказал Шевцову: «Еще посмотрим, кто будет первым». Он быстро перебросил свое орудие к пехотинцам, занявшим вторую траншею врага. Немецкие бронетранспортеры шли зигзагами.

— Быстрей, быстрей! — торопил своих солдат Мусин.

— А вон и танки появились. Слева идут, — крикнул заряжающий Чеботарев. — Хотят обойти нас.

— Позади Шевцов. Он встретит, — ответил Мусин, прикидывая на глаз расстояние до головного бронетранспортера. — Огонь по головному!

Орудие начало бить по врагу. Бронетранспортеры сразу же застопорили ход. Потом быстро свернули в сторону, пытаясь обойти пушку. Одна из машин вспыхнула.

— Огонь!

Еще один бронетранспортер подбит. Видно, как из него выскочил экипаж.

— Огонь по экипажу!

— Снаряды все! — крикнул Чеботарев.

— Приготовить ручные гранаты!

Мусин заметил, что несколько групп пехотинцев направились к его орудию.

— Смотрите, к нам на помощь бегут, — подбодрил он своих товарищей, — так что держимся.

Недалеко от орудия начали рваться снаряды. Мусин втихомолку ругнул себя за то, что мало взял снарядов.

Но вот на полном скаку подлетела повозка, запряженная двумя монгольскими лошадками.

— Не опоздал? Принимайте снаряды, — крикнул ездовой Сальников, соскакивая на землю.

Схватив ящик, он побежал к орудию. Но вдруг остановился, словно раздумывая над чем-то, и в следующую секунду упал. Чеботарев успел подхватить ящик и моментально перебросить его к орудию.

— Огонь!

Запылал еще один бронетранспортер. Мусин заметил, что на дороге появилась вторая группа бронетранспортеров. Он быстро развернул пушку. В этот момент рядом разорвался вражеский снаряд. Мусин почувствовал тупую боль во всем теле, но все же крикнул:

— Огонь!

Вспыхнул очередной бронетранспортер.

На орудие обрушился град пуль. Упал наводчик. Чеботарев встал на его место, сделал один выстрел и тоже поник головой.

Пушка умолкла. Мусин попытался подползти к снарядам, но не смог. Он уже не заметил, как подошло орудие Алексея Шевцова и быстро развернулось для боя. Шевцов быстро оценил обстановку — бить надо в правый бронетранспортер, он опаснее других.

— Огонь по правому! — крикнул он наводчику.

По щиту орудия цокали пули. Теперь уже дымными кострами догорали шесть немецких бронетранспортеров. Остальные стали поспешно отходить.

Шевцов подбежал к Мусину.

— Опять ранен? Ну и не везет тебе, Алеша.

— Опять на месяц в медсанбате прописку дадут, — уныло ответил Мусин. — Вот ты сегодня снова обставил меня. Три бронетранспортера поджег и не ранен.

Перевязав Мусина, Шевцов отправил его на повозке в санчасть полка. На прощание Мусин тихо сказал:

— Война уже недолго продлится. Я сбегу из санчасти при первой же возможности...

Танки и самоходные орудия противника, пошедшие в обход 7-й батареи, вскоре наткнулись на 2-ю и 5-ю. Последняя шла в боевых порядках 11-го полка. Сержант Анатолий Нестерюк быстрее всех подтянул свою пушку ко второй траншее, занятой нашей пехотой.

Вскоре и на этом участке противник предпринял ожесточенную контратаку.

— Держись, ребята, крепче, — сказал Нестерюк своим подчиненным Александру Шарашкину, Дмитрию Шевченко, Ивану Барикину и Николаю Антоненко. — Будем драться по-комсомольски.

Орудие стояло недалеко от кустов; солдаты наломали веток и замаскировали его. Вражеские танки были еще далеко и передвигались без опаски.

— Подпустим их поближе. Ты, Саша, целься вернее, чтобы с первого же снаряда, — наставлял командир наводчика.

— Понятно, — ответил Шарашкин. — У меня рука не дрогнет.

Наводчик приник к панораме. Вот он поймал в перекрестие головной танк. До него осталось метров пятьсот. Было видно, как машина развернула башню и открыла стрельбу влево от себя, по 7-й батарее.

— Огонь! — Команда Нестерюка слилась с выстрелом.

Танк словно бы подпрыгнул. Шарашкин выстрелил второй раз. Над машиной появился дымок.

— Наводи на второй! — крикнул сержант Шарашкину. — Вот он вылезает из-за первого.

Выстрел. «Фердинанд» остановился и повернул дуло орудия в сторону расчета Нестерюка.

— Давай еще. Два снаряда...

После боя Шарашкин рассказывал:

— Я же видел, что попал с первого снаряда. Но сержант не был уверен в этом. Вот он и скомандовал сделать второй выстрел.

В этом бою комсомольский расчет поджег еще одну вражескую самоходку. Приказом по полку подчиненные Нестерюка были поощрены денежной премией. Весь орудийный расчет представили к правительственным наградам. Но, к сожалению, ни командир орудия сержант Нестерюк Анатолий Алексеевич, ни наводчик орудия младший сержант Шарашкин Александр Иванович не смогли уже получить награды. Оба они погибли 25 декабря 1944 года возле венгерского села Тинние и были похоронены в трехстах метрах южнее сельской церкви.

Трудно пришлось и 1-й батарее. На нее также навалились немецкие танки и бронетранспортеры. Здесь ра-

нило капитана Чернышова, но он до конца боя продолжал управлять своей батареей. Старший сержант И. И. Федоров подбил два танка и три бронетранспортера. Однако и батарея понесла тяжелые потери — из строя вышли три орудия.

Дерзкий маневр совершили бойцы 2-го стрелкового батальона 8-го полка под командованием капитана Борисенко. Семьдесят солдат 4-й роты во главе с лейтенантом Полустьяном в ночь на 20 декабря переправились на лодках через озеро Веленце и недалеко от Паккозда замаскировались в прибрежных камышах. Когда батальон ворвался в Паккозд, солдаты Полустьяна зашли в тыл немцам. Удар их был настолько неожиданным, что гитлеровцы сразу же откатились. Паккозд был занят батальоном, шоссейная дорога на Секешфехервар оказалась перерезанной.

Немецкое командование попыталось закрыть пробитую нами брешь в обороне линии «царицы Маргариты», отбросить нас обратно к Динниешу. Под вечер 21 декабря перед Паккоздом появилось около 70 танков и бронетранспортеров противника. Колонна шла по шоссе, тянувшемуся по западному берегу озера Веленце.

Вспоминая этот случай, бывший командир 11-го гвардейского стрелкового полка Константин Васильевич Забабашкин (ныне генерал-майор) рассказал мне, что тогда у него создалось такое впечатление, будто гитлеровцы не знали еще о занятии нами Паккозда.

Подполковник был любимцем артиллеристов. Никогда он на нас не перекладывал вину за промахи в бою. К. В. Забабашкин всегда ратовал за разумное взаимодействие пехоты с артиллерией. Вот и сейчас, заблаговременно предупрежденный о танковой колонне противника, Константин Васильевич умело организовал оборону участка. В месте, где дорога к Паккозду представляла узкое дефиле и танки врага не смогли быстро развернуться для боя, он выставил в засаду орудия полковой артиллерии и двух дивизионов нашего полка. Удар из тридцати стволов был сокрушительным. С первого же залпа вспыхнуло более десятка танков и бронетранспортеров...

Только отдельные экипажи попытались оказать сопротивление. Большинство гитлеровских танкистов выскочили из своих машин и бросились наутек. Но пехота Забабашкина не выпустила их из котла.

Через час гитлеровская колонна была разгромлена. 17 танков и 5 бронетранспортеров оказались сожженными. 23 танка и большое количество бронетранспортеров остались на дороге исправными.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1945 года за разгром этой танковой колонны наш полк был награжден орденом Александра Невского.

В тот же день пал Секешфехервар. Началось преследование противника. 23 декабря наша дивизия дралась за Ловашберень и Барачку. Вот что записал я тогда в дневнике:

«Правее нас в 35—40 километрах Будапешт. Еще день-два наступления, и город будет окружен нашими войсками. Мы идем узким коридором на север. Где-то позади нас и на флангах немецкие танки. Но мы не обращаем на них внимания. Только вперед. Эти бои — образец мужества, отваги, дерзости и, главное, умения советских воинов...»

Полк в постоянном движении. Управление осуществляется только по радио. На ходу пишу представления к правительственным наградам на солдат и сержантов. Все делается оперативно.

24 декабря приехали в Уйбарок. Девятка Ю-87 старательно обрабатывает пустое место возле села. Хотя, впрочем, досталось и венгерским хатам. Недалеко отсюда вчера произошло танковое сражение. На поле стоят обгорелые машины — немецкие и наши.

Штаб едва поспевает за батареями. Передовые отряды дивизии уже возле Естергома. С ними и наш 2-й дивизион. Там же и командир полка. Едем и мы туда.

Ночью, во время остановки в селе Тинние, начальник штаба 2-го дивизиона капитан Костоломов передал по радио:

— Подошли к городу Тат. Утром атакуем. Возьмем — выйдем на Дунай.

Подполковник Забабашкин вел свой 11-й гвардейский полк в стремительном темпе. Нанося короткие, но сильные удары, он нигде не дал гитлеровцам возможности зацепиться. Утром 26 декабря город Тат пал.

Повернув на Естергом и действуя совместно с частями 18-го танкового корпуса, 11-й стрелковый полк и наш 2-й дивизион овладели Естергомом.

Этот город красиво раскинулся по берегу Дуная. Окружающая местность гористая. Горы невысокие, до 500 метров, покрыты лесом. Наши части заняли оборону фронтом к Будапешту.

Остатки 13-й танковой и 60-й моторизованной дивизий противника пытаются вырваться из окружения. В районе Пилишсентмилек две группы гитлеровцев, бросив технику, двинулись по направлению Дорог — Челнок — Леваниар. Человек триста сумели пробиться к лесу северо-западнее Леваниара.

Труднее всего пришлось штабу нашей дивизии, остановившемуся в Челноке. Большая группа немцев вышла к этому населенному пункту и пыталась захватить его. Все штабные работники, вооружившись автоматами и винтовками, ринулись в бой. Надо сказать, что и на этот раз они проявили исключительную стойкость и умение драться даже в таких трудных условиях. Но силы были слишком неравны. Два десятка людей не могли сдержать наседавших фашистов и стали отходить. Выручили зенитчики капитана Шацкого. Подтянув свои орудия к наступающей группе гитлеровцев, они в упор расстреляли ее. Немцы в панике бросились бежать.

К вечеру 27 декабря возле Естергома появилась группа неприятельских танков. Их встретила своим огнем наша 6-я батарея. Две машины подбили артиллеристы, а остальные были разогнаны танкистами 18-го корпуса.

Так закончилась операция по прорыву линии «царицы Маргариты». В боях за эту линию и по окружению будапештской группировки частями нашей дивизии подбито и сожжено 27 танков, 73 бронетранспортера, 142 автомашины, убито 1500 солдат и офицеров противника. Захвачено: танков исправных — 25, бронетранспортеров — 10, броневиков — 4, пленных — 5600.

Эти цифры красноречивее всяких слов.

Появились слухи: где-то нашу оборону прорвала группа немецких танков. Космачев вызывает по радио командиров дивизионов. Говорит с Ковалем, с Березуевым.

— Сосредоточиться в районе Надьшапа к двадцати ноль-ноль. Там ждите новых указаний.

Командир 2-го дивизиона Литашов молчит. Он где-то недалеко от нас. Космачев смотрит на меня.

— Разыскивайте дивизион, — говорит он раздраженно.

Еду в Мадьярош-Баню. Однако там нашел лишь управление дивизиона. Литашов длинными шагами меряет комнату.

— Батареям пора бы быть здесь, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Свяжись с командиром полка, — говорю Литашову. — Возможно, за те два часа, пока я ехал к вам, он получил какие-то новые указания. Может быть, он дал батареям другое направление? Сейчас обстановка сложная, такое решение не исключено.

Литашов пожал плечами:

— Все время вызываю его. Не могу сказать, почему он не отвечает. Подожду еще с полчаса. Потом поеду в Надьшап.

Мы так и не связались с Космачевым. Позже я узнал, что в это время радисты штабной батареи вызывали нас по радио, но тоже не смогли связаться.

По горной дороге едем в Надьшап. Густыми чернилами разлилась декабрьская ночь. Кругом ни огонька, ни звука. Словно во всем свете только мы одни едем на трофейном «оппеле».

Справа какие-то маленькие домики. Останавливаем машину и развертываем радиостанцию. С первого же вызова связываемся с Космачевым. Слышу, как он кричит:

— Литашов, Литашов? Куда вы запропастились?

— Еду в Надьшап, — ответил Литашов. — Батареи в Мадьярош-Баню не прибыли.

— Они здесь. Я встретил их в пути и повернул сюда. Жду вас.

Приехали в Надьшап. Командиры батарей докладывают Литашову о полученной задаче: 4-я и 6-я занимают оборону в районе Шютте, 5-я — восточнее местечка Лаблатлан. Цель: не допустить переправы немцев с левого берега Дуная. Ночью дивизион уходит в Шютте. Я со штабом полка перебираюсь в Байот.

Два часа ночи. Воздух наполнен гулом транспортных самолетов — неприятель доставляет продовольствие окруженной группировке в Будапеште. Космачев нервничает.

— Вот обстановочка. Что ты скажешь, замполит? — И неожиданно, без всякого перехода: — Первого января надо съездить в третий дивизион. В штабе накопилось много наград для солдат и сержантов. Вручи, пожалуйста.

В последнее время это стало моей обязанностью. Хотя награды вручать должен командир полка, но ему некогда; он вручает только офицерскому составу.

— Не возражаю. Днем проведу заседание партбюро полка, подпишу протоколы и поеду.

— Вот и отлично.

31 декабря наши дивизионы оборудовали позиции. Местность гористая, выбор огневых ограничен. 1-я и 3-я батареи стоят одна за другой в узкой горловине, стиснутой горами. Ближе к деревне Ньергешуйфалу горы подступают к неширокой речной долине.

В районе Ньергешуйфалу по берегу Дуная занял оборону один батальон 8-го стрелкового полка, а другой батальон — в районе Мадьярош-Баня. Туда же направлена 2-я батарея. 11-й стрелковый полк занял оборону в районе Лаблатлан — Писке — Шютте. 1-й батальон этой части оказался у населенного пункта Лаблатлан. Его будет поддерживать 5-я батарея. 3-й батальон — в районе Шютте. Его поддерживают 4-я и 6-я батареи. 2-й батальон оставлен во втором эшелоне между Байотом и Унтер-Быколом. Задача 3-го стрелкового полка — оборона населенного пункта Унтер-Быкол с северной и западной стороны. Артиллерийскую поддержку его обеспечивает наш 3-й дивизион.

Фронт обороны дивизии около 30 километров. На 11-й стрелковый полк приходится 16 километров. Западнее нас находится 80-я гвардейская стрелковая дивизия, недавно переданная в 31-й гвардейский стрелковый корпус вместо 40-й дивизии.

Весь день 31 декабря политработники части находились в боевых порядках дивизионов, проводили беседы о встрече Нового года. Вечером собрались в Байоте. Комсорг лейтенант Игорь Гринберг, только что вернувшийся из Шютте, доложил:

— Дорога в районе Писке обстреливается противником. Недалеко от населенного пункта стоят четыре наших танка, подбитых немецкой артиллерией.

— В Писке есть наша пехота?

— Мало. Кажется, не больше взвода, — неопределенно ответил лейтенант.

Начальник штаба старательно вычерчивает схему боевых порядков полка. Рядом топографист И. П. Малашко размножает эту схему в нескольких экземплярах. Вся схема украшена тонкими длинными красными стрелами.

— Красиво, — замечаю. — Очень даже. Только...

— Что вы хотите сказать? — уставился на меня Фендриков своими большими, немного выпуклыми глазами.

— А то, что огонь этот, выраженный на схеме красными стрелами, бесполезен в действительности. Подсчитай-ка, друг, километры. Все на пределе выходит.

— Достанет.

— А толк какой?

Мы заспорили. Фендриков ни вчера, ни сегодня в боевых порядках не был, весь день находился в штабе, а я вчера обошел всю местность вокруг Байота.

— Вот еще одно предложение, — заметил я. — На дорогу Байот — Лаблатлан надо поставить минимум батарею. Там, где стоят сейчас первое и третье подразделения, вряд ли пойдут танки.

— Батареи поставлены по личному приказанию «старика». Его приказание я не могу отменить.

— Отменять не надо. А доложить свои соображения следует. Плешаков опытный артиллерист, сразу поймет. Если не нашу, так батарею из дивизиона Клименко поставит.

Пока мы спорили, подошла автомашина 3-го дивизиона. Сверкнув белозубой улыбкой, мой старый знакомый старшина Черноусов доложил:

— Прибыл за вами!

В Шютте нашли управление дивизиона. Литашов сообщил:

— На том берегу немцы что-то затевают.

— А наши пехотинцы где?

— Здесь. Правда, их не так много. Растянулись в ниточку...

— Будьте повнимательнее, — предупредил я Литашова.

— Следим.

Через полчаса я приехал в Унтер-Быкол. Рассказал офицерам о сложившейся обстановке.

— Есть предположение, что немцы готовятся к контрнаступлению. Западнее нас танковая бригада, но нам все-таки надо быть начеку.

После обеда вручаю награды солдатам и сержантам, в том числе ездовым 7-й батареи — Кулакову Василию Ерофеевичу и Стоянову Алексею Петровичу. Оба получают медали «За отвагу». Это с их помощью 20 декабря орудия Мусина и Шевцова были выдвинуты в боевые порядки пехоты.

В Байот вернулся в три часа ночи. Горбатенко еще не спал. На лице удивление.

— Проскочил?

— А что случилось, Лукич?

— Немцы начали переправу в Писке и Шютте. Это же на пути сюда. Только что радировал Литашов.

Оказывается, 96-я пехотная дивизия противника, усиленная отдельной танковой бригадой и мотополком, начала переправу в 2 часа 30 минут. Но не эта группировка решала главную задачу. Основную роль в прорыве обороны играли танковые дивизии «Мертвая голова» и «Райх».

В нашей дивизии в тот момент было около 5000 человек. Ее действия обеспечивали двадцать пять 76-миллиметровых и девять 122-миллиметровых орудий, а также около пятидесяти минометов.

Первый удар танковых дивизий врага пришелся по 80-й гвардейской стрелковой дивизии в районе Дунаальмаш — Несмей. На нее навалились сразу свыше 300 танков и самоходных орудий. Одновременно 96-я пехотная дивизия начала высадку десанта в районе Шютте — Писке — Ньергешуйфалу.

В районе Шютте немцы отправили баржу с пехотой. Но 4-я и 6-я батареи потопили ее. Гитлеровцы засекли позиции батарей, обрушили на них сильный артиллерийский удар и под его прикрытием продолжали переправу.

На помощь 2-му дивизиону пришел 3-й. Коваль открыл по переправе огонь 8-й и 9-й батареями. Пока шла артиллерийская дуэль, большая группа немецких танков, прорвавшая фронт 80-й стрелковой дивизии, подошла к позициям 4-й и 6-й батарей.

Литашов вынужден был повернуть свои пушки против танков, ослабил наблюдение за рекой. Это дало возможность автоматчикам 96-й пехотной дивизии врага высадиться на правый берег Дуная.

Первые атаки немецких танков были отбиты, но автоматчикам удалось обойти позиции артиллеристов. На огневые 6-й батареи ворвалась большая группа гитлеровцев. Бойцы дрались с ними врукопашную. В схватке погибли командир взвода лейтенант С. И. Хромов, сержант А. И. Копылов, младший сержант Немлиенко, ефрейтор Кравченко. Вспоминая об этом бое, парторг батареи старший сержант С. А. Щеглов говорил: «Бились все отважно. Но особенно храбро сражался сержант Копылов. Он уничтожил многих фашистов, прежде чем погиб сам».

Тогда же были ранены майор Андриенко, начальник штаба дивизиона старший лейтенант Матюшинский, младший лейтенант Калабин, а также двенадцать сержантов и рядовых. Отходя от Шютте, Литашов все же сумел отправить их в санчасть 3-го стрелкового полка. Были уничтожены все автомашины, перебиты почти все кони. Литашов смог вывезти только одно орудие 4-й батареи.

Весь день 2 января 11-й стрелковый полк и батальон 8-го стрелкового полка в районе Ньергешуйфалу успешно отбивали попытки противника высадиться на правый берег Дуная. В то время, как в Шютте 4-я и 6-я батареи отбивались от вражеских танков и автоматчиков, другая группа гитлеровцев вышла в район Лаблатлана и обрушилась на 5-ю батарею. Но старший лейтенант Лисименко умело организовал оборону, и все атаки немецких танков были отбиты. Тогда неприятельские танкисты завязали с батареей огневой бой.

5-я батарея вела бой до вечера, расстреляла все снаряды. Два орудия были разбиты. Убиты все кони.

Командиру, старшему лейтенанту Лисименко, ничего не оставалось, как вынуть из третьего орудия затвор и отходить к Байоту.

В Байот они уже не смогли попасть. Немецкие танки, появившиеся на горе, обстреляли их. Тогда они повернули влево, обошли Байот и ночью пришли в Надьшап.

Память сохранила все детали того дня. Утро было ясным. Чуть подморозило. Прихожу на огневую позицию 3-й батареи, которая вела непрерывный огонь по

противнику, пытавшемуся высадиться в Ньергешуйфалу. Две десантные баржи были уже потоплены.

Я обошел каждый расчет, со всеми поговорил. Настроение у солдат было бодрым, никто не допускал мысли, что придется отходить.

К полудню на огневые позиции пришел командир 11-го гвардейского стрелкового полка К. В. Забабашкин. С ним группа разведчиков и связистов.

С пригорка были хорошо видны огневые позиции 5-й и 1-й батарей. Обе они стреляли в сторону Дуная.

Вместе с ординарцем Виктором Туриевым иду в Байот. В штабе полка один Фендриков.

— Командир дивизии и командующий артиллерией уехали в Надьшап. Там будет КП дивизии. Сейчас звонил подполковник Чефранов — тоже собирается в Надьшап, — говорит он мне.

В этот момент солдат штабной батареи крикнул:

— Перед Байотом, на горе, немецкие танки!

Выходим на улицу. На южной окраине Байота — автоматная стрельба. А в районе огневых позиций 5, 3 и 1-й батарей стреляют орудия. Артиллеристы прикрывают отход нашей пехоты.

Пробираемся на южную окраину Байота. По дороге, ведущей в Надьшап, мчится целая вереница повозок. На трофейной легковой машине подлетает Космачев. С ним несколько солдат: радист и разведчики. Откуда-то появляется капитан Г. М. Смолкин, помощник Космачева по технической части. Смолкин без слов забирается в машину, садится за руль.

— Фендриков, садитесь, — распоряжается Космачев. — Едем в Надьшап.

Из Байота вот-вот выйдет 3-я батарея. Мы еще попробуем стукнуть по немецким бронетранспортерам и танкам. Возле меня вырастает Виктор Туриев в одной гимнастерке, с автоматом в руках.

Гитлеровцы бьют по обозам. На горе появляется около тридцати бронетранспортеров и танков. Из Байота вылетают автомашины с 76-миллиметровыми пушками. Это истребительный противотанковый артдивизион капитана Клименко. Однако обозы сковывают маневр дивизиона. Клименко пытается обойти их. В это время фашисты открыли по дивизиону огонь зажигательными снарядами. Вспыхнула первая автомашина, на которой

ехал Клименко. Капитана ранило. Командование принял капитан Филатов, заместитель командира дивизиона по политической части.

Из машин выскочили солдаты. Под огнем врага они попытались отцепить орудия и развернуть их. Но новая группа обозников, выскочившая из Байота, помешала им сделать это.

Из Байота показались автомашины 3-й батареи. Ее командир капитан Зивзивадзе хотел повторить маневр Клименко, но не успел.

Да, идти в Надьшап этой дорогой невозможно. На пригорок выползают все новые и новые черные коробки, изрыгающие огонь по обозникам.

С окраины Байота торопится помощник начальника штаба полка капитан А. И. Авраменко. Он быстро догоняет нас.

— Пойдем вместе. Туда. — Я показываю рукой влево, где виднеются два каких-то строения. До них шагов триста. А там и гребень высоты...

Ливень вражеских пуль и снарядов 20-миллиметровых пушек прижал нас к земле.

— Поползем, — предложил Авраменко. — Будем лежать — наверняка убьют.

Ползем вверх. Огонь немцев как будто немного ослаб. Авраменко вскакивает и быстро бежит к еле видному в сумерках домику. Бегу за ним. Достигнув укрытия, падаем на землю, судорожно глотаем воздух. Минут десять сидим молча. Гитлеровцы все еще обстреливают дорогу. Но стрельба постепенно затихает.

Туриев встряхивает фляжку. Выпиваем по глотку. Как будто стало легче.

— Пошли в Надьшап, — предлагает Авраменко.

Переваливаем через гребень высоты Сент-Керест (Святой крест). Встречаем группу бойцов.

— Артиллеристы есть?

— Нет. Мы из восьмого полка. Недавно отошли из деревни... Название уж больно заковыристое — Ньер-геш-уй-фалу.

Выясняю, что их 3-й батальон атаковали два батальона немецкой пехоты с бронетранспортерами и танками. Батальон держал оборону до трех часов дня, отбил вместе с артиллеристами несколько натисков противника. Потом пришлось с боем отходить к Байоту. Повстречав-

шаяся нам группа солдат прикрывала отход батальона, потому так и запоздала.

— А теперь такая темнота — хоть глаз выколи. Не знаем, куда идти.

— Пойдемте с нами в Надьшап. Там собираются наши.

Бой в Байоте затих. Дорогой к нам пристраиваются солдаты — те, кто сумел вырваться из общей сумятицы обозов. На дороге Надьшап — Шаришап стоит батарея пушек. Солдаты оборудуют огневые позиции.

— Какая батарея? — спрашиваю артиллеристов.

— Четвертая.

Нет, это не наша. В 4-й батарее я знаю по голосу всех солдат.

— Давно появились здесь?

— Только что. Нас спешно сюда перебросили. Говорят, где-то немецкие танки прорвались. Вот и выдвинули навстречу им.

Потом я узнал, что это была батарея 248-го иптап. Но тогда наименование части не имело значения. Важно было то, что дорогу в тыл наших войск уже оседлали артиллеристы.

Наконец мы пришли в Надьшап. Быстро разыскали штаб полка. Космачев сидит возле стола, подперев руками голову. Он, кажется, просидел вот так всю ночь. Солдаты штабной батареи, уставшие за день, пережившие большую встряску, вповалку спят на полу.

Фендриков вызывает по рации командиров дивизионов.

— Известно что-нибудь о батареях? — спрашиваю его.

— Ничего. Связи нет. Пытаюсь вот кого-нибудь поймать.

Выхожу на улицу, напряженно вслушиваюсь в тревожный гул ночи. Подходит Смолкин. О том, что было несколько часов назад, не вспоминаем. Гулко ухают три выстрела. Над нашими головами с тихим шелестом проносятся снаряды. Разрываются они где-то в районе Байота.

— Из Байны бьют, — говорит Смолкин. — Кто бы это?

— Вероятнее всего, Коваль, — предположил я. — В девятой батарее три гаубицы. Если Коваль отошел из Унтер-Быкола, остался только один путь — на Байну.

Снова три гулких выстрела. И опять шуршание снарядов и глухие разрывы в Байоте.

Где-то между Байотом и Надьшапом слышится урчание танков. Гитлеровцы подтягивают силы, готовятся с утра начать атаку на Надьшап.

Под утро уходим в Шаришап. Полка у нас пока нет, только один штаб...

Командир 3-го гвардейского стрелкового полка полковник А. С. Левин еще ночью 2 января заметил неладное у своих соседей слева — 80-й гвардейской стрелковой дивизии. Начавшийся там бой насторожил его. По схеме обороны 4-й гвардейской стрелковой дивизии полк находился в глубине обороны наших войск. На самом же деле 3-му стрелковому полку пришлось вступить в бой сразу же после прорыва обороны 80-й стрелковой дивизии.

Полковник Левин выдвинул один из батальонов поближе к Шютте. 3-я стрелковая рота заняла оборону западнее Унтер-Быкола. Одна рота закрепилась у Фельше-Водач, другая — у отметки 398, фронтом на восток.

Бой в Шютте разгорался. Левин понимал, что нужно помочь батальону 11-го стрелкового полка, поэтому он направил в Шютте батальон, пытаясь сбить немцев, просочившихся к огневым позициям 4-й и 5-й батарей. В завязавшемся бою батальон понес потери и вынужден был отойти обратно.

Наступило утро. Немецкие танки, двигавшиеся по направлению Несмей — Надьшап, отрезали полк от других частей дивизии. Весь день 2 января полк вел бой в окружении. На него наседали и части, занявшие Шютте и Писке, и танки, пробившиеся к дороге Надьшап — Байна.

Левин связался по радио с командиром дивизии, попросил у него помощи. Но комдив не смог этого сделать — остальные части с трудом отбивали атаки вражеских танков.

— Выходите из кольца своими силами, — сказал он Левину.

Полк стал пробиваться к своим. Бой начал 3-й стрелковый батальон под командованием капитана Пушкарева. Головной шла рота старшего лейтенанта Ландина, дружно ударившая по врагу. Не ожидавшие удара гит-

леровцы бросились бежать, больше трех десятков солдат сдались в плен.

Вырвавшись из окружения, подразделения полка начали отход. Шли без дорог. Через небольшие горные перевалы, покрытые лесом. 3-й дивизион, все время поддерживавший полк Левина, не смог идти этим путем. Только 7-я батарея на конной тяге последовала за пехотой. 8-ю и 9-ю батареи Коваль повел по насыпи узкоколейной железной дороги, идущей от Шютте на Байну.

Ковалю повезло: не встретив противника, он вывел обе батареи к Байне. Здесь занял оборону, поджидая подход полка Левина и 7-й батареи.

Тревожная ночь тянулась медленно. Коваль пытался по радио связаться со штабом полка, но безуспешно. Поймал разговор штаба дивизии с 11-м полком. От них узнал, что части дивизии оставили Байот и отходят к Надьшапу. Вот тогда-то Коваль и дал несколько залпов по Байоту.

С занятием обороны у Байны Елизаров ушел в разведку. Вернулся во втором часу ночи.

— Заметили сосредоточение танков на дороге Байот — Байна, — сообщил он Ковалю. — Утром будут здесь.

— До утра подождем Левина, — решил Коваль, — а там видно будет, что делать. А пока батареи держать в боевой готовности.

Часа в три ночи впереди послышалась частая стрельба. Оказывается, это полк Левина, пересекая дорогу, наткнулся на остановившуюся автоколонну гитлеровцев. Отойти незамеченными было невозможно. Предугадывая возможность такой встречи, Левин заранее установил сигналы и порядок атаки противника.

И вот пехотинцы лавиною бросились к колонне автомашин, ведя по ним огонь. Несколько машин вспыхнуло. В отблесках пожара показались три танка, пытавшиеся развернуться для боя.

К ним сразу же ринулись комсомольцы и забросали их гранатами и бутылками с горючей смесью.

Гитлеровцы, бросив автомашины и отстреливаясь, поспешили отойти в северном направлении. А полк Левина, пробив дорогу к Байне, занял оборону.

Передышки не получилось и на этот раз. Чуть свет

3 января перед Байной появились вражеские танки и бронетранспортеры. Закипел горячий бой, в ходе которого Коваль подбил несколько машин. Сам же он потерял два орудия.

А 7-я батарея так и не появилась здесь.

Обстановка все еще оставалась неясной. Заняв Шютте, Писке, Байот, противник словно бы не собирался ночью атаковать Надьшап и Байну. Или накануне понес большие потери и не подтянул еще резервы для дальнейшего наступления, или главный удар нацелен в другом месте. Юго-западнее, в районе Банхида — Товарош, где врагу противостояли 34-я и 80-я гвардейские дивизии нашего корпуса, весь день шел ожесточенный бой.

Оборона же в Надьшапе слишком слаба. Она не выдержит танкового удара. Поэтому чуть свет 3 января мы уходим в Шаришап, куда должны прибыть наши танки и артиллерия.

С рассветом мы были в Шаришапе. На окраине деревни пехотинцы Забабашкина, вышедшие из-под удара, готовили оборонительный рубеж. Солдаты работали спокойно, словно бы и не было вчерашней встряски. Это очень хорошо. Значит, встретим гитлеровцев с еще большим упорством.

Пробился из Шютте и Литашов с одним орудием 4-й батареи. Подхожу к пушке. Расчет уже готовит огневую. Сержант Георгий Багичев возбужденно рассказывает:

— Ну и бой был! Кругом огонь. Наша машина тоже горит, мы бьем и бьем. Но вот кончились снаряды. Бросать пушку? Тут подъезжают разведчики дивизиона вон на том драндулете и говорят: «Цепляйся, вырвемся!»

Огромный немецкий тягач, захваченный разведчиками, стоял недалеко от огневой, возле стены дома.

Вскоре появился и командир 1-го дивизиона Березуев. С ним солдаты управления. Он сообщил, что о 1-й и 3-й батареях ему пока ничего не известно.

— А вторая вместе с батальоном восьмого полка на старых позициях. Батальон прочно оседлал дорогу и не пускает немцев на восток.

2-я батарея подбила три немецких танка. Особенно отличился молодой командир орудия сержант Володя Чуйко, который подбил две вражеские машины.

Пока я разговаривал с командирами дивизионов, Космачев установил связь с Ковалем.

— Коваль вышел к Байне с двумя батареями, — сказал он. — Стало немного веселее: как-никак у нас уже есть семь орудий.

...Гитлеровское командование все еще продолжало попытки пробиться к осажденному Будапешту. Но это уже было бесполезно, хотя мы еще отошли на 10—15 километров и оставили несколько населенных пунктов.

4 января. Район деревни Мань. День ясный, морозный. Над дорогами висят большие группы вражеских самолетов. Они бомбят наши войска, пользуясь отсутствием «ястребков». Давно уже не было такого положения.

В Мань пришел парторг 2-го дивизиона старший лейтенант Герасименко и привел с собой 28 солдат и сержантов.

Прибыла и 7-я батарея в полном составе. Двинувшись вслед за 3-м стрелковым полком, она вскоре вынуждена была свернуть с лесной тропы и долго петляла в поисках дороги. Во время этих блужданий батарея неожиданно встретила группу танков 170-й бригады, выходившей из окружения в районе населенного пункта Несмей.

Заметив появившиеся в лесу танки, Денисов сначала принял их за вражеские и развернул орудия для боя. Еще мгновение — и он открыл бы огонь. Танкисты тоже подготовились к бою. Но вскоре недоразумение выяснилось. Денисов узнал свои танки. Вместе с танкистами батарея вышла к деревне Мань.

...Вскоре наша дивизия передислоцировалась в Бичке, где 3-й стрелковый полк занял оборону. Коваль получил в свое распоряжение все орудия, имевшиеся в части. 3-й дивизион будет поддерживать 3-й стрелковый полк. Космачев остается с этим дивизионом. Мы с Фендриковым уезжаем в деревню Валь, где нам предстоит сформировать 1-й и 2-й дивизионы.

Фендриков подсчитал наши потери и урон, который мы нанесли противнику в боях 2 и 3 января.

За эти дни полк потерял шестнадцать орудий, шесть человек было убито и двадцать три ранено. Судьба тринадцати человек оставалась еще не выясненной, в том числе замполита 1-го дивизиона капитана И. П. Оробинского и начальника связи полка капитана П. И. Оленюка.

Полк подбил и уничтожил: пять танков и самоходных орудий, пять бронетранспортеров, три баржи с живой силой, три катера, три лодки, одно орудие и шестнадцать пулеметов.

Несмотря на сложную и невыгодную для нас обстановку, артиллеристы сражались мужественно и отважно. Они сделали все возможное для того, чтобы нанести врагу максимальный урон.

Бичке. Название этого небольшого венгерского городка, расположенного недалеко от Будапешта, запомнилось мне на всю жизнь. В планах битвы за Будапешт он играл важную роль, поэтому бои за него были очень упорными и ожесточенными.

...Гитлеровцы ведут наступление южнее, из района Секешфехервара. Направление их главного удара — Шерегельеш — Шармад — Адонь — Дунапентеле. Личный состав первого укрепрайона, которым командует бывший командир нашей дивизии генерал-майор С. И. Никитин, под ударами врага вынужден был отойти.

Ночь. Над нами в беззвездном небе непрестанно гудят транспортные самолеты. Немецкое командование все еще пытается чем-то помочь своей будапештской группе.

Звонит телефон. Оперативный дежурный по штабу полка берет трубку:

— Слушаю...

Лицо дежурного становится озабоченным.

— Командира полка будить или нет? — положив трубку, спрашивает он меня. — Передали, что гитлеровцы появились в Гардони — десять танков и автоматчики. Это еще далеко от Бичке. Но все же.

— Не стоит будить.

На полу спят парторг Горбатенко и комсорг Гринберг. У Лукича сон тревожный. Стоило нам заговорить, как он проснулся.

— В чем дело? Где прорыв?

Мы улыбаемся.

— Спи, Лукич, — говорю я. — Никакого прорыва на нашем участке нет. Это около Гардони.

— А-а... Тогда еще посплю...

21 января после короткой артподготовки немцы начали наступление на оборону 59-й стрелковой и нашей диви-

зий. Они бросили в бой около 45 танков, самоходных орудий и бронетранспортеров. Наши артиллеристы открыли перекрестный огонь с высоты 214. Главный удар врага нацелен именно сюда — между городом Бичке и деревней Мань. Отсюда совсем близко шоссе Бичке — Будапешт.

На высоте 214 на прямой наводке стоят 1-я и 2-я батареи, недалеко от них — 4-я. Своим кинжальным огнем они подожгли пять вражеских машин.

Утром фашисты возобновили атаки. 59-я стрелковая дивизия — наш правый сосед — не выдержала удара и стала отходить. Гитлеровцы заняли деревню Мань. Между Бичке и Манью образовался вражеский клин.

Весь день шел упорный бой, а 23 января к 15.00 группа немецких танков «тигр» вышла на шоссейную дорогу Бичке — Будапешт. «Тигры» устремились вперед, к столице Венгрии. Недалеко от станции Херуегхалом танки были встречены нашими новыми самоходками СУ-100. В коротком поединке они подожгли больше десяти танков.

С нашего НП хорошо видно, как фашисты бросились вспять. Однако на помощь им устремились новые силы: высоту 214 атаковал батальон пехоты при поддержке четырех танков. Но и эта атака была отбита.

Бессменный агитатор, редактор боевого листка, командир орудия Василий Голубитченко пишет листок-«молнию». Вместо заголовка красным карандашом начертано: «Стоим насмерть! К Будапешту враг не пробьется!» И далее текст: «Вчера батареи полка подожгли 5 танков и несколько бронетранспортеров. Кто поджег — трудно установить, дело было ночью. Важно, что немецкие танки не прошли через наши позиции. Шютте не повторится».

Он подает листок мне:

— Нарисуйте горящий немецкий танк и пушку, которая подожгла его...

— А может, бойца, который, пожертвовав собою, подбил «королевский тигр»?

Я рассказываю о солдате нашей дивизии — пехотинце Василии Намасове. Это было совсем недавно...

Карандаш быстро ходит по бумаге. Вот он, «королевский тигр», вползающий на высоту. По нему бьют наши пушки, а он все ползет и ползет. Кажется, сама высота сминается тяжестью этого танка...

И солдат в ушанке и фуфайке, бегущий навстречу стальному чудовищу со свастикой. В руках воина противотанковая граната.

«Королевский тигр» навеки застыл перед окопами нашей обороны. Комсомолец, рядовой боец, житель Краснодона Василий Намасов, пожертвовав собою, остановил натиск врага.

— Вот так, насмерть, стоят гвардейцы. — Голубитченко похвалил рисунок. — Хороший боевой листок получился. Пойду прочитаю ребятам...

В эти дни политработники находились на огневых позициях. Почти все батареи были поставлены на прямую наводку, в одной линии с пехотинцами. Никто из солдат не допускал и мысли, что враг может пробиться к Будапешту. В листках-«молниях» мы так и писали: «Будем стоять насмерть. Враг не пробьется!» Беседуя с солдатами, мы не скрывали, что наше положение трудное, говорили прямо, что все зависит от упорства и стойкости советских воинов.

...Вечером 23 января возле наших огневых позиций появились танки 2-го механизированного корпуса. Артиллеристы сразу же завязали знакомство с танкистами.

Ночь прошла спокойно. Только южнее нас дела пока не особенно хорошие. По радио передали о сдаче Секешфехервара.

Спокойно прошел и день 25 января. Вечером получили приказ перейти к станции Херуегхалом. Но тут же пришел новый приказ: остаться на месте. Предполагается, что в 23.00 неприятель начнет наступление на Бичке.

Сижу в комнатушке, читаю дивизионную газету «Боевой товарищ» и газету 3-го Украинского фронта, отмечаю населенные пункты, возле которых идут сейчас бои. Завтра утром эту сводку покажем солдатам и сержантам. Рисую стрелки вражеских ударов: у Бичке, у Барачки и у Адони. Наш фронт разорван на две части. Положение трудное.

Космачев смотрит на схему и говорит совсем не относящееся к ней:

— Беседовал с Плешаковым. Ему предлагают должность советника при союзной комиссии в Болгарии.

— А он?

— Согласился. Но еще не уехал. Говорит, зайду проститься.

— Что ж, пожелаем ему успешной работы на новом поприще.

Зуммерит телефон. Космачев разговаривает и одновременно посматривает на меня. Положив телефонную трубку, он засмеялся.

— Оперативный дежурный передал, что немцы накатывают танки.

— Как накатывают?

— Откуда я знаю как. Накатывают, и все...

От южных соседей пришла хорошая весть: вражеское наступление остановлено. Фашистов выгнали из Адони и Дунапентеле. Севернее нас, в районе Кирва, наш танковый корпус тоже занес свой кулак над врагом.

Утром принесли обращение Военного совета фронта. По этому случаю во всех батареях провели митинги.

Штаб полка перебрался к станции Херуегхалом, в какой-то поселок из трех незавидных домишек. Готовимся к частной операции — взять деревню Мань и высоту 268.

Меня свалил грипп. Пришел врач полка И. А. Зубков, смерил температуру — 38,6.

— Придется пару деньков полежать в постели. Идите в санчасть.

— Не пойду. Скоро придут Горбатенко и Гринберг, замполиты дивизионов. Нужно обсудить, что делать завтра.

На улице метет метелица, а наши ребята ведут бой. Явственно слышны выстрелы пушек.

Вечером пришел Горбатенко. Докладывает:

— Высота двести шестьдесят восемь занята. Наш стрелковый полк ворвался в Мань.

Горбатенко возбужден боем.

— Ты знаешь, как дрались пехотинцы? Диво! На наши позиции вылезла немецкая самоходка. Старший сержант Кобзий бросился на нее с бутылкой горючей смеси. Так ударил, что самоходка факелом вспыхнула. Рота ворвалась в Мань.

Когда взяли эту деревню, положение на нашем участке стабилизировалось. Враг больше уже не делает попыток прорваться к будапештской группировке. Улучшилось положение и южнее нас. Прорыв между озерами Балатон и Веленце ликвидирован.

В армейской и фронтовой газетах весь месяц пестрели шапки, такие же, как вчера: «31-й день великой битвы за Будапешт». Сегодня этой шапки в газете нет. Вопрос

о Будапеште решен. Сегодня в газетах появился новый призыв: «До Берлина по прямой 110 километров!»

Наступили дни обороны. Это значит, что мы начинаем готовиться к будущему наступлению.

Буда пала. 13 февраля там прозвучали последние выстрелы. Нам передали, что несколько вражеских групп все же прорвались через линию обороны 46-й армии и будут пытаться перейти линию фронта где-то в нашем районе.

Поднимаем на ноги всех и вся. Проводим беседы о бдительности. Парторганизация выдвинула лозунг: «Ни один фашист не пройдет через наши позиции».

В первую же ночь — 14 февраля — полку пришлось столкнуться с вражескими группами. Около часу ночи до сотни гитлеровцев, вооруженных гранатами, автоматами и пулеметами, подошли к огневым позициям 6-й батареи, стоявшей недалеко от местечка Жамбек, на кукурузном поле. Часовые обнаружили подползавших немцев и подняли тревогу.

Артиллеристы приняли бой. Из стоявшего недалеко от огневых позиций домика выскочил оставшийся на батарее техник-лейтенант Студеникин. Выстрелами из пистолета он убил двух фашистов и побежал к батарее.

Немцы бросились к орудиям, пытаясь пробиться через огневую. Сержант Алексей Крайнов кинулся в гущу гитлеровцев и стал бить их прикладом. На помощь ему пришел рядовой Ермаков. Они отогнали врага. Это дало возможность орудийным расчетам занять оборону и организованным огнем встретить вторую группу немцев, которая вынуждена была скрыться в кукурузе. Это заметили артиллеристы 5-й батареи. Они развернули два орудия и в упор расстреляли отступавших.

Другая группа фашистов, численностью около 50 человек, напала на позиции 1-й батареи. Часовой ефрейтор Никифоров своевременно заметил их и поднял тревогу. Батарейцы открыли огонь. В ночном бою было убито 35 вражеских солдат и офицеров. У нас погибли Студеникин и Ермаков. Там, где лежал убитый Студеникин, валялись два немецких офицера, застреленные из пистолета. Было взято в плен 14 неприятельских солдат.

Весь день 14 февраля наши воины патрулировали по кукурузному полю. То тут, то там вставали немцы и поднимали вверх руки:

— Гитлер капут. Война капут. Рус карош.

ШТУРМ ВЕНЫ. КОНЕЦ ВОЙНЫ

Отдых. Наша дивизия отведена во второй эшелон, в район Барачка — Кайзсо — Мартон — Вашар. Пожалуй, это своевременно. На днях у меня был разговор с командирами батарей. Все они заявили: солдаты жалуются на усталость.

И вот отдых. Кстати сказать, наше положение в Барачке очень выгодное — в любой критический момент мы можем быстро сняться и выдвинуться на угрожаемый участок: будь это район Бичке или район озера Веленце.

Отдых — это и учеба. На другой день из политотдела дивизии пришло распоряжение: организовать не только политзанятия рядового и сержантского состава, но и политшколы для коммунистов. Офицерский состав должен приступить к изучению истории партии.

Занимались два раза в неделю. Политработники готовились без учебников. Приходилось много вспоминать, записывать. Такая подготовка отнимала слишком много времени. Особенно трудно приходилось старшим лейтенантам И. А. Матвееву и А. Н. Котову, недавно назначенным на должности заместителей командиров 1-го и 2-го дивизионов.

В дни отдыха широко использовались разнообразные формы агитационной работы. Политотдел дивизии 17 февраля организовал поездку группы агитаторов в город Будапешт. Целый день инструктор политотдела майор Захаров водил агитаторов по улицам венгерской столицы, показывал ее достопримечательности, а также места, где были наиболее ожесточенные схватки во время штурма Будапешта. Потом агитаторы рассказали об увиденном в своих подразделениях. Это вызвало много разговоров среди солдат, и нам, политработникам, пришлось дополнительно рассказывать об историческом прошлом страны, на территории которой мы воевали.

Боевая подготовка в эти дни была своеобразной. Возле села от январских боев осталось сотни полторы немецких танков. Старшина Макаров на этих танках показывал наводчикам, как бить «королевские тигры».

Наш отдых прервался неожиданно — 6 марта немцы снова перешли в наступление на Шерегельеш силами

до 500 танков и нескольких полков пехоты. Оборонял этот населенный пункт 1-й укрепрайон генерала Никитина. «Уровцам» снова пришлось отойти.

Политотдел дивизии прислал обращение Военного совета фронта. «В предчувствии своей неизбежной гибели враг бросается от одной авантюры к другой, — говорилось в нем. — На участке нашего фронта он бросил в бой озверелые фашистские орды, пытается выйти к Дунаю. Враг хочет подлатать свой подмоченный авторитет. Не бывать этому!»

9 марта выходим к переднему краю в районе Кишвеленце — Каполнаш-Ниек — господский двор Фельчё-Байнья. Первую линию занимает 3-й гвардейский стрелковый полк и наш 3-й дивизион. На прямую наводку поставлены пока два орудия 7-й батареи. В расчетах всего по четыре человека. И взять людей негде. Тылы полка перетряхнули и всех, кого можно было, поставили к орудиям.

Вечером туда ушел парторг дивизиона лейтенант П. С. Шарков. И в тот же вечер гитлеровцы начали наступление на Кишвеленце.

Всю ночь артиллеристы отбивали атаки врага. Израсходовали все снаряды. Ранило командира взвода. Его заменил Шарков. Он послал ездового Хотенко с повозкой в тыл дивизиона. Хотенко быстро нагрузил повозку снарядами и поехал обратно, но пробиться к орудиям уже не смог — впереди были немцы. В районе Гордони ездовой заметил скопление большой группы вражеских танков и повернул обратно. В этот момент его ранило.

...Не дождавшись снарядов, батарейцы израсходовали весь НЗ. Находившаяся левее их стрелковая рота 3-го полка не выдержала нажима гитлеровцев и стала отходить. Девять артиллеристов остались без пехоты. Шарков взял ручной пулемет и скомандовал солдатам:

— Увозите орудия. Я прикрою отход.

Бойцы запрягли лошадей и стали отходить. Шарков залег в окоп и открыл по фашистам огонь.

Одно орудие успело выскочить из-под вражеского обстрела. Упряжку второго орудия накрыл неприятельский снаряд.

А Шарков все еще продолжал стрелять, не видя, что

гитлеровцы обходят его справа и слева. Четыре артиллериста попытались пробиться к нему, но безуспешно — огонь фашистов прижал их к земле.

Вскоре замолчал и пулемет Шаркова.

Хотенко все же нашел в себе силы добраться до своих и доложить о случившемся.

Командир дивизиона майор Коваль собрал группу управленцев, выдвинул вперед 8-ю батарею. На помощь пришел и батальон 3-го стрелкового полка.

Днем положение было восстановлено. Орудие оказалось исправным. Возле него нашли тело Шаркова. На следующий день мы похоронили лейтенанта в центре села Барачка. Орудийные расчеты дивизиона траурным залпом ударили по врагу.

Это было последнее наступление врага на нашем участке фронта. Дивизии «Мертвая голова», «Викинг», 1-я и 6-я танковые, а также пехотные соединения оказались обескровленными, измотанными и на дальнейшее наступление были уже неспособны. Зато крепли наши силы: прибыли 9-я воздушнодесантная армия генерала Глаголева, новые танковые части.

Мы стали готовиться к наступлению. Во всех батареях провели партийные собрания с повесткой дня «Задачи коммунистов в наступательном бою».

А я лежу в санчасти полка. Уже третий день меня треплет малярия. По два-три приступа в сутки. Вот сторонушка — даже зимой малярия. А я-то думал, что после Румынии — конец моей болезни.

Вчера в санчасть пришел раненый Березуев. Ему недавно присвоили новое воинское звание, он стал майором.

— Пожалуй, война закончится уже без меня, — сокрушался Иван Степанович. — С левой рукой плохо, зацепило кость.

В тот же день Березуев уехал в медсанбат, а оттуда — в госпиталь.

Сижу один в комнате, тоскливо посматриваю на проходящие по улице краснозвездные танки. Вот-вот начнется наступление. А мне приказано лежать. За всю войну лежу в санчасти первый раз.

Под вечер 16 марта пришел полковник Плешаков.

— Как на передовой? — спрашиваю я. — Начали наступление?

— Начали. Дела идут хорошо. В ряде мест немецкая

оборона прорвана. Но кое-где противник довольно упорно сопротивляется.

Плешаков присел на кровать.

— А ведь я проститься пришел. Уезжаю принимать бригаду. Если согласен, попрошу в политуправлении фронта, чтобы тебя направили ко мне начальником политотдела.

— Если политуправление фронта назначит, не возражаю, — говорю я на прощание Плешакову.

На другой день я сбежал из своей санчасти. Решил: не такая уж страшная болезнь малярия, отлежусь както-нибудь потом.

22 марта полк был в Секешфехерваре. Город разбит. Шутка ли, несколько раз переходил он из рук в руки.

Вечером двинулись дальше, на Мор. Враг бежит.

Ночью случайно наткнулись на орудие.

— Для чего стоите здесь? — спрашивает Космачев.

— Как для чего? На прямую наводку поставлены. Фашисты совсем рядом были, — ответил командир орудия. Заметив, что у меня зуб на зуб не попадает, он ушел куда-то. Через минуту вернулся с кружкой чая. — Выпейте. Сразу теплее станет.

Едем дальше. Гитлеровцев нагнали возле местечка Реде. Группа автоматчиков обстреляла нас с западной стороны реки. Не обращая внимания на автоматный огонь, батарея за батареей развертываются возле реки и прямой наводкой ведут огонь по врагу. Десяток выстрелов — и вражеских автоматчиков след простыл. Переправляем батареи на другой берег.

За рекой — равнина. На венгерских географических картах эта равнина носит название «Кишальфельд». Рассматриваем с Горбатенко карту, прикидываем расстояние до австрийской границы — немногим больше ста километров. Крупных рек и гор до самой австрийской границы нет.

— Сутки пути — и мы в Австрии, — говорю я Горбатенко. — Вот об этом и расскажем на политинформации.

— Если собьем немцев с реки Раба...

Неприятель лихорадочно укрепляет западный берег. Собрав остатки своей артиллерии, он ведет по нашей пехоте сильный огонь.

Пехотинцы вплавь форсируют реку. Они с ходу бросаются в воду, не обращая внимания на мартовский холод.

И снова мчимся на запад. Сейчас на каждой автомашине группа автоматчиков-пехотинцев. Стоит где-либо встретить гитлеровцев, автоматчики выскакивают из машин и открывают огонь. Под их прикрытием батарея развертывает свои пушки. Фашисты не выдерживают такого комбинированного удара и быстро откатываются назад.

В отдельных населенных пунктах немцы все же пытались создать узлы сопротивления. Так, в районе Бадвосло 5-я батарея наткнулась на сотню пехотинцев и пушечную батарею. Фашисты открыли огонь, но наши батарейцы не растерялись и быстро развернули свои орудия к бою. Поняв, что перед ними только одна батарея, немецкие пехотинцы пошли в контратаку.

Больше получаса отбивались артиллеристы. Ранило командира батареи старшего лейтенанта Лисименко. Командование принял парторг дивизиона Герасименко.

— Огонь, ребята! — скомандовал Яков Иванович.

Наводчики орудий ведут интенсивный обстрел. Автотехник Сапунов организовал разведчиков и связистов для атаки, вывел свою небольшую группу вперед, и немецкая пехота наткнулась на дружный автоматный огонь.

Ранило Сапунова, а потом и Герасименко. Но парторг не ушел, продолжал командовать.

Батарейцам все же удалось отбить вражескую атаку. Только возле самых орудий они насчитали 25 трупов неприятельских солдат.

— Вперед! — командует Герасименко.

...Вперед! Вперед! Наши танки на полной скорости, почти не задерживаясь на промежуточных рубежах, мчатся на запад. Мы стараемся не отставать от них.

В ночь на 1 апреля наша дивизия, действуя совместно с танкистами, овладела городом Шопрон. Там были взяты в плен последний премьер-министр хортистской Венгрии генерал-полковник Лакатоши Гейзе, государственные секретари Мочари Даниэль, Киш Андре и комендант города полковник Надьюра.

Стремительный марш-бросок к столице Австрии. За Гимберг, на ближних подступах к Вене, развернулись ожесточенные бои. Гитлеровцы бросили в атаку против пехотного полка Левина больше десятка танков.

Несколько часов длился этот бой. У нас вышли из строя по два орудия 4-й и 7-й батарей, погиб расчет

гаубицы 6-й батареи. Смертью храбрых пал мой старый друг Гончаров Иван Николаевич, тяжело ранило старшину Н. Г. Давыдова. Они вели из гаубицы прямой наводкой огонь по вражескому дзоту. Подавили его. Но и сами не уберглись.

Гитлеровское командование основательно укрепило подступы к Вене. Орудия ПТО, закопанные в землю танки (кроме подвижных танковых групп), пулеметные точки, дзоты — все это встречалось на каждом шагу, все стреляло, плевалось смертью.

Особенно неприступной казалась господствующая высота 255,6. Обойти ее мешали здания и завалы с засевшими в них автоматчиками.

Неоднократно наши пехотинцы поднимались в атаку и каждый раз откатывались назад.

Подполковник Космачев вызвал командира 3-го дивизиона майора Коваля.

— Надо что-то предпринять. Может, пошлем на высоту разведчиков?

— Зачем разведчиков? — Коваль с минуту обдумывал предложение командира полка. — Туда нужен опытный командир. Сделаем так, товарищ подполковник. На высоту пойду я. Прошу подчинить мне кроме моего дивизиона дивизион тяжелых пушек, и я подавлю все огневые точки противника.

— Это опасно, Коваль.

— А где сейчас не опасно? — Майор усмехнулся. — Если немцы не обнаружат меня, особой опасности нет. Следите за мной. В случае чего... Ну, сами понимаете...

Коваль пополз на высоту 255,6. Его сопровождал телефонист. Через полчаса майор вызвал свои батареи, сообщил им данные. Потом связался с командиром приданного дивизиона, передал и ему исходные данные.

Артиллеристы открыли огонь. Коваль вел наблюдение, корректировал их стрельбу.

Шесть орудий противотанковой артиллерии врага были разбиты. Коваль видел точную работу тяжелых пушек. Его дивизион так же старательно бил по неприятельским пулеметным точкам. Пять станковых и четыре ручных пулемета были уничтожены за полчаса.

После этого майор Коваль передал командиру стрелкового полка:

— Можно поднимать в атаку.

К вечеру наша пехота подошла к окраине Вены. Это было 6 апреля.

Ночью связные принесли дивизионную газету. В ней опубликовано обращение Военного совета фронта «К войскам 3-го Украинского фронта!». Это программа наших действий.

«Напряжем все силы, соберем всю свою волю, чтобы приблизить час окончательного разгрома проклятого гитлеризма... Пусть скорее взовьется над поверженным Берлином знамя нашей победы», — говорилось в обращении.

Намечаю план политической работы на дни штурма. Созываю политработников, читаю им обращение Военного совета, даю указание о том, что необходимо сделать утром:

— Наша задача — разъяснить личному составу, что мы пришли сюда с великой освободительной миссией, что бойцы Советской Армии — воины-гуманисты. По поведению каждого из нас местное население будет судить о стране Октября, о родине Ильича.

Товарищи поняли меня правильно и с утра провели в подразделениях необходимую разъяснительную работу.

Штабы полка и дивизионов разместились в большом четырехэтажном доме. Майор Корольков настолько осмелел, что притащил сюда весь свой тыл. А ведь это передний край. Возле дома стоят наши орудия. Южнее — изрытое глубокими ямами поле; в ямах — огневые позиции минометных батарей. В соседнем доме расположилась пехота нашей дивизии, а в следующем — немцы.

Неприятель ведет пулеметный огонь по нашим орудиям. Откуда-то бьет вражеская батарея тяжелых орудий. Снаряды рвутся на площади, в домах. Несколько зданий горят.

Прижимаясь к домам, делают частые перебежки наши пехотинцы. Продвигаются они пока что медленно, словно бы только примеряются к будущим броскам.

Прикрываясь щитом, расчет Голубитченко толкает орудие вперед. Кто-то кричит:

— Целься в окна. Не давай фашистам вести огонь!

Голубитченко бьет. Снаряды рвутся с громким треском, один из них влетел в окно. Через полминуты из комнаты повалил дым. Пехотинцы бегут к дому. Несколько бросков ручных гранат. Голубитченко бьет по верхним

окнам: в нижних этажах идет рукопашная схватка, можно попасть по своим.

В улицу втягиваются наши танки. Танкисты выискивают цели. Несколько выстрелов по окнам, и танки медленно ползут вперед. И так шаг за шагом.

Бой идет до позднего вечера. В первый день мы продвинулись немного. 3-й полк занял 463-й квартал и улицу Бург; 8-й полк — 479-й квартал; 11-й полк — кирпичный завод в районе Видер. Космачев говорит по радио с командирами дивизионов, дает указания на завтра.

— Надо усилить темп огня, — кричит он в трубку.

Вечером замполиты дивизионов доложили о потерях за день. Ранено 32 человека, в том числе 6 командиров огневых взводов, 4 командира орудий.

Космачев отдает распоряжение начальнику штаба полка Фендрикову сделать перестановку офицеров, немедленно назначить новых командиров батарей.

— Сходите во второй, — Космачев бросил на меня мимолетный взгляд. — Посмотрите на месте, кого из сержантов можно поставить на должность командиров взводов.

Взяв автомат и два диска, иду во 2-й дивизион. Пробираюсь какими-то закоулками. Меня догоняют пожилой сержант с большими рыжеватыми усами и молоденький солдат из 11-го гвардейского стрелкового полка. С этой частью наш 2-й дивизион. Спрашиваю:

— Не видели пушек-дивизионок?

— Видели. Одна стояла рядом с нашим КП.

Перебегаем улицу. Из окон одного дома раздается автоматная очередь. Прячемся за угол дома.

— Утром шли, спокойно было, — сказал сержант. Он с минуту подумал. — Тут есть еще один обход. Вы отвлеките немца, а я проберусь к дому, шугану его.

Минут через десять мы услышали стрельбу в доме. Бежим туда. Большой зал с балконом. Сержант стоит на балконе. Возле него убитый гитлеровец. Неожиданно из боковых дверей выскакивают три немца, бросаются к сержанту. Вскидываю автомат, даю длинную очередь. Одновременно со мной стреляет и молодой солдат.

С фашистами покончено. Сержант, вытирая вспотевший лоб, говорит:

— Спасибо, товарищ гвардии подполковник. Получилось все так неожиданно...

Снова переходы. Теперь идем уже более осторожно. Выходим на узкую улочку. Дома с обеих сторон горят. Сержант показывает на противоположную сторону улицы.

— Вон там утром стояла дивизионная пушка, с четырьмя бойцами. Я, когда шел в штаб, заходил к ним. Командир орудия старший сержант, невысокий такой, но шустрый.

Мы простились.

Дыму столько, что не продохнешь. Чувствуется и жаркое дыхание огня. Минут двадцать передвигаюсь от одного дома к другому.

Орудие появляется из-за угла. Четыре солдата катят его по мостовой стволом вперед. Второе орудие в это время ведет огонь по домам, в которых сидят немцы.

Вместе с солдатами толкает орудие и парторг дивизиона старший лейтенант Герасименко. Лицо закоптелое, потное.

— Вот, помогаю ребятам, — кричит он, заметив меня, и словно бы оправдывается в том, что делает сейчас. — В расчете Курмахина осталось только три человека.

— Надо сходить к пехотинцам, — кричу я Герасименко, — попросить у них помощи. Пусть дадут хоть двоих солдат на орудие.

— Был. Обещали. — Герасименко махнул рукой вперед. — У них тоже не густо. Вон впереди нас взвод пехотинцев, а в нем...

Впереди человек двенадцать короткими перебежками подбираются к дому, где засели гитлеровцы. Курмахин наводит свое орудие на вход в дом, с первого же выстрела разбивает дверь, потом бьет по окнам нижнего этажа. Пехотинцы врываются в нижний этаж. Кто-то из них бросает возле дома дымовые гранаты. Пока дым не поднялся, Курмахин бьет и по верхним окнам. Потом весь дом заволакивается дымом. И в этом дыму слышны частые автоматные очереди.

Минут через двадцать прибегает пехотинец, молодой парень с белозубой улыбкой.

— Братва, толкай пушку вперед! С этим домом закончили. С десяток фашистов ухлопали, троих взяли в плен.

Спрашиваю Герасименко:

— Политинформацию проводили?

— Была, — откликается Курмахин. — Старший лейтенант Герасименко рассказывал о боях под Берлином. Нам нельзя отставать.

Он командует:

— Второе орудие вперед. Первому передышка.

Рассказываю солдатам об итогах вчерашнего наступления частей нашей дивизии, о соседях. Но вот передышка окончилась — командир батареи старший лейтенант Скориков подал команду двигаться вперед.

Весь день ходил я от орудия к орудию, рассказывал последние новости, говорил об обращении Военного совета фронта. Вечером разыскал штаб полка. Он перебрался в П-образный квартал, полностью освобожденный от фашистов.

Виктор Туриев где-то достал огарок свечи. Пишу политдонесение. Сегодня у нас большие потери. Убито три человека, ранено восемь, в том числе командир 6-й батареи старший лейтенант Н. А. Заброда, командир огневого взвода 6-й батареи лейтенант И. И. Щербаков. Тяжело ранен Вася Голубитченко. Из санчасти сообщили, что он получил несколько ран: в живот, ногу, спину и голову. Выживет ли?

Игорь Гринберг помогает мне, диктует:

— Командир взвода управления второго дивизиона лейтенант Пазухин в расположении дивизиона поймал шпиона с радиостанцией. Немец передавал сведения о продвижении наших частей.

Отличился командир орудия восьмой батареи комсомолец Пергель. Его орудие уничтожило две автомашины с боеприпасами. Под вечер гитлеровцы начали контратаку. Пергель разогнал их. Около орудия осталось двадцать пять трупов немецких солдат.

— Сержанта Пергеля надо представить к награде, — говорю Игорю. — Передай начальнику штаба весь материал.

— Хорошо.

Игорь продолжает:

— Наводчик седьмой батареи комсомолец Ермаков разбил немецкое орудие ПТО и уничтожил десять гитлеровцев. В этом бою Ермакова ранило. Но он остался в строю. Только вечером ушел в санчасть.

Вмешивается Горбатенко. Он сегодня был в 1-м дивизионе весь день.

— По первому дивизиону следует отметить солдата Микояна и ефрейтора Коробова. Оба они во время наступления действовали отважно. Микоян уничтожил сегодня пять гитлеровцев, а Коробов троих убил и двух взял в плен.

Недалеко от нас работает помощник начальника штаба полка капитан Каракунов. Он давно уже прислушивается к нашему разговору, хочет что-то сказать. Наконец не выдерживает:

— Можно и мне добавить? Запишите: разведчик штабной батареи сержант Николай Рождественский во время выбора нового наблюдательного пункта обнаружил немецкого снайпера. Этот снайпер утром успел убить двух наших солдат. Рождественский метким выстрелом снял его. Снайперскую винтовку, как доказательство, доставил в штабную батарею...

Всего за этот день мы отметили более двадцати подвигов солдат и сержантов. Завтра утром политработники расскажут о них всему личному составу.

К утру части нашей дивизии продвинулись далеко вперед, заняв несколько больших кварталов. Штаб полка разместился на втором этаже большого дома. К нам пришли начальник политотдела корпуса гвардии полковник И. В. Новиков и начальник политотдела дивизии гвардии полковник Н. В. Ляпунов. Оба — черные от копоти.

— В третьей батарее сегодня не проведена политинформация. Это совсем плохо, — недовольно говорит Новиков. — Солдаты должны быть в курсе событий. Каждый день. Несмотря ни на какие обстоятельства. Разберитесь. И если виноват замполит первого дивизиона — накажите.

— Есть. Политинформацию проведу сам.

— Особо отличившихся немедленно представляйте к награде. Подготовьте материал для листовки.

Я показываю свое политдонесение и список отличившихся.

— О них сегодня и надо говорить на политинформациях. В каждой батарее.

— Хорошо.

С разрешения старших начальников иду в 3-ю батарею. Там парторг 1-го дивизиона старший лейтенант Джаркимбеков проводит политинформацию. Делает он это так. Орудийный расчет выкатывает из-за угла дома гаубицу для ведения огня вдоль улицы.

— Нажимай, товарищи! — говорит Джаркимбеков, толкая вместе с солдатами гаубицу. — Сегодня наши захватили арсенал. Второй дивизион возле центра. Мы отстаем.

После нескольких выстрелов командир батареи командует:

— Орудие в укрытие!

Расчет тянет орудие за угол дома. Здесь маленькая передышка. Батарейцы ждут, пока последует новая команда открыть огонь.

— Как же так опростоволосились, парторг дивизиона? — говорю я с упреком Джаркимбекову. — Не удосужились побывать в третьей батарее раньше начальства.

— С самого утра свободной минуты не было. Постоянно передвигаемся. В первой и второй успели провести...

Парторг батареи старшина Макаров улыбается:

— Мы сами сегодня информируем фашистов. Снарядами. С самого восхода солнца. Даже завтракали попеременке. Один ест, остальные ведут огонь. Так и менялись. — Он снова засмеялся. — До меня еще очередь не дошла.

— Но вот нашли же выход. В промежутках между стрельбой.

Джаркимбеков удивленно приподнял свои густые черные брови:

— Да ведь такую политинформацию то я, то старшина Макаров с самого восхода солнца проводим. Я думал, речь идет об обычной, когда надо собрать всех и говорить полчаса.

— Ну, для таких политинформаций у нас сейчас нет времени...

Весь день 9 апреля шел ожесточенный бой. Мы пробивались к главным объектам города — академии, управлению городских железных дорог, парламенту и Монетному двору.

Центр города. Почти рядом Дунайский канал. 3-й гвардейский полк и наш 3-й дивизион находятся в 392-м квартале, 8-й полк и 1-й дивизион — в районе железнодорожного моста. 11-й полк и 2-й дивизион — в 391-м квартале на берегу канала.

Против нас действуют части танковой дивизии «Райх», 11-й учебный батальон «СС», 130-й пехотный полк и 204, 223, 227, 284 и 400-й зенитный дивизионы.

«Вена — один из красивейших городов мира» — так написано в учебниках географии. Где же эта красота? Повсюду серые, темно-серые и коричневые дома, громадные, безвкусные коробки. Узкие, кривые улочки. «Вена утопает в садах» — говорится в тех же учебниках. Мы идем центром города и не встречаем не только садов и скверов, даже отдельных деревьев. Впрочем, нам не до этого.

Стоим в подъезде огромного темно-серого дома. Эта улица выходит на набережную канала. Немецкий снайпер держит под обстрелом всю улицу. Бежит пехотинец. Мы кричим ему:

— Куда? Вернись, снайпер бьет!

Но пехотинец не слышит нас. Или не обращает внимания на крик. Мало ли кто кричит во время боя. Все кричат. Пехотинец продолжает бежать. Еще один прыжок, и он будет в безопасности.

Но вдруг пехотинец взмахивает руками и падает на асфальт.

— Ох, бедняга! — сожалеет Герасименко. — Надо же так. В самом конце войны.

Что-то надо предпринять. Нельзя оставить снайпера безнаказанным. Разведчики 2-го дивизиона пробираются поближе к каналу, чтобы выследить вражеского снайпера.

Елизаров, Березин и группа солдат управления дивизиона выталкивают со двора несколько немецких автомашин, ставят их поперек улицы. Фашистский снайпер со злости бьет по стеклам кабин.

Подходит женщина-австрийка. Тощее, узкое лицо, большие очки в роговой оправе. Назвала себя журналисткой. С женщиной старик. На чистом русском языке он сообщает нам, что до революции был в России, жил в Санкт-Петербурге.

— Помогите нам, господа офицеры.

— В чем дело?

— Там, в бункере, полно граждан Вены. Пришли пять солдат. Под видом осмотра бункера — нет ли в нем немцев — обыскивают население. Отбирают ценности.

— Не может быть! — убежденно произнес Герасименко. — Сейчас разберемся.

Мы спустились в бункер и увидели пятерых мародеров, одетых в форму советских солдат. Это оказались власовцы. Мы арестовали их и отправили в соответствующие органы. Старик перевел мои слова своим землякам:

— Эти пятеро не были солдатами Советской Армии. Это фашисты и предатели, служившие в армии подлеца Власова. Вы хорошо сделали, что обратились к нам. Бандиты получат по заслугам. Запомните: наша армия не трогает имущества мирного населения. Она не воюет с женщинами, детьми и стариками. Советская Армия не допустит насилия со стороны разных темных элементов.

— Мы благодарим в вашем лице всю Советскую Армию. Мы рады видеть вас в старой, доброй, музыкальной Вене, — сказал старик австриец.

Наше соединение форсирует Дунайский канал. Гитлеровцы усиливают сопротивление. У них появились новые части из дивизии «Мертвая голова». Весь участок нашей дивизии обстреливается вражеской артиллерией.

Батарейцы подтаскивают пушки к каналу и, стреляя прямой наводкой, прикрывают пехотинцев, переправляющихся через канал.

Особенно упорным был бой в районе железнодорожного моста. Снова отличился командир первого орудия 1-й батареи старшина И. И. Федоров. Его расчет разогнал большую группу гитлеровцев, пытавшихся помешать продвижению нашей пехоты. В этом бою Ивана Ивановича тяжело ранило.

Федоров пришел в наш полк еще на западном направлении 11 августа 1941 года. Орудийный номер, наводчик, командир орудия — вот его боевой путь. Иван Иванович Федоров награжден орденом Красного Знамени. На стволе его пушки десять звездочек, заработанных им в боях с неприятельскими танками и бронетранспортерами...

Игорь Гринберг сокрушается:

— Это самый лучший комсомолец полка. Он да еще Володя Чуйко. Самые умелые истребители немецких танков.

11 апреля шел бой в саду Пратер, в лагере Хаусс. Труднее всего было ночью. Днем гитлеровцы где-то прятались, а ночью, как ворье, пытались нападать на наши тылы.

Наш правый сосед вел переправу на западный берег Дунайского канала медленно. Ночью гитлеровцы решили этим воспользоваться и предприняли отчаянную попытку отрезать нас от остальных частей.

Начальник инженерной службы дивизии майор Алпатов получил задание от командира дивизии — принять все меры для сохранения моста через Дунай. Намечалась переправа дивизии через реку.

Майор Алпатов подобрал группу опытных саперов из 14-го гвардейского саперного батальона. В группу вошли старший сержант Д. Филиппов, младший сержант А. Королев, ефрейтор И. Поливода и рядовой И. Свиридов. Алпатов подробно рассказал им о подходах к мосту, произвел предварительную разведку. В тот день саперный батальон вместе с 3-м стрелковым батальоном 8-го полка по трубам, по глубокому рву, ведущему вдоль полотна железной дороги, вырвались на берег Дуная. В этом тяжелом бою майор Алпатов погиб.

Сохранить мост было приказано также и командиру 3-го дивизиона гвардии майору Ковалю. Он посоветовался со своими заместителями — капитанами Елизаровым и Березиным: что они скажут?

Все сошлись на одном: придется вырваться вперед, подъехать к мосту раньше пехоты, развернуться как можно быстрее и открыть огонь по западному берегу — разогнать гитлеровцев, охраняющих этот объект.

Бой за Венский мост был последней упорной схваткой с гитлеровскими частями, оборонявшими столицу Австрии.

Сопротивление фашистов подходило к концу. Почти весь город был уже в наших руках. Пока мы пробивались через центр на северо-запад, к Флорисдорфу, 5-й гвардейский танковый корпус вышел на северную окраину города. 46-я армия со своими танковыми корпусами, ведя наступление по левому берегу Дуная, также приближалась к мосту. Рядом с нами к намеченной цели шли части 20-го гвардейского корпуса нашей 4-й армии. А на самой реке отважно действовали моряки Дунайской флотилии.

Дивизион Коваля одним из первых пробился в район моста. Офицер развернул свои батареи несколько севернее моста, откуда были хорошо заметны огневые точки противника на левом берегу Дуная. Несколько неприятельских танков, превращенных в неподвижные огневые точки,

оказывали нашим пехотинцам сильное огневое противодействие.

Коваль обрушил на эти танки огненный ураган. Бой шел всю ночь.

С 12 на 13 апреля четверка отважных саперов под командой сержанта Дмитрия Филиппова пробралась к мосту, чтобы разминировать его и спасти от взрыва.

Шаг за шагом по упорам пролетных мостовых строений пробирались Филиппов, Поливода, Королев и Свиридов. Внизу плескались холодные волны Дуная. Часто рвались снаряды, настойчиво посвистывали пули. Филиппов обнаружил тайник с взрывчаткой, обрезал шнуры. Затем саперы нашли еще несколько таких тайников.

Итак, мост спасен от взрыва, но он еще не очищен от гитлеровцев. Левая часть его все еще была под их огневым воздействием.

Коваль усилил огонь батарей. Под их прикрытием группа саперов Карпова и солдаты 3-го батальона 8-го гвардейского полка ползком пробрались на левый берег.

Гитлеровцы несколько раз пытались сломить упорство гвардейцев, засевших на левом берегу возле моста, но атаки их были безуспешными. Огонь пушек Коваля не давал фашистам добраться до пехотинцев.

Орудийные расчеты целые сутки не отходили от пушек. А 13 апреля бой достиг, как говорят, высшей точки накала. Всеми владела только одна мысль: не допустить гитлеровцев до моста. Парторг полка Горбатенко, в одной гимнастерке, без фуражки (где-то потерял), носился по огневым, кричал солдатам:

— Давай, хлопцы, давай! Это же последний бой в Вене!

Ранило Коваля. Но он отказался идти в санчасть.

— Пока не выполню поставленную задачу, в санчасть не пойду.

К полудню гитлеровцы прекратили огонь с левого берега. По мосту устремились наши пехотинцы. Вскоре над Веной взвился красный флаг.

Через несколько дней Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено высокое звание Героя Советского Союза командиру 3-го дивизиона нашего полка гвардии майору Александру Моисеевичу Ковалю и командиру 8-го гвардейского стрелкового полка нашей дивизии

гвардии полковнику Ивану Никифоровичу Панченко. Сержант Дмитрий Филиппов был награжден орденом Ленина, его товарищи — орденами Отечественной войны и Красной Звезды.

У меня сохранилась фотография из газеты 3-го Украинского фронта «Советский воин» от 29 апреля 1945 года. Вот текст под этой фотографией:

«Четверка отважных саперов под командованием гвардии сержанта Дмитрия Филиппова ночью скрытно пробралась в расположение врага, захватила мост через Дунай, разминировала его и удержала в своих руках до прихода нашей пехоты. На снимке: герои-саперы (слева направо) гвардии ефрейтор И. Поливода, гвардии сержант Д. Филиппов, гвардии младший сержант А. Королев и гвардии красноармеец И. Свиридов».

4-я гвардейская Краснознаменная Апостоловская стрелковая дивизия получила второе наименование — Венская.

Тишина. Ни одного выстрела. Чистое апрельское небо не бороздят вражеские самолеты. И только во многих местах огромного города все еще дымят развалины зданий. Наши саперы тушат пожарища, стремятся спасти от полного разрушения памятники мировой культуры.

За одни сутки фронт откатился далеко на запад. Наши танковые корпуса лавиною ринулись к Санкт-Пельтену, Амштеттину и Линцу.

Уходим и мы. Космачев горделиво любуется видом своего полка. Стоит у головной машины и, как обычно, напевает свое любимое: «И когда за туманами...»

Подходят командиры дивизионов капитаны Андрей Авраменко, Леонтий Литашов, Федор Березин (он заменил раненого Коваля). Докладывают:

— К маршу готовы!

Космачев отдает последние распоряжения.

— Первая остановка в Вайндлингбахе. Командир корпуса разрешил нам сутки отдыха. Приведем все в порядок, потом...

Он не сказал, что будет потом. Да и трудно сказать. Война подходит к концу. Наши войска ведут бои на ближних подступах к Берлину. И может статься, что через сутки мы форсируем Дунай и помчимся к границам Чехословакии. Ну, а пока отдых...

— В солнечном Вайндлингбахе, — добавляю я, вспомнив, что только вчера в одном из венских домов видел открытку с такой надписью. — Не забудьте: мы останавливаемся на отдых в знаменитом Венском лесу. Говорят, там каждое дерево поет.

— Ох-хо-хо! — задорно произносит Горбатенко. — Всю жизнь мечтал провести веселую ночь в Венском лесу.

Венский лес. Места, где широко лилась музыка Иоганна Штрауса. Отдых, отдых. А солдаты ворчат:

— Зачем нам отдых? Мы не устали. Надо гнать фашистов, гнать без передышки.

Меня срочно вызывают в политотдел дивизии. С хорошей улыбкой Космачев говорит:

— Вы раньше моего узнаете, что предстоит нам на завтра...

В маленькой комнатке накрыт стол. Несколько бутылок красного вина и легкая закуска. Значит, не будет обычного делового совещания.

Из соседней комнаты выходит Ляпунов.

— Ну, вот, настало время и расставаться, — произнес он, и голос его на какое-то мгновение дрогнул. — Большой путь прошли мы вместе.

Николай Васильевич Ляпунов в нашей дивизии с августа 1941 года. Вместе с ней он прошел все дороги войны от сражений возле Соловьевой переправы на Днепре до Венского леса.

— Что случилось?

— Уезжаю, друзья, в Москву на учебу. — Он улыбнулся. — Пришло время учиться.

Поднимаем бокалы, желаем Николаю Васильевичу всяческих успехов.

Спустя несколько дней мы вышли на Дунай в районе города Тульн и заняли оборону. Первого мая командир дивизии генерал Парфенов вручил полку сразу две реликвии — гвардейское Знамя и орден Александра Невского. Это награды за разгром танковой группы врага в районе Секешфехервара. Их принимает новый командир части полковник Василий Андреевич Артемов.

Второго мая над Берлином водружено Знамя Победы.

Мы дали последние залпы. В журнале боевых действий полка последняя военная запись: «Огонь по участку станции Ваграм. Уничтожено до 50 солдат противника...»

Вечером 8 мая останавливаемся в маленькой лесной деревушке Лангегг. Спрашиваю Артемова:

— Какая боевая задача на завтра? Что сказать солдатам на утренней политинформации?

Полковник разводит руками:

— Нет пока боевой задачи. Разве что ночью получим приказ командира дивизии. А сейчас — отдых.

Воспоминания о годах войны, о семье, думы о завтрашнем дне не дали мне уснуть. И вдруг густой торжественный голос диктора Юрия Левитана о нашей победе, о конце войны заполнил комнату. Гитлеровская Германия капитулировала!

В соседней с нами комнате кто-то торжествующе кричит:

— Ура!

Бросаюсь туда. Разведчики 34-й гвардейской дивизии подбрасывают меня сильными руками...

— Ура! Война окончена!

В комнату входит Артемов. Разведчики качают и его. Бравый старшина запевает победную песню, и ее тотчас же подхватывают все.

На большом поле, недалеко от австрийского города Санкт-Пельтен, в боевом строю стоят солдаты и офицеры 4-й гвардейской Краснознаменной Апостолово-Венской стрелковой дивизии.

Идет митинг, посвященный окончанию войны. Выступают прославленные командиры, старые солдаты-гвардейцы — участники ожесточенных боев под Смоленском и Ельней. Говорят гвардейцы, умножившие славу дивизии в наступательных боях под Сталинградом, на реке Миусс, на Днестре, под Будапештом и в Вене. О великой любви к нашей социалистической Родине, к великой партии Ленина говорят воины. Это они, дети и внуки Ильича, выдержали в борьбе с врагом самые большие испытания, какие могут только выпасть на долю человека.

О Родина-мать! Великая земля братских народов Союза Советских Социалистических Республик! Прими нашу горячую сыновнюю любовь, наш гвардейский глубокий поклон.

...Парад. Реют гвардейские знамена, омытые кровью погибших товарищей. Идут гвардейцы, самые обыкновенные солдаты нашей Родины. Вот они, герои боев: Иван Федоров и Василий Голубитченко, Степан Курмахин и Алексей Шевцов, Владимир Кравченко и Вячеслав Голенков, Владимир Чуйко и Алексей Мусин, Афанасий Дубина и Иван Ткачук.

Впереди них шагают прославленные в боях командиры — Анатолий Чернышев и Василий Наконечный, Адам Швед и Георгий Костоломов, Леонтий Литашов и Александр Коваль, Федор Березин и Григорий Елизаров.

И вместе с ними, в одном строю, незримо идут и те, кто не дошел до последнего ратного рубежа, но так много сделал для Победы...

Идут победители. Идут обыкновенные гвардейцы. Поступь их тверда и несокрушима. И нет такой силы, которая смогла бы остановить их в этой могучей поступи.

Нет. И не будет.

СОДЕРЖАНИЕ

Валериан Андреевич Крылов

ОБЫКНОВЕННЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ

Редактор *Борискин Н. М.*
Художественный редактор *Голикова А. М.*
Художник *Васильев В. В.*
Технический редактор *Соколова Г. Ф.*
Корректор *Челак Л. В.*

Сдано в набор 17.6.70 г. Г-71342 Подписано к печати 25.9.70 г.
Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$. Печ. л. $8^1/_4$ (усл. печ. л. 13,86) + 1 вклейка — $^1/_{16}$ печ. л. = 0,105 усл. печ. л. + вкладка — $^1/_4$ печ. л. = 0,42 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 14,713.
Бумага типографская № 2. Тираж 65 000. Цена 62 коп.
Изд. № 3/1805 Зак. 6901.

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160
Набрано в 1-й типографии Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3
Отпечатано с матриц в 4-й Военной типографии
г. Киев-15, ул. Январского восстания, д. 40.

Цена 62 коп.

Крылов В. А.

К85 Обыкновенные гвардейцы. (Военные мемуары.) М., Воениздат, 1971.

264 стр., с портр. и илл.

С первых дней Великой Отечественной войны до победных залпов в мае сорок пятого года автор воспоминаний был политработником. От Тихвина до Вены прошел он с солдатами и офицерами 23-го гвардейского ордена Александра Невского Браиловского артиллерийского полка, вместе с ними делил трудности фронтовой жизни и радость боевых успехов. С душевной теплотой и знанием дела подполковник В. А. Крылов пишет о людях полка, о коммунистах, о роли партийных и комсомольских организаций в бою.

1-12-2-7
55-70

9(С)27

